

ლიტერატურა

გეოგრაფია

6

1977

«Принятие новой Конституции СССР станет важной вехой в политической истории нашей страны. Оно станет еще одним историческим вкладом нашей ленинской партии, нашего социалистического государства, всего советского народа в великое дело строительства коммунизма и вместе с тем в интернациональное дело борьбы трудящихся всего мира за свободу, за прогресс человечества, за прочный мир на земле».

Л. И. БРЕЖНЕВ.

Литературная Грузия

Ежемесячный
литературно-художественный
и
общественно-политический
журнал

Орган Союза писателей Грузии

6

ИЮНЬ

19 ИЗДАТЕЛЬСТВО 77
ЦК КП ГРУЗИИ

«ლიტერატურული გრუზია»

(რუსულ ენაზე)

ქვეყნის მთავარი ლიტერატურულ-მხატვრული
და ხაზგადაღებარი ვაკე-ლიტერატურული მუხრანული

გამოდის 1957 წლის ივნისიდან

№ 6

ივნისი 1977 წ.

საქართველოს საბჭოთა მწერლების კავშირის ორგანო

Главный редактор

ГУРАМ АСАТИАНИ

Редакционная

коллегия:

- Тенгиз БУАЧИДЗЕ,**
- Гиви ЖВАНИЯ,**
- Марк ЗЛАТКИН,**
- Исидор КОЗАЕВ,**
- Георгий ЛОМИДZE,**
- Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,**
- Владимир МАЧАВАРИАНИ,**
- Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,**
- Гурам ХАРАИДZE**
(заместитель главного редактора),
- Владимир ХОМУТОВ**
(ответственный секретарь),
- Эммануил ФЕЙГИН,**
- Георгий ЦИЦИШВИЛИ.**

Издается

с июня 1957 года

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

380008, ТБИЛИСИ, ул. ЛЕНИНА, 5.

- Приемная — 99-06-59
- Главный редактор — 93-65-15
- Заместитель главного редактора — 93-13-57
- Ответственный секретарь — 93-31-28

ОТДЕЛЫ:

- Отдел прозы и очерка
(редактор КОРИНТЭЛИ К. Н.) — 93-31-43
- Отдел поэзии и искусства
(редактор ЗИНИНА В. Б.) — 93-31-43
- Отдел критики и публицистики
(редактор ДОБРОДЕЕВА Л. Т.) — 93-65-19

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются.

Содержание

ПОЭЗИЯ

ГИВИ ГЕГЕЧКОРИ. Священные призраки наших отцов, Приближение ночи. Слуга. Стихи о воскресном дне. Возвращение. Перевод Юнны Мориц	4
ИЛЬЯ ХОШТАРИЯ. Отчизна. В лучах света. Хвалебное. Перевод Сергея Алиханова. Судьба. И я когда-нибудь... Перевод Паолы Урушадзе	6
ШАЛВА РЕХВИАШВИЛИ. Болгарии. Санахшо. Перевод Альберта Налбандяна	8

ПРОЗА

ЭЛГУДЖА МАГРАДЗЕ. Стенание. Роман. Окончание. Перевод Анаиды Беставашвили	9
ТЕНГИЗ ГОГОЛАДЗЕ. Свет добра. Повесть. Продолжение. Перевод Лианы Татишвили	39
ОТАР ЧИДЖАВАДЗЕ. Когда кричит павлин. Роман	56

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

МЕРИ ХРИСТЕСАШВИЛИ. Поиски героя	63
--	----

К 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

ИГОРЬ БОГОМОЛОВ, РАМАЗ КОБИДЗЕ. Интерес. Признание. Резонанс. (Грузинская советская литература в зарубежной критике)	69
--	----

К 140-ЛЕТИЮ ИЛЬИ ЧАВЧАВАДЗЕ

ГЕОРГИИ ДЖИБЛАДЗЕ. Илья Чавчавадзе	81
--	----

НАУКА

ШОТА ДЗИДЗИГУРИ. Баски и грузины	88
--	----

В МИРЕ КНИГ

ЛИЯ ТИХОНОВА. Сага о революционерах	95
---	----

Гиви ГЕГЕЧКОРИ

Священные призраки наших отцов

Для наших легенд и для наших детей
Священные призраки наших отцов
Лишь в полночь выходят из царства
смертей.

Лишь в полночь выходят из царства
смертей,
На ощупь идут наподобье слепцов —
Мрак, вечные стены, удары костей..

И падают, только чтоб кости собрать
И жуткое множество раз умирать
В простреленных сумерках скорбных
знамен, —

Чтоб только вставляли из царства
смертей
Священные призраки наших отцов
Для наших легенд и для наших детей.

Приближение ночи

Эти малые дети большого города,
Которые вырастут и посмеются
Над собственным детством, и станут
людьми,
И быть перестанут детьми..
Вечно рады они краснокожим закатам,
Когда вниз по кремнистым ступеням
щербатым
Сходит тихое солнце и тонет в реке,
Утопающей в сумраке лиловатом..
Вечно любят укромные улицы детства,
Где мелом асфальты расчерчены
в клетку,
Где прежде скакали, вприпрыжку
толкали
Камешек, плитку.
А ныне — свиданья, страсти,
страданья..
Вечно рады родным небесам,

Голубеющим в смутных словах
сновидений,
Пыльным стенам, фонтанам,
Камням неустанным
И усталым костям колоколен и
храмов..
Вечно рады вечерней заре городской,
Вдоль гранитной ограды стоят над
рекой,
На покой провожая плывущее солнце,
И глядят они в речку, в потемки
прохлады..
И рады..
Эти малые дети большого города,
Которые вырастут и посмеются
Над собственным детством, и станут
людьми,
И быть перестанут детьми..

С л у г а

Скрипит от ветра мой ковчег на
пятом этаже.
Аквариум зарос травой, и там сейчас
пасутся рыбки
И как ягнята шиплют зелень,
сбегаясь к той стеклянной стенке,
К которой приближаюсь тенью.
Ребенок ножками босыми по доскам
шлепает и с криком
Несется, словно из вигвама на волю
прыгнувший индеец.
А ты, вязальщица покоя и тишины
(три петли — вправо,
Три петли — влево), вечных спиц
союзница,

Ты скоро встанешь и смажешь
плавным глицерином
Кору потрескавшихся рук.
Погасли солнечные блики,
последний в сумрак покатился,
Как зрелый золотой лимон.
И скоро в бледном свете лунном
похожей станет эта спальня
На поле, скрытое под снегом.
А время движется в пространстве,
как нить в твоих живых руках.
День кончился, как карандаш.
Читаю фолиант поэта, который до
прихода смерти
Сошел в чистилище и в ад.

Вергилий с Дантом ищут мост
В глубоком шорохе листы.
Мост точно должен быть вот здесь —
втемяшили беднякам бесы.
Но нет моста.
Он обвалился, как только в ад сошел
Христос.
О, мы не знаем — какая тьма стоит
в аду!..
Когда включится в небе свет, с
пятиэтажной высоты

Я утром вновь сойду на землю,
вернусь к действительности вновь.
Быстрее вертится земля внизу, чем
наверху... Нет спору!
Мы были молоды совсем, когда
открыли правду:
Время не подчинялось нам нисколько.
И был у времени иной, совсем
незримый властелин,
И время так бежало быстро,
Чтоб верным слыть при нем слугой..

Стихи о воскресном дне

Да, я больше, чем надо,
убедился, что надо
мне не больше, чем... дрожь
каллиграфии сада,
где петит муравьиный
не способен на ложь.
Нищим старцем, руинной
притворяться расхочет
мой кумир, этот мир,
если солнце проскочит,
как монета, сквозь тучи,
сквозь дырявый мундир..
Солнце почерк наклонный,
тень решетки балконной
зарифмуй на полу —
тенью в щелку от тени
дай спастись от мигрени,
жрущей в каждом углу.
Да, я больше, чем надо,
убедился, что надо
мне не больше, чем... дрожь
листьев, замерших в страхе,
чьи прощальные взмахи
не способны на ложь.
Надо выбраться в поле —
вдруг ослабнет на воле
обруч боли моей?
Там ислекван подсолнух —
от беззубой улыбки
стал он младше детей.
В храм воскресного полдня,
жрец воскресного полдня,
я войду, чтобы впредь

грусть на полке вагонной,
как ребенок бессонный,
прекратила реветь.
Да, я буду под хмелем
архаизма и рифмы, —
чтоб, свихнувшись, отстав,
перестал по неделям
в голове, по ущельям,
грохатъ адский состав!
Ни минуты насмарку!
По такому подарку
плачет зимняя казнь.
Этот свет воскресенья,
эти слезы спасенья
будешь помнить всю жизнь!
Да, я больше, чем надо,
убедился, что надо
мне не больше, чем... свет
воскресенья и лета.
Два наивных портрета —
утро и триолет.
Солнце — в дымке, как в сумке.
И качаются сумки —
там, где дымка бедра.
Я стоял бы у окон —
до осенних волокон,
вьющих сумрак с утра, —
до поры, до момента,
где в раскатах брезента
в тучах, в громе, во мгле, —
повелитель мигрени
прикует в озвереньи
вновь мой череп к скале.

Возвращение

Гоплиты. Пехота. Войска Ксенофонта.
Они на понтийском стоят берегу
И временно живы, и временно дышат.
Лишь временно. С этим смирились
заранее,
Заблаговременно это смирение
Было в природе как точное знание.

В начале — колонна сообщников Смерти.
В конце — погребальная яма, зловоние.
Они на понтийском стоят берегу,
Беглецы-победители, трупы амбиций,
И смехотворные плески оваций
Слышатся в хлопанье крыльев гусиных.

Они на понтийском стоят берегу
И смотрят на солнце — оно избаловано
Любовью моей. Полоща горизонт,
В их ржавых зрачках ослепительный

Понт

Гонит объятое трепетом стадо
Холмиков синих в каракулях пенных.
Они на понтийском стоят берегу
И дикого меда тяжелый дурман
Они в черепах притащили военных.
Они притащили седые виски.
Они притащили карманы песка.
Здесь на постое их души, их плоть.
Страшно — как плоть этих душ далека.
Как только им ночью заснуть удается,
Встают их покойники, в ямах
проснувшись,
И эти смертельно усталые трупы
Рвутся обглаживать воспоминанья —
Кости, которые память швыряет.

В черепа — свалка столиц, городов,
Царств, где когда-то они ночевали,
Как муравьи в опустелых ракушках.
Арки, орнаменты, вниз головой
С гребня стены улетающей в вечность
Ужас любимой моей и ребенка.

Здесь. Мои тени родные — вот здесь,
И водяной со взъерошенной гривой
Это бормочет в глуши тростниковой.
А рядом с рекою, которая зрима,
И та существует, чье русло незримо.

Из вечности крик петуха раздается.
Орет, чтобы мертвая память воскресла
И вздрогнуло все, что спало беспробудно
Веками в моей настрадавшейся тайне,—
Все то, что я видел туманной зарею,
Когда я и прежде бывал в этой жизни.

Перевод Юнны МОРИЦ

Илья ХОШТАРИЯ

Отчизна

В дали невыразимо синей
Рассветный луч возник.
О чем же шепчутся осины,
О чем молчит тростник?

Живое жадно припадает
К источникам, ручьям.
А солнца, света прибывает,
И возникает гам.

Как будто бы по нашей воле
Творится новый день.
На берегу, в лесу и в поле
Возникнет свет и тень.

Но что от взглядов укрывает
Клубящийся туман?
Олеся голос возникает,
И тонет где-то там

Но вот уже вдали все ясно.
Уже в поля пора.
Моя Отчизна, ты — прекрасна,
Ты — родина добра.

Тебе, мой край, до боли милый,
Тебе, наш общий дом,
Прибавим красоты и силы
Своим земным трудом.

1976

В лучах света

Здесь сад шумит и памятник стоит.
А облака неспешно проплывают, —
Восход их на полнеба серебрят,
Когда закат — они вдали пылают.

Отсюда исчисляется моя
Судьба и жизнь, и в запахе акаций
Благоговеньем наполняюсь я,
Склоняясь перед Вами, мой Акакий.

Как будто птицы — строки пролетят
По памяти.

О, сколько в них движенья,
И шума крыльев. Оживляет сад
Промчавшееся вдруг стихотворенье!

А вот и сами птицы. Как легки
Крылатые созданья на помине.

Опьяненный властью тиран стал называть себя Тамаз-ханом, на трон возвел малолетнего наследника и для отвода глаз прикинулся покорным рабом беспомощного ребенка. Вскоре ему надоела и эта игра, он велел удавить беззащитного ребенка и объявил себя повелителем Персии:

Зваться стал он Тамаз-ханом,
Супостат отчизны нашей.
В эти дни, как волк баранов,
Покорил он кизилбашей,

И завел себе он много
Беглар-беков и узбашей,
И большие арсеналы
Основал воитель вражий.

Ясно, что победившему тирану внутри страны никто не мог стать помехой. Тогда он попытал счастья во внешней политике и решил показать себя и другим государствам. Некоторым это знакомство стоило свободы и независимости. Искушенный в политических интригах Надир стороной обошел Грузию и обратился с посланием к колоссу, высящемуся на севере, — к русскому царю:

«Взыскан милостью аллаха,
Я воссел на царский трон.
Шах-Тамаз почил бездетным,

Не оставил сына он.
Я назвался Тамаз-ханом,
В сан владыки возведен».

Находящемуся при русском дворе послу Тамаз-хана — Хулупу донесли, что Вахтанг с помощью и при поддержке русских затевает разорение Сухава, развязывание войны в Шемахе и намеревается разбить Персию.

Хулуп проверил сведения и, убедившись в их истинности, написал Тамазу, что царь Вахтанг замыслил «завладеть Шемахой». Тамаз-хан не мешкая выступил в поход, внезапно напал на Сухав, истребил все войска, вокруг все опустошил, как «Иисус Навин землю Аморрейскую». Здесь Гурамишвили вспоминает о библейских событиях. Тамаз «сокрушил врата Гянджи», после чего осмелел так, что даже повелители могущественной России не решались противиться ему. Из Тбилиси были изгнаны турки, дрожавшие от страха перед новым ханом.

Налаживая отношения с русскими, Тамаз-хан развязывал себе руки для полного владычества на Кавказе. Россия уступила свои позиции. Тамаз-хан обнаглел еще пуще и написал дерзкое письмо русскому фельдмаршалу: «Не насильничай над нами, если ты не враг Ирана. Если есть долги за мною, возмещу их без обмана, если ж нет, то мне сегодня милость царская желанна!».

Этот намек означал требование, чтобы Россия освободила земли, присоединенные Петром:

«Разве вам Дербент подвластен,
Армоан, Баку, Сулак?
Чересчур не надо хвастать
Хвастуну обильем благ.

Почему ты пашешь землю
Там, где сел я табак?
Почему с моих базаров
Дани требуешь, как враг?».

В уста зарвавшегося победителя поэт вкладывает следующие угрозы в адрес России:

«Коль теперь мы не поладим,
Дело кончится войною.
Лучше вам уйти оттуда,
Где стоите предо мною».

Так оно и было. Тамаз-хан на самом деле предъявил ультиматум России. Такую дерзость мог себе позволить только могущественный властитель. Тамаз-хан к тому времени действительно располагает могучей силой и может диктовать свои условия другим странам.

Давиду Гурамишвили хорошо известно, что Персия окрепла благодаря Тамаз-хану:

Он, могучий, Шах-Тамаза
Предназначил топорю,
Устрашил мечом османов,
Дагестан и Бухару.

Из Баку, — сказал он русским, —
Уходите по добру!
Даже Индии властитель
Припадал к его коври.

Высшее командование царя позволило Надир-шаху запугать себя. Только из-за нерешительности и нерасторопности верхушки Россия потеряла земли Прикаспья, присоединенные в свое время Петром. С иронией и горечью сообщает об этом читателю Давид Гурамишвили:

Адмирал ему ответил:
«Не прими за оскорбленье,
Что обязан я в столице
Написать уведомленье,
Жди высокого указа,
Собери свое терпенье,

Все охотно я исполню,
Получив распоряженье».

И в ответ из Петербурга
Поступило приказанье:
«Отступить от побережья,
Крепость скрыть до основанья».

Таким образом, правители России пошли на компромисс, уступили Прикаспье, оставили и Грузию один на один с кровожадным драконом. Царское слово и торжественное обещание императрицы Анны были забыты.

Достигнутые успехи возвысили Тамаз-хана в его же собственных глазах. Называться Тамаз-ханом ему показалось малым, и он нарек себя Надир-ханом, украсив свое имя шахским титулом.

Обезглавленная, опустошенная и разоренная Грузия оказалась перед новым Джелал-Эд-Дином или Тамерланом. Что должен был предпринять оторванный от своей страны, связанный словом с Россией царь Вахтанг? Изменить торжественно данной в Петербурге клятве верности и принять предложение Надир-шаха, довериться его воле, стать его верным рабом и оставить навсегда надежду на северного соседа? А Надир-шах, кроме царства, обещал Вахтангу щедрые дары... Здесь было над чем поразмыслить. Давид Гурамишвили хорошо передает этот эпизод в «Бедствиях Грузии»:

В эти дни к царю Вахтангу
Прискакал посланец снова.
Шах писал: «Вернись в отчину,
Я не сделаю худого.

Пополам мечом рассек я
Твоего врага былого.
Верь мне, царь, и мой подарок
Не отталкивай сурово».

Ясно, что это было подслащенной приманкой коварного злодея. Какая могла быть дружба между волком и овцой? Однако Вахтанг должен был посчитаться с создавшейся обстановкой, прикинуться другом персов, выиграть время, а потом уже добиваться своего. Но Вахтанг был горд и упрям и недолго думая отверг предложение шаха:

Не поверил, оскорбился
Царь, читая тот указ:
Шах кольнул Вахтанга в сердце,
Как шиповник колет в глаз.

Разумеется, недоверчивость Вахтанга имела под собой основание, ведь он был непримиримым врагом Персии и на всем Востоке считался стойким поборником союза с единоверной Россией. Он остался верным раз и навсегда избранному пути. Чем изменить своим принципам, нарушить обещание и данное слово, он предпочел снова вернуться в Астрахань. Таким образом, он оставил Грузию в пасти разъяренного зверя. Русские же не только Грузию, но оставили даже Дербент и отступили к Кизляру:

Войско русских отступило
Из Дербента на Кизляр.
Спешно в Астрахань вернулись
Царь и сын его Бакар..

Давид Гурамишвили прекрасно понимает переживания Вахтанга, и лабиринты поэтической души царя не остаются неосвещенными. Гурамишвили раскрывает перед читателем духовный мир повелителя, который здесь в первую очередь выступает как обычный человек, сломленный неудачами:

«Что мне жить, — сказал владыка, — Ты мне девять посылаешь.
Если жизнь — презренный дар! Сердце мне мечом пробили,
Мир мгновенный, мир коварный, Ты копьём мне грудь пронзаешь.
Ты за что меня терзаешь? Не даешь мне жить, проклятый,
Я с одной бедою свыкся — И на смерть не обрекаешь!».

И без того не избалованного удачей Вахтанга в Астрахани ждал новый удар. Тогда он окончательно махнул рукой на безнадежную борьбу и покорился своей горькой участи, осыпая проклятьями безжалостное колесо судьбы. Но кто же не ругал и не проклинал наш бранный мир?! Здесь не были новыми ни проклятья, ни слова. Это было самоутешение, сто тысяч раз испытанное в жиз-

ни и в поэзии, доказательство собственного бессилия. В политическом смысле эти сетования не могли дать ничего, но поэтически они сформулированы с большой силой и искренностью.

Вахтанг отрекается от земных дел и забот, призывает к себе сына Бакара и поручает ему покинуть отчизну. Сам же он решает остаться в Астрахани. «Здесь я буду ждать своей кончины, — сказал он наследнику и свите. — Возглавь семью и страну», — вымолвил он через силу, и слова эти прозвучали как завещание. Это означало, что царь складывает оружие... Хотя он не врагу сдавался, а покорялся неминуемому приговору судьбы: пришлось взглянуть правде в глаза, всех отпустить и заживо похоронить себя... Эта поистине трагическая сцена занимает в «Бедствиях Грузии» достойное место:

«Под какой звездой, не знаю,
Мир впервые я узрел!
Бился много я, но тщетно,
Ныне биться—твой удел.

Я сложил свое оружие,
Изнемог и постарел.
Будь нам горе или радость —
Ухожу от этих дел».

Глубина отчаянья царя такова, что он перестает заботиться о судьбе своих приближенных. Он готов всем предоставить свободу. Те, у кого семьи в Картли, пусть возвращаются к ним, женившиеся в России вольны оставаться здесь. Вахтанг не признает за собой права решать чужую судьбу. «Погубив страну, у старца я ли сына отниму!» — с горечью восклицает он.

Вот до чего довели бедствия Грузии злосчастного царя! Однако Давид Гурамишвили не в силах бросить горький упрек своему бывшему покровителю. Он старается так обрисовать сцену прощания царя с подданными, чтобы читателю стало ясно, что Вахтанг отнюдь не равнодушен к дальнейшей судьбе родины. Просто он настолько обессилен, что не может больше бороться. Мучимый раскаяньем, Вахтанг уже не видит спасительного луча надежды. Он считает себя погубителем страны, ибо не сумел найти спасительного пути: вместо того чтобы сражаться, сложил оружие, перебрался на чужбину и двадцать лет томился в бездействии. Теперь он приходит к выводу, что лучше умереть, чем «жить сиротским хлебом». Он кается в своеволии, которое не всегда диктовало царю мудрые решения, и предостерегает ближних: «...Но смотрите, чтоб в несчастье вас не свергло своеволие!». Этот совет выстрадан им самим. Царская прихоть приводит к тяжелейшим последствиям.

Сын Бакар упрекает царя в малодушии, просит развеять облако печали, вернуться в Москву и жить там, как жили прежде. Царь отказывается, приводя убедительные аргументы:

«...Как жили раньше,
Жить не будем никогда!
Посмотреть в глаза народу
Я не смею от стыда...»

«Мне больше не оправиться, — говорит Вахтанг, — таков мой недуг». Недуг этот — бедствия Грузии, неудачи, сыгравшие роковую роль в судьбе несчастного венценосца.

Грузины отречение царя встречают со скорбью:

И грузины пред Вахтангом,
Плача пали на колени,
Били в грудь себя руками
И кричали в испуге:

«Почему, о царь, в пустыню
Ты бежишь, подобно тени?
Почему ты хочешь скрыться
От житейских тревожений?»

Упрек подданных можно признать справедливым:

— Вот уже девятнадцать лет минуло с той поры, как мы покинули родину и пошли за тобой. Мы служили тебе верой и правдой, а теперь ты хочешь нас бросить на произвол судьбы, какая же это плата за верную службу?

— Все так, но я не в силах спасти родную страну, а чем еще я могу отплатить за вашу службу? — плача ответил им царь. («Наградит вас бог сторицей. Я же нынче не умею»).

Здесь открывается одна из самых горестных страниц бедственной летописи Грузии.

Царь в безысходном отчаянии. Его отречение можно оправдать тщетными стараниями и бесплодными усилиями, которых он не оставлял на протяжении двух десятилетий. Он почувствовал, что больше не в силах вершить судьбы своих соратников, но и не в состоянии «отдать их под власть чужую».

Услышав эти слова, грузины еще больше стали переживать («рвали волосы от горя, кулаками в грудь стучали»). Огорченный Вахтанг сам пытается их

утешить («сердца мне не разрывайте, я и так убит, несчастный»). Он советует им довериться Бакару, который укажет им путь («вы должны ему на верность добровольно присягнуть, чтоб без ведома Бакара шага больше не шагнуть»). Теоретически он хорошо знает, что «стадо без надзора волк пожрет в одно мгновение». Понятен и другой его тезис: «Послушание — заслуга, а упрямство — заблуждение», хотя сам он уже не требует послушания.

Приближенные Вахтанга понимают, что их повелитель сложил оружие. Прощаясь, они припадают к его стопам и «навек покидают царский дом». Далее они жалуются Бакару, что отец их всех выгнал, оставив при себе лишь десять человек. Они признают, что ученость Вахтанг может сравниться с Иоанном Дамаскином, но правитель из него не получился, поэтому его отречение не причинит Грузии никакого вреда, так же как и правление не принесло никакой пользы. Он не был врачом ран Грузии и не мог им быть, ибо провидение возлагает на каждого такую ношу, какую тот сможет выдержать и в силах донести до конца.

Бакар не стал спорить с соотечественниками, он сам придерживался мнения, что отец его ошибся. Вернее, он повторяет мысли автора:

Им Бакар ответил: «Знаю
О его решенье странном.
Но клянусь детьми своими,
Александром и Леваном,
Много раз твердил отцу я:
«Что творить ты с нашим станом?».

Но отец в Москву не хочет
Возвращаться к россиянам.
Мудрых дел его донные
Видеть мне не довелось.
Ведь за что он ни возьмется,
Все идет и вкривь и вкось.

За неоднократно взвешенным, хорошо продуманным приговором и оценкой деятельности царя Вахтанга, безусловно, стоит Давид Гурамишвили. Во-первых, сын во всеуслышание не вынес бы такого сурового приговора отцу, когда тот по собственной воле оставлял поприще. Во-вторых, и это главное, — автором этого жестокого, нелицеприятного, но справедливого приговора скорее является мудрый поэт, чем наследник царя.

Так или иначе, но время и обстоятельства поставили во главе движения и борьбы с Надир-шахом отца и сына: Теймураза II и Ираклия II. Их разумная внутренняя и внешняя политика спасла народ Грузии от истребления, и, таким образом, полностью оправдалась характеристика, данная Вахтангу Давидом Гурамишвили.

Судя по поэме, Бакар подчиняется отцу и едет в Москву. Он торопит вельмож, опасаясь, что с приближением осени путь станет трудным. До Царицына решили следовать на ладьях, а дальше в повозках. Свита приступила к приготовлениям, хотя всем тяжело было расставаться с царем.

В этот период в Грузии господствовали персы, так что путь на родину приближенным Вахтанга был заказан. Начинается спешная подготовка к отбытию в Москву, связывается и укладывается багаж. С отрекшимся царем прощается и Давид Гурамишвили:

Но огнем неугасимым
Жгло нас царское решенье,
Перед близкою разлукой
День мы прокляли рожденья.

Поэт и государственный деятель, ученый и книжник, патриот и гражданин, Вахтанг VI остается в чужом краю в окружении десяти преданных слуг. Понятно, что его приближенных это решение приводит в смятение. Не случайно Гурамишвили сравнивает состояние грузин с уделом строителей Вавилонской башни:

И пустились мы в дорогу,
И дела распались в прах.
Царь, оставшись одиноким,
Все мольбы отверг в сердцах,

Как на башне Вавилонской,
Нас объял великий страх,
Ибо стали говорить мы
На различных языках.

Такой обстановке вполне соответствовали причитания, плач, стенания, слезы, и вот поэт целую главу посвящает «Жалоба Давида Гурамишвили на счастный и мгновенный мир»:

Можно ль миру доверяться?
Лжив, изменчив мир мгновенный!
Хоть вцепись в него когтями,

Не удержишь дланью брэнной.
Нынче ласков он, а завтра
Поразит тебя изменой.

Когда-то и поэт был счастлив, цеплялся за мирские радости, старался не упускать мгновенья, но он пострадал от безжалостных когтей судьбы, сердце его опалено лютым пламенем, и теперь ему остается только одно — сетовать на злую судьбу и недолговечность счастья:

Коротка ты, жизнь земная,
Счастье коротко вдвойне.
Все утратил я, несчастный,
Что имел в родной стране!

Естественно, что Давид Гурамишвили о своем несчастье со жгучей болью вспоминает именно тогда, когда грузинского царя, грузинский царский двор и саму Грузию постигает досадная неудача.

Он — кровный сын своей страны, судьба поставила западню его родине, и в этой западне вместе с Грузией оказался и наш поэт. И ему ничего не остается, как сетовать на провиденье:

Что еще сулит мне в жизни
Эта злая западня?
Может быть, уже забыла

Обо мне моя родня.
И не сына нет, ни дочки
В этом мире у меня!

Счет предьявлен немалый, судьба сначала лишила его свободы, затем родины и близких, связала по рукам и ногам, все отняла, день превратила в ночь!

Среди общих мест «Жалобы» мелькают биографические детали. Давиду Гурамишвили не дают покоя и требуют, чтобы он сменил место жительства:

Если, бывший ахалдабец,
Я теперь уеду в Боли, —

Воспитать сиротку-книгу
Не смогу я поневоле.

В изящных строках заключена тревога за «сиротку-книгу». Поэту знакомы капризы бренного мира: песня легко может превратиться в вопль горя, но все же он с упованием взирает на свое «дитя»:

Вкруг меня врагов немало.
Как же мне не унывать!

Сел и стал стихи слагать я,
Чтоб хоть их детьми назвать.

Гурамишвили — не первый, кто называл свои творения кровными детьми, однако так часто и упорно об этом никто не говорил.

Близится кончина царя Вахтанга. Преходящий мир до последнего дня преследовал этого мужественного и благородного человека (Гурамишвили подробно перечисляет его многочисленные достоинства). Он и добр, и щедр, и поданных своих взрастил как детей, и слово умел держать, и доверчив был, и великодушен, но явилась неумолимая смерть и своим мечом пронзила царя — воина и поэта. Это случилось 26 марта 1737 года.

Кончину Вахтанга Давид оплакивает в классических, возвышенных стихах: «Горе! Столп какой свалился! Пал какой чертог чудесный!». Только благодатное перо Давида Гурамишвили смогло так совершенно описать национальное горе и скорбь разлученных с родиной изгнанников. Не стало просвещенного царя-патриота, поэта и ученого, общественного деятеля. Кто отныне заступится за обездоленных собратьев? Кто спасет бесценные рукописи?

Царь, детей своих покинув,
Опочил в могиле тесной,

Крепче стой, хоть ты не рухни,
Голубой шатер небесный!

Смерть царя Вахтанга поистине оказалась трагедией для грузинских эмигрантов, хотя бы потому, что Вахтанг был авторитетной личностью, с которой считался российский двор:

Умер царь, и нам, грузинам,
Нелегка была утрата,
.....
С перебитыми крылами

Заметались мы, орлята,
Запищали безнадежно,
Как без курицы цыплята.

Но среди этих цыплят находился и истинный сокол нашей поэзии! В Москве-граде ждали солнца, а оно запаздывало с восходом. И не было конца ожиданию...

Сетовал на судьбу беспокойный гость бренного мира, стонал о бедствиях отчизны и родного народа Давид Гурамишвили — поэт и хранитель арсенала

при владыке Грузии, царе-изгнаннике, оставшемся без владений, без воинства и без родины.

Э. А. М. 1933
Э. А. М. 1933

ВОИН РУССКОЙ АРМИИ

«Обернувшись другом, ты сразишь недугом».
(Плач Давида о мгновенном мире)

Смерть царя Вахтанга еще более осложнила положение: политические эмигранты превратились в бездомных беженцев, потерявших цену в глазах русских, и теперь они вынуждены были сами заботиться о себе и бороться за существование.

К несчастью, царь Вахтанг в личной жизни был человеком мягким и добрым, он не умел «постигать лукавство князей», как пишет Вахушти. Ему и при жизни трудно было обуздывать завистливых царедворцев, а после его смерти они и вовсе распоясались. Правда, Вахтанг раньше отрекся от власти, отошел от политической деятельности и перебрался в Астрахань как частное лицо, однако для грузинских беженцев он все-таки оставался царем, авторитетом, опорой и надеждой. Кроме того, выяснилось, что он по-прежнему пользовался уважением и при русском дворе, ибо при его жизни никто не требовал от грузин немедленного и окончательного решения своей судьбы. Но стоило царю умереть, как его подданных тотчас лишили источника существования и без обиняков заявили им: «Иль обратно уходите, или здесь служите нам».

Перед осиротевшими эмигрантами во весь рост встал вопрос о хлебе насущном. Эта проблема для Давида, как и для многих других, была отнюдь не легкой. Согласно архивным данным, с ним проживали жена, теща, слуга с женой и дочерью, две служанки и израненный ветеран многих войн дядя — Мераб Гурамишвили.

Кто станет кормить беженцев без всякой выгоды? Русские правители хорошо знали, что закаленные в тысячелетних боях грузины были отличными воинами, и, вероятно, поэтому перед ними вопрос был поставлен ребром: или поступайте в нашу армию, или уходите от нас. («Коль на службу не пойдете, вам прокорму не набраться»).

Русский императорский двор тем самым предлагал беженцам беспорно справедливый и практичный выход из положения.

И сказали россияне:
«Ведомо, грузины, вам,
Что господь не позволяет
Поклоняться двум богам».

Иль обратно уходите,
Или здесь служите нам.
Бесполезно предаваться
Сокрушенью и слезам».

Решение остаться в чужой стране, когда на родине каждый из них стоил бы доброй сотни человек, граничило с предательством. Не говоря о том, что это являлось и нарушением царского завета. Но, казалось, перемена климата подменила грузинам и сердца: им мерещились блестящие эполеты, аксельбанты, золотые пуговицы — и выбор был сделан. Этот шаг грузинской знати Давид характеризует весьма откровенно:

И завет царя Вахтанга
Мы, грузины, позабыли:
Не спросились у Бакара,

Своевольно поступили.
Мы пошли по тем дорогам,
Что всего опасней были.

В этом заявлении не чувствуется попытки выкрутиться, оправдаться. Истина высказана со всей прямотой и суровостью. Что же касается поступка самого Давида, то, очевидно, у него не было ни средств, ни возможности, чтобы, осудив решение собратьев, вернуться на родину, где по-прежнему продолжали орудовать разного толка захватчики. После долгих споров и словопрений все кончилось тем, что эмиграция приняла решение остаться в России. Ведь у русских была такая великолепная армия!

Вызывает восхищенье
Войска русского уклад:
Каждый полк в особой форме,
На один устроен лад.

В поле стройно маршируя,
Как один идет солдат.
Удивительно искусство
Их подкопов и осад.

Грузин в русскую армию зачислила сама царица Анна Иоанновна.

Как и полагается, новая императрица вначале сулила народу добро, но вскоре нарушила обещание и затеяла войну со шведами. Зачисленных в армию грузин перебросили туда, где раздавался бой барабанов, стоял тяжелый дух картечи, пороха и щедро проливалась приторная алая жидкость.

Первым важным государственным шагом царицы Анны была выгодная договоренность с шахом Ирана Тамаз-Кули-ханом, затем генерал Ласси с двадцатитысячной армией вторгся в Польшу, обратил в бегство претендента на престол Станислава Лещинского и овладел Данцигом (Гданьском).

Анна Иоанновна в 1735 году отправила на помощь императору Карлу VII, воевавшему с Францией, десятитысячный корпус, а для грузинского царя она приберегла только любезную улыбку. Австрийцам помощь Анны не понадобилась, они помирились с Францией. Через год французы добились того, что Анна начала кровопролитную войну против турецкого султана, подстрекавшего то и дело крымских татар к антирусским выступлениям. Анне и в этой войне не улыбалось счастье. Вскоре ее союзница Австрия была вынуждена заключить с Турцией позорный мир, и царица последовала примеру Австрии. В 1739 году в Белграде был заключен мирный договор, никак не соответствовавший ни понесенным жертвам, ни военным успехам России.

Потеряв почти 100.000 солдат, Россия даже не получила выхода к Азовскому морю, а южная ее граница оставалась открытой для набегов, что сулило в будущем новые столкновения с Турцией.

Таковы были печальные последствия внешней политики Анны. И во внутренней политике она действовала по указке примитивного ума Иоганна Бирона... Регентом своего ближайшего родственника и наследника — шестилетнего принца Брауншвейгского она оставила, согласно завещанию, того же Бирона. Анна процарствовала с 1730 по 1740 год.

Такова была русская императрица Анна Иоанновна, «архипастырем вечанная, милосердная к народу». На самом же деле враждебно настроенная к русской культуре, невежественная и чуждая всему русскому. Ее царствование гениальный Пушкин называет «ужасом», а народ весь мрачный период ее правления охарактеризовал одним словом: «бирановщина».

28 марта 1738 года Давид Гурамишвили вместе с девяноста семью грузинами вошел в состав вновь созданной грузинской части при русской армии. В этом же 1738 году был получен новый высочайший приказ: грузинским поселенцам отводились земли на Украине, где они сами должны были обзавестись скотом, лошадьми, приобрести снаряжение, ничего не требуя от казны. Каждому из князей давалось по тридцать крепостных, а дворянам — по десять. Земли грузины получили на Полтавщине. Гурамишвили получил деревню в двадцати верстах от Миргорода, на берегу тихой реки Хорол. Деревню эту украинцы называли Гурамовщиной, а он сам называл ее Ахалдаба (Новоселок).

Так или иначе, до сих пор бывшие почетными гостями грузины возложили на себя ярмо службы, приняли русское подданство, стали воинами русского царя. Понятно, что пребывать в праздности — у себя дома или на чужбине — позорно. Долг человека — участвовать в делах страны, служить ей. А вступление в братскую, единоверную армию сулило славу многим грузинам. Все это так. Но что будет с Грузией, какая судьба постигнет ее? Мысль об этом лишила сна и покоя лишь нескольких из грузинских эмигрантов.

Командиром Давида Гурамишвили в грузинской гусарской роте был Мамука Давиташвили, писавшийся Давыдовым. Это был неотесанный человек, крайне грубо обращавшийся с подчиненными. Такое в истории случалось часто. Какой-нибудь тупой солдафон развлекается тем, что издевается над попавшим под его начало гением, а потомство впоследствии запоминает имя тупицы лишь благодаря его бессмертной жертве.

Этот парадокс давно уже никого не удивляет!

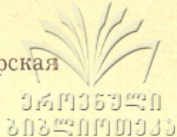
Кто знает, сколько унижений перенес поэт от ветрогона Мамуки, который хоть и был отважным бойцом, но на подчиненных смотрел свысока и не замечал светлого ума поэта и его пылкого сердца! Летописец молчит, а сам Давид Гурамишвили ничего не говорит об этом.

Земли-то грузинам отвели, но пожить на них им довелось недолго. В 1739 году мы видим грузинский гусарский полк в боевых действиях.

Прусский король Фридрих Великий давно угрожал России, турки по-прежнему точили меч. На севере никак не мог утихомириться король Швеции.

Грузины едва успели свить свои гнезда, как их уже призвали на войну. Давид Гурамишвили вместе с престарелым дядюшкой Мерабом отправляется на фронт.

Однако и распределение земель происходило не так уж мирно. Царская милость была принята неподобающим образом. Милость же была такова:

Дать князьям по тридцать дымов
И по десять всем дворянам,
Если этого не хватает,
То прибавить счетом равным
Всем еще по десять дымов,
Чтобы домом жить исправным.

Близко к истине мнение, будто все злодеяния в этом мире связаны с разделом и раздачей земельных владений. Что же удивительного, если и грузины не составили в этом смысле исключения, находясь, вдобавок, в положении людей, оторванных от родины. Могло ли распределение поместий обойтись без зависти, раздора, корысти и жадности, рвачества и грубости! Царская милость вызвала бурю возмущения, ибо она всех уравнивала в правах.

Мираж рассеялся, и свита Вахтанга очутилась лицом к лицу с горькой действительностью. Большинству достались только солдатские шинели, и химера зависти сразу раздулась в грозовую тучу. Некоторые в знак протеста тут же оставили грузинское подразделение. Понятно, что чванливые дворяне сочли оскорбительным подчиняться равным им по рангу и происхождению. Только Гурамишвили молча покорился высочайшему приказу и приговору судьбы, не выразил протеста ни словом, ни делом. Хотя он был родовитым князем, однако молча принял новый поворот судьбы и новое назначение.

Бывший джабадар-баши удовлетворился солдатской шинелью. Прихотливая судьба поселила горисубанского князя в миргородской стороне. Для него самого это оказалось вполне приемлемым положением, а для его отчизны и народа и вовсе — полезным и нужным. Ибо жизнь, проведенная на берегу тихого Хорола, на собственно украинской земле, стала прочной основой той дружбы между украинцами и грузинами, которая выдержала испытание временем — как в мирные, так и в военные годы.

Начиная с 1743 года целых полвека провел Гурамишвили в Миргороде и его окрестностях. Половина века, ведь это целая жизнь!

Эти полвека не были мирными в жизни Гурамишвили. Трижды приходилось ему покидать свой очаг для участия в крупных войнах. К этому надо добавить, что поместье его не раз страдало от вражеских набегов, было разорено и сожжено дотла...

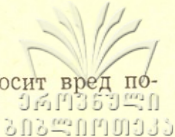
Если вкратце предположительно годы его пребывания вне дома, то все же получается, что Давиду пришлось прожить в Миргородской губернии тридцать-тридцать два года. Для улаживания всевозможных дел ему приходилось ездить в Миргород или Полтаву или же в Ахтырку, где ежегодно второго июля устраивался религиозный праздник. Остальное же время он посвящал поместью. Он выглядит трудолюбивым и рачительным хозяином, он пашет и сеет, а на досуге пишет, читает и мечтает о благополучии народа. К сожалению, ему не суждено подолгу жить в мире и покое. «Суета» завистников окончательно испортила дела грузин. Полк по существу был расформирован, и грузинских офицеров и солдат раскидали в разные стороны — в Австрию, Швецию, Пруссию. И в безбрежное море канули те капли, которые когда-то назывались... преследуемыми грузинами, «свитой царя Вахтанга». Главной причиной этой трагедии поэт называет зависть:

Зависть мудрому решеню
Воспротивилась тотчас:
«Сталь тверда, железо мягко, —
Как равнять возможно нас?»

Глубоко разделяющий бедствия Грузии, он с большим поэтическим мастерством описывает пагубное действие зависти. Картину эту еще больше оживляет и придает ей остроту классический прием. Зависть олицетворена и истребляет людей как живое существо:

У меня был конь неважный,
Я не смог нигде укрыться,
Подскочив, кривую саблю
Надо мной занес убийца.

Умертвила злая зависть
Тетию Орбелиани
И Адама Цицишвили
Обрекла на поруганье.

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ
ՆԱԽԱՐԱՐԱԿԱՆ ԳՐԱԴԱՐԱՆ

Зависть разрушает братский союз, лишает людей покоя, приносит вред по-
томству:

Эта бешеная зависть
Принесла нам бед немало:
Старших саблей зарубила,
Младших насмерть растоптала.

Мой очаг она спалила,
Кров последний отобрала.
И вошла тоска мне в сердце.
Как отравленное жало.

Таким образом, зависть причинила Давиду Гурамишвили новую боль, ранила его сердце, зарубила, растоптала и его детей, то есть уничтожила его стихи и поэмы. Где заводится зависть и злоба, там все идет вкривь и вкось. Тяжбы, распри и соперничество наносят урон добру и укрепляют зло. Из-за бесконечных преследований и притеснений поэт не смог сберечь свои рукописи, и плоды его духовных и физических усилий оказались принесенными в жертву неразумной вражде. Великодушный поэт лишь иносказательно, деликатно намекает на некоторые обстоятельства, однако в поэзии он не может избежать правды, и из сочинений его явствует, что он много раз был возмущен подлостью завистников и интриганов:

Тайный недруг мой вначале
Неприметен людям был,
Но внезапно проявилось
В нем немало скрытых сил.

Поедая много мяса,
Он костями нас кормил,
Древо пышное срубил он,
Сучковатое взрастил.

Отсюда можно заключить, что недостойные угнетали достойных, пни «расцвели» за счет благородных деревьев.

Давид оказывается в лагере притесненных, преследуемых и угнетенных. Он молит бога воздать должное злодеям, которые попирают ногами добро и преследуют его безбожно и несправедливо:

Добрых сделал он дурными,
Все разбил, что было свято.
Сам слепой, он перепутал
Все дороги для собрата.

Медный сплав с тех пор цениться
Стал у нас дороже злата.
Взыщет бог за все дурное,
Что он сделал мне когда-то.

С помощью поэтического тропа Давид изображает злобу и подлость движимого завистью земляка:

Я в те дни козлу поверил,
Как ягненок несмышленный,
И внезапно я очнулся,
Над обрывом вознесенный.

Враг сказал мне: «Перепрыгни!
Там за кручей луг зеленый!»
Не сумел я перепрыгнуть
И свалился в ров бездонный.

Как видим, бежавшему от лезгин поэту не меньше зла причинили собственные собратья своим вероломством и коварством:

Человеческая жадность
Мир не в силах обмануть,

Псы теперь на мой достаток
Могут смело посягнуть.

О вреде, причиненном завистью, и о столкновении со «старшим» Давид говорит и в других местах, например в «Жалобе Адама», где «старший» оказывается алчным, двоедушным, ненасытным и подлым.

Одним словом, выбравшийся из одной беды поэт угодил в другую. К общенациональной печали и скорби прибавляется личная тоска, которая исторгается из его уст горький упрек брэнному миру. Среди недругов и тонителей поэта не последнее место принадлежит упомянутому командиру Мамуке Давыдову.

Что касается воспроизведения боевых эпизодов, то здесь надо прямо сказать, что поэт очень лаконично повествует о событиях весьма значительных. Несколько войн укладываются у него в одну строфу:

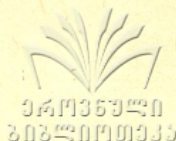
Вот наш перечень служебный,
Что случилось с нами дале:
Мы в семьсот тридцать девятом
С Хотина врата сорвали,

Фридрихговенские свай
В сорок мы втором сжигали,
В пятьдесят седьмом успешно
Трон пруссаков потрясали.

Это тень великих битв и бурь. За этой лаконичной летописью следует перечень дальнейших событий:

В пятьдесят восьмом пруссаки
Нас погнали на восток,
От своих я оторвался
И остался одинок.

В Магдебургской цитадели
Был я заперт на замок
И, лишь вырвавшись из плена,
Снова просо сеять мог.

Вот и все! Восемнадцать годам сражений и жизни отводится только шестнадцать строк. Тут все: засады, сидение в окопах, атаки, победы, пленение, возвращение домой, сев и жатва.

Судя по всему, отвоевавшийся поэт не помышляет о стихотворстве, тем более что ему снова велено «ехать в другое место»...

Итак, в 1739 году грузинский полк в Бессарабии воюет с турками, участвуя во взятии Хотинской крепости. В поход на Хотин грузинский эскадрон ушел второго апреля 1739 года. В составе этого эскадрона был и Давид Гурамишвили...

Командование фронтом в своем официальном донесении лестно отзывается о грузинских воинах.

Сам Миних был изумлен храбростью грузинских воинов, да это было и не ново, повсюду — в Индии, Афганистане, Средней Азии, Египте, на Севере и на Западе — где только ни сражались грузины, им сопутствовали победа и восхищение. Среди тех храбрецов, имена которых сохранили нам летописи, стоит имя Давида Гурамишвили. За проявленное мужество и отвагу в сражении при Хотине, приказом главнокомандования Давид произведен в капралы. Это случилось пятого августа 1739 года. А сражение продолжается и заканчивается только девятнадцатого августа. Заключен мир. Давид уже капрал, а с восемнадцатого декабря — квартирмейстер. В 1740 году он становится вахмистром. По тем временам это было большим успехом, звание просто так никому не давалось. Тем более что выдвижение солдат само по себе было редким исключением. Личные качества Давида Гурамишвили: мужество, храбрость и сообразительность — обусловили его успех.

Время тогда было смутное, всюду царили насилие и самоуправство, за дворцовыми интригами следовали частые войны; крепостное ярмо, вообще же невежество, отсталость, шпионаж и наушничество; единицы проживали в роскоши, а миллионы людей голодали. Результатом самоуправления и насилия, бесспорно, явилась и та неблагодарность, жертвой которой стали многие грузины-ветераны. Не раз хваленных командованием грузинских воинов сенат попрекнул куском хлеба. Дяде поэта Мерабу Гурамишвили, изрешеченному в битвах как боевое знамя, израненному и искалеченному участнику сражений за Хотин, отказали в прошении пожаловать ему средства на существование. Давид сам был в тяжелом положении. Чем же он мог помочь своему старому дяде, ведь он и так делился с ним последним?

О походе в Грузию нечего было и думать. Хотя бы за отвагу и верную службу дали ему имение в каком-нибудь подходящем месте, на богатой украинской земле! Но сенат Бирона не то что безродных грузин, а самих русских угнетал и обижал. Разве жертвой его самоуправления и насилия не стал кабинет-министр Артемий Волынский?!

Избалованный императрицей, «кровавый злодей» Бирон внутри страны чувствовал себя сильным и всемогущим, а за ее пределами... Надир-шах одерживал победу за победой и рвался вперед. Он завоевал Среднюю Азию, Россию вынудил освободить Прикаспийские земли.

17 октября 1740 года Анна Иоанновна скорострительно скончалась. Началось деспотическое правление Бирона. Многих благородных русских деятелей он струбил и обрек на пытки, однако царем все же стать не смог. Всего лишь три недели управлял страной без своей венценосной любовницы этот жалкий выродок. В результате дворцового переворота на престол взошла другая Анна — Леопольдовна, она же Елизавета-Екатерина-Христина, дочь герцога Мекленбург-Шверинского, утвержденная регентшей при своем сыне — грудном младенце Иване VI Антоновиче. Ее мать — внучка Алексея Михайловича в свое время покинула жестокого герцога и возвратилась в Россию вместе с дочерью Екатериной. Поскольку у Анны Иоанновны не было наследника, по совету придворных вельмож наследницей престола она избрала Елизавету-Екатерину-Христину и нарекла ее своим именем. Бирона низложили, некоторых министров выслали. Герцога вначале приговорили к смерти, но потом помиловали... На сей раз престол достался с виду доброй, но необразованной Анне Леопольдовне, которая все дни проводила за игрой в карты... Какая же судьба ожидала имперно в руках такой повелительницы?

Недаром сказано, что поэтам не суждено счастье. Пока жадные и завистливые соотечественники отмеряли себе лучшие земли Полтавщины в районе Миргорода и Прилуцка, Давид Гурамишвили терпеливо ждал, что же ему по-

жалуют, и в итоге получил болотистые земли Хорола, где кроме рогаза и камыша ничто не произрастало. Туда он привез из Москвы свою семью и старого дядю Мераба, но вскоре покинул их, ибо снова был призван на войну.

Дмитрий Косарик выяснил, что двенадцатого декабря 1741 года среди одиннадцати миргородских грузин Давид Гурамишвили не значится. Зато упоминается Мераб.

Война со шведами уже была в разгаре. Шведы не могли переварить поражения, которое нанес им Петр I под Полтавой в 1709 году, они жаждали взять реванш и намеревались вернуть себе Прибалтику.

Воины грузинского гусарского полка шли на фронт с надеждой, что тот, кто останется в живых, вернется в собственное имение. Но двадцать четвертого августа 1742 года вышло новое высочайшее распоряжение, согласно которому грузинским князьям и дворянам земли вместо Украины должны были отводиться в Оренбурге. Это был ответ новой царицы — на верную службу. Этот ответ возмутил грузин. К счастью, гусарский полк одержал победу и в этом внутреннем вопросе. Елизавета издала еще один приказ, который упразднил предыдущий и подтверждал старое постановление.

Таким образом, двадцать четвертого октября 1743 года окончательно разрешился вопрос поселения грузин на Украине. В Миргороде поселились князья Давид Ратишвили, Заал Херхеулидзе, Давид Гурамишвили, а также дворяне Одишелидзе, Хачапуридзе, Кобиашвили, Инасаридзе.

Воину армии ее императорского величества Давиду Гурамишвили наконец улыбнулось счастье и одарило его краткой передышкой. Раз в жизни даже узнику улыбается судьба! Так повесим на стену боевые доспехи и отправимся в Zubovku.

БЕАТРИЧЕ ИЗ ЗУБОВКИ

С 1743 года в жизни Давида Гурамишвили наступают относительно мирные и спокойные дни. В тот период создается известная «Зубовка». Написанная на мотив украинской песни, «Зубовка» является шедевром любовной лирики. Вольной и беспечной мелодией начинается это блестящее стихотворение:

Я из Зубовки однажды к дому возвращался
И с красоткой чернобровой в поле повстречался.
На лице ее прекрасном родинка чернела,
Красота ее внезапно сердцем овладела!

Прост, непритязателен, напевен этот стих, хотя исследователи говорят о книжном характере одной фразы — «красота ее внезапно сердцем овладела». Но это не книжная, а в высшей степени утонченная, истинно руставелевская фраза, которая переносит лирический стих в высокий регистр и усиливает его эмоциональное воздействие.

В окрестностях Зубовки протекает медленный Хорол. Вокруг растут плакучие ивы, ольха, осока. Здесь, по этим заболоченным берегам, часто гуляет уже немолодой, умудренный жизнью поэт и мечтает об устройстве водяной мельницы. От Миргорода до Зубовки десять верст. Давид ездит верхом или ходит пешком. Здесь есть и леса, и луга, курганы, тростниковые заросли, островки... Для раздумий у него достаточно времени, и места вокруг словно созданы для медитаций.

Украина с наследием своего приемного сына впервые познакомилась благодаря «Зубовке» в переводе Миголы Бажана.

На перекрестке Зубовки и Сорочинца возвышается покрытый зеленью курган, ореол легенды окружает этот уголок Полтавщины, будто бы тут встретил Давид красавицу из Зубовки, тут воспылал к ней любовью, и даже имя девушки люди вырвали у далекого прошлого — Татьяна!

Часть исследователей жизни и деятельности Давида Гурамишвили считает, что в стихотворении речь идет о сверхъестественной, божественной любви, в которой женщина — это лишь символ... Повторяется известное мнение насчет Данте и Беатриче. Однако невозможно поверить, чтобы и там, и здесь любовь, возведенная в степень небесной, божественной, не имела бы под собой земной основы. Недостигаемость, опасность, препятствия усиливают чувство, а овечное

благодаря поэзии могущественное слово поднимает на неземную высоту мистическое увлечение.

Но разве не на небесах искали великие поэты прошлого тот идеал, надежду и утешение, которых они лишены были на земле? Художнику, творцу надо оставить хотя бы надежду, чтобы он существовал. Кстати, вспомним известные строки Руставели, где Автандил тоже «взывает к небу...».

«Зубовка» — одно из подтверждений этого обстоятельства. Личные переживания здесь приобретают общечеловеческое звучание. Гурамишвили своей «Зубовкой» доказал две вещи: во-первых, что его герой является отважным воином, искренним и верующим христианином, способным на сильное и возвышенное чувство. И во-вторых, его героиня — женщина чистая, преданная семье, могущая служить образцом высокой морали и нравственности. Именно такие женщины воспитывали отважных воинов-украинцев, сражавшихся с иноземными захватчиками, и сохраняли лучшие традиции своего народа.

Гурамишвили — один из первых писателей, создавший образ женщины — представительницы другой нации, наделенной чертами, достойными подражания. Он воспел честь, твердость и неприступность украинской женщины, воздвиг ей в наших сердцах подлинный памятник чистоты и святости.

«Не может быть создан ни один шедевр общечеловеческого значения без того, чтобы в нем не отразились личные переживания, чувства и страсти поэта», — говорит поэт Симон Чиковани, и мы присоединяемся к его мнению.

Таковыми же справедливыми нам кажутся соображения, высказанные Симон Чиковани по поводу автопортрета Давида Гурамишвили: «Автору показались недостаточно выразительными чувства и желания, изображенные в стихах и поэмах, он добавил к ним автопортрет (или автошарж, по мнению М. Бажана), чтобы читатель яснее представил себе характер автора и проник в настоящее содержание его лирического взывания. Под рисунком Гурамишвили приписал:

Человек этот молится так:
 Боже, покажи мне поля,
 Орошенные этой машиной.

Дай мне увидеть лето и муку,
 Смолотую этой мельницей¹.

Этой надписью поэт как бы говорит нам: правда, я молился, но молился о вольных нивах и мельницах. Я не только молился о них, но и полуслепой создавал их и трудился над осуществлением больших планов, то есть на этой земле я тоже утверждал жизнь и бытие. Автор упомянутой надписью словно говорит нам: пусть внешний вид песнопений «Давитиани» не вводит вас в заблуждение, я изобретатель оросительных каналов и мельниц и тружусь над преобразованием земли. Изображенный на рисунке человек, судя по всему, много пережил, прошел сквозь огонь и воду. Он молится, но совершенно не настроен мистически и не отрицает земной жизни. Этот человек думает о нивах и намеревается строить новую мельницу. Поэтому этот, на первый взгляд, примитивно нарисованный автопортрет служит важным ключом к поэтическому миру Давида Гурамишвили и по-своему объясняет его характер.

Автор «Давитиани» является певцом жизни, красоты и весны. В «Давитиани» в первую очередь воспевается жизнь:

Нынче саду нашей жизни
 Я хвалу свою воздам.
 Я люблю его, с восторгом
 Роз вдыхаю фиmiaм.

Но бежал я рощ священннх,
 Изменил я соловьям
 И, внимая сказкам мира,
 Стал я сказочником сам.

Обратимся еще раз к С. Чиковани. «Трудно точнее и ярче выразить земную, жизнеутверждающую сущность поэзии Гурамишвили, — пишет об этих строках С. Чиковани. — Поэт сам подчеркивает здесь, насколько чужды ему мистические иллюзии («священные рощи» с их соловьями-проповедниками), насколько близки ему мирские интересы, земные страсти и желания. Он прямо и недвусмысленно противопоставляет этим «священным рощам» — «сад нашей жизни» с его реальными розами».

«Зубовка» — поэма малого размера, написанная на мотив песни «Казак — душа правдивая».

По мнению и предположению некоторых исследователей, наряду с другими «религиозными» стихами и «Зубовка» будто бы является богословским сочинением.

¹ С. Чиковани. Мысли. Впечатления. Воспоминания. Советский писатель, Москва, 1968.

Красавица из Зубовки в расцвете своей земной женской прелести, которая говорит поэту: «Как просить ты смеешь, чтобы стала я твоею! С соловьем бороться розе, не с тобой, вороной!» — оказывается Иисусом Христом.

Таким образом, если в лице зубовской красавицы изображен Иисус и, следовательно, эти слова, принадлежат ему, то, значит, Гурамишвили был не верующим, а святотатцем! Мне кажется никак не обоснованным столь странное заключение.

Правда, Гурамишвили говорит:

За меня она, я знаю, вытерпела муки,
Вижу лик ее обмерший, связанные руки.

Но разве Иисуса обрели на муку только из-за Давида Гурамишвили? Или, зачем нужно было вкладывать в уста господина столь рискованные заявления: «Мой супруг тебя красивой, мужественней с виду», где подчеркивается именно красота и мужественность?

Давид Гурамишвили никого не боялся, когда нужно было сказать правду, так что же помешало ему написать в своем собственном стихотворении то, что ему хотелось написать?!

Попытка некоторых исследователей увидеть в зубовской красавице мистическую возлюбленную не увенчалась успехом. Образ зубовской красавицы, бесспорно, внушен поэту земной прелестью украинской женщины, и здесь мы имеем дело с объектом земной любви — с женщиной. Если бы завязка романа и мастерское раскрытие сюжета здесь служили бы только аллегорически-символическим целям, то невозможным было бы такое интимное настроение, лексика и конкретная ситуация — совершенно не совместимые с законами духовной литературы. Тем более что естественное влечение, любовь и супружество для нашего поэта — отнюдь не абстрактные понятия. Гурамишвили часто касается в «Давитиани» вопросов любви и супружеской верности, а «Пастух Кацвия» вообще является гимном человеческим страстям.

О любовных приключениях поэта в «Давитиани» говорится не раз. В «Песне», написанной, должно быть, одновременно с «Зубовкой», прямо сказано:

Мне любимая сказала, сердце надорвала:
— Не хочу я жить с тобою, дурен ты собою!
С соловьем, но не с вороной — розе жить влюбленной! —
И прогнав меня, дурного, вышла за другого!

Вряд ли причина разрыва в том, что кто-то оказался красивее нашего героя. Он искренне опечален:

Сердце в пламени сгорает, сердце унывает,
Тлея, горестно брожу я, горем исхожу я.

Трудно установить, насколько автобиографично это стихотворение, где это случилось — в Ламискана или в Миргороде, одно ясно, что поэт потрясен:

Я забыл ее, распутный,
Для любви минутной,
Согрешил пред ней в разлуке —
Поделом мне муки!

Вообще это стихотворение является еще одной загадкой в биографии поэта. Одно бесспорно: поэту не чужда ни одна из сторон жизни, он знает и сладость, и горечь, знаком с характером женщины, с ее нравом и природой, ему ведомы и любовь, и разлука.

Женщина избил палкой влюбленного, выгнала из дому, отвернулась от него, теперь он ходит как нищий по дворам и расканивается. Любимая ставит ему условия, как это обычно бывает:

— Берегись меня обидеть,
Буду ненавидеть.
Хочешь быть мне другом вечным,
Будь чистосердечным,
Не криви душой напрасно,
Если любишь страстно.
Мой завет храни, любя ты,

Береги себя ты,
Хочешь быть со мной счастливым, —
Будь всегда правдивым.
Чтобы я тебя любила,
Век не изменила,
Ты со мной не расставайся,
Мною утешайся!

И все же договор был нарушен. Очевидно, мужчина равнодушен и к другим женщинам, направо и налево раздаст любовные обещания, и чаша терпения

переполняется. Правда, всяк по-своему смотрит на предмет, и то, что женщина называет чистой и верностью, для мужчины не всегда приемлемо. Так или иначе, но гордая, требовательная, прекрасная во всех отношениях женщина поборник свободы в любви — поэт не поладил, вследствие чего мужчину ватывает раскаяние. «Я забыл ее, распутный, для любви минутной», — признается он.

Примерно такого же содержания еще одна «Песня», в которой роза возненавидела соловья и полюбила ворона. Соловей спрашивает розу: почему ты мне изменила? Роза отвечает, что он потерял в ее глазах былую привлекательность. Возмущенный соловей стыдит жестокою и неблагодарною возлюбленную:

Я любил тебя и холил, и поил росую,
Ты ж подачкою прельстилась жалкой и дряною.
Ты копьем безмерной скорби сердце мне пронзила,
Ты ничтожного уroda, роза, полюбила.

Сам поэт тоже возмущается этой неразборчивостью и неблагодарностью. Негодующим восклицанием завершает он стихотворение:

О презренный мир, лукавый, ты всему виновник!
Розу ты послал вороне, соловью — шиповник!

Приведенных здесь строк вполне достаточно, чтобы доказать, что Давид Гурамишвили никогда не отказывался от земных радостей.

Правда, поэт своих сердечных тайн нам особенно не открывает, однако и то, что он доверил бумаге, свидетельствует о том, что до глубокой старости «поборник религиозного аскетизма» — Давид оставался любителем мирских утех:

С возлюбленной я наслаждался в саду,
Где розы качались у нас на виду,
Где свой аромат расточали цветы,
Где был я далек от людской суеты
И душу сгубить не боялся.

И так я старался на свете прожить,
Чтоб людям хотелось меня полюбить.
Веселья и радости полно всегда,
Я грусть и печаль разведал без труда
В саду, преисполненном неги.

Правда, эта «Песня» — воспоминание, весьма общее, однако такие строки не пишутся вне реальных переживаний.

«Зубовка» — одна из страниц «Давитгани», полная сильного, светлого чувства. Зубовская красавица вдохнула жизнь в душу стареющего поэта, внушила ему юношескую страсть, сыграла особую роль в его судьбе, озарила новым светом его творчество.

Имена прекрасной женщины и влюбленного в нее поэта заняли достойное место среди тех вечных пар, над которыми не властно время, ибо смерть только возвышает их и окутывает туманном таинственности.

В ЧИНЕ ПОРУЧИКА

«Эх, служба царская!» (Русская народная песня).

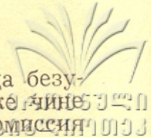
Скудны биографические сведения, но порой тайное желание овладевает нами, чтобы история скупилась еще больше и скрыла от нас все те муки, которые выпали на долю Гурамишвили!

Вот хотя бы магдебургский плен, затем поездка больного поэта из Магдебурга в Петербург, занявшая два месяца. 17 декабря 1759 года в Магдебурге израненный, честно отслуживший ветеран подает рапорт об отставке. Болезнь, возраст и усталость брали свое. Гурамишвили, которому перевалило за пятьдесят, справедливо требовал отдыха и покоя.

Но покой — физический и моральный, покой тела и души — слишком большая роскошь, чтобы добиться его так просто и легко.

Пятидесятишестилетний ветеран продолжал находиться в строю. Военная коллегия не спешила. Состояние здоровья требует освидетельствования? Но об этом просят многие! Пусть повременит, потерпит, разве он не солдат?

23 февраля 1760 года коллегия рассмотрела заявление Гурамишвили. Врачами было установлено: слабое зрение, сломанное при падении с лошади плечо, боль в левом боку, головокружение, шум в ушах... Члены коллегии, не желая прослыть невеждами и упрямыми, объявляют Давида Гурамишвили непригодным к службе. Остается только церемония принесения присяги... Выяснилось, что Давид не присягал на верность императрице Елизавете Петровне (хотя это не мешало ему воевать лучше многих других присягавших!).

Окончилась походная жизнь Давида. В награду за двадцать два года безупречной службы он был произведен в чин поручика! В капитанском же чине ему было отказано. Первого июня 1760 года петербургская военная комиссия приняла такое решение: «...князя Давида Гурамишвили ввиду болезни и непригодности к военной и гражданской службе оставить на собственном довольствии и согласно именного списка наградить чином поручика и исключить из личного состава полка»¹.

Этот приказ почти через два месяца доводится до сведения поэта. 26 июля ему объявили «высочайшую волю» — разрешение на выезд в Малороссию. Правда, в приказе были перечислены все его заслуги, успехи, продвижение по службе, но это слабое утешение! Прослуживший двадцать два года немолодой поэт проездом через Москву спешит в Миргород, не имея ничего за душой, кроме блестящих эпюлет и расшитого позументами мундира!

В августе 1760 года Гурамишвили прибывает в свое разоренное и заброшенное имение. Пока хозяин участвовал в походах и сражениях, имение приходило в упадок. У панов Полтавщины было достаточно времени, чтобы разорить с трудом свитые гнезда грузинских князей. Шляхта, и без того зарившаяся на богатые поместья, не пощадила оставленные без присмотра усадьбы. Кроме того, шляхта прекрасно понимала, что русское правительство специально поселило на Украине иноземцев. Так кукушка забрасывает в чужое гнездо свои яйца, чтобы выплывшиеся птенцы повыкидывали из гнезда наследников прежних хозяев.

Императорский двор хорошо уяснил *divide et impera*², и поэтому шляхта ожесточенно боролась против поселения грузинских князей на украинской земле.

Легко себе представить, в каком настроении вернулся из плена прошедший большую половину жизненного пути поэт. Он сам говорит об этом в «Плаче о том, как Давид Гурамишвили попал в Пруссию в плен и потерял все, чем владел ранее».

Все документы говорят о хозяйственных затруднениях грузин. Это явствует из заявления поэта: «Стал я нищий и хворый»...

Нам уже известно, что зависть отравила ему существование. «Огонь спалил мою усадьбу», — горестно вздыхает поэт. Если недоверчивые ученые и в этом высказывании не найдут аллегории, тогда ясно, что Давид нашел свою усадьбу спаленной...

К сожалению, поэт не вел дневников! В книге его жизни, несмотря на старания исследователей, зияют провалы, объемлющие целые десятилетия. А десятилетия в жизни великого человека — это интереснейшие тома, содержательные и поучительные. Вероятно, когда-нибудь в московском, ленинградском, киевском, полтавском, харьковском, люблинском или миргородском архивах обнаружатся новые важные документы. На сегодняшний же день мы располагаем документами, говорящими больше о людской неблагодарности, чем об участии и сочувствии.

Поступившие на службу Российской империи грузины плечом к плечу сражались рядом с русскими, отстаивали интересы России, а царские чиновники не сочли нужным защитить от шляхты земли, пожалованные грузинам.

Удача отвернулась от Давида. Труд его уподобился труду Сизифа. Одолевала старость, покидали силы. Тщетно влачит он каменную глыбу к солнечной вершине. Все равно камень скатится вниз, и начинать придется все сначала.

Дядю Мераба он не застал в живых, брат Христофор отправился в далекую Осетию для распространения христианства... А что дало это христианство Давиду или кому другому? Такие мысли посеяли поэта на могиле любимого дядюшки. Настроения того периода выражены в стихотворении, написанном на мотив песни «Ах, сколько в летах я цвела молодых»:

Но осенью в гости явился мороз,
С собой листопад он и горе принес.
И мраком покрылось мое бытие,
Иссякло, пропало веселье мое,
Погиб урожай мой обильный.
Зима обрывает с деревьев листья,
Кончина стирает людские черты.

Не будь легкомыслен при жизни,
мудрец,
Страшись загубить свою душу конец!
О, старость не зрячая, горе тебе!
Лишь юность одна благодарна судьбе:
Где старец, сорвавшись с горы, упадет,
Там юноша по льду все выше идет,
Путь юноши — старцу погибель!

¹ С. Кубанейшвили. Давид Гурамишвили в грузинском гусарском полку. Тб., 1955; Д. Косарик. Давид Гурамишвили. Тб., 1957, с. 33.

² Лат. — разделяй и властвуй.

Это стихотворение исполнено осенней грусти, охватившей душу в преддверье старости-зимы. Но одна строка свидетельствует и о том, что поэт еще не совсем отвернулся от радостей жизни, он еще замечает, что на земле как и прежде, расцветают цветы. «Ах, сколько цветов расцветает весной!».

Нас не удивляют душевные терзания Давида, депрессия, пессимизм. Человек, который потерял родину, без всякой выгоды для себя воевал в чужих землях, состарился одиноким и бездетным, должен быть неискренним, чтобы боспеть радость и блаженство. Нас больше удивляет другое, а именно то, что он, подобно многим великим поэтам Европы, не впал в полную безнадежность и мистицизм.

Ко всем невзгодам прибавились и козни завистливых соседей.

Не вызывает сомнений факт, что Давида притесняли и до ухода на войну, и после его возвращения.

Шляхта и в 1764 году, то есть почти три десятилетия спустя, настойчиво требовала выселения грузин, и только по счастливой случайности не осуществилось давнее намерение правительства переселить грузин в Оренбургскую губернию.

Отношения настолько обострились, что шляхта и грузинские князья начали устраивать друг на друга настоящие набеги.

Когда построенная на рабстве и насилии империя ветшает, гниет и разлагается, ни славословием, ни оружием ее не спасти. России приходилось воевать на два фронта — с внутренними «врагами» и внешними. Это происходило на глазах у Давида Гурамишвили в шестидесятых годах.

Правительству, как сказочному дракону, прибавляли сил и уверенности военные успехи, а удел народа никого не беспокоил.

28 сентября 1760 года русские войска одержали большую победу. Корпус генерала Чернышова взял Берлин. Фридриху II грозили крах и неминуемая гибель. Однако произошло «чудо бранденбургского рода». После смерти Елизаветы Петровны на русский престол беспрепятственно взошел слепой поклонник Фридриха II — Петр III, который двинул русский шестнадцатитысячный корпус против своего вчерашнего союзника — Австрии, а затем заключил военный союз с побежденным Фридрихом Великим. Таким образом, друг Германии Петр изменил России и тем самым еще больше обострил свои отношения с женой — Екатериной, превосходившей императора по умственным способностям и помышлявшей о его свержении.

Еще 13 декабря 1760 года Елизавета Петровна издала указ, который давал право помещикам своих крепостных, вчерашних солдат, участвовавших в войне, на неограниченный срок переселять в Сибирь. Правда, 25 декабря следующего года «мудрая Елизавета» скончалась, но одного тирана сменяет другой!

Примитивный, жестокий Петр III издал «Манифест о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», обманувший надежды народа. Это был знаменитый своими курьезами документ.

28—29 июня 1762 года свершился новый переворот. Сын герцога Карла-Фридриха Голштинского, — Карл-Петр-Ульрих, после восхождения на престол названный царем Петром III, был низложен собственной супругой. Свергнутого императора отвезли на мызу Ропша под надзор Алексея Орлова — брата Григория Орлова — фаворита новой императрицы. Вскоре было получено сообщение о смерти Петра III. На самом же деле отстраненный от престола император был убит, и началось долгое царствование Екатерины II, не принесшее русскому народу никакого облегчения.

* * *

Екатерина была пятым по счету самодержцем при жизни Давида Гурамишвили. Монархи сменяли друг друга, а империя и народ оставались. Миллионами крестьянских трупов покрылась земля российская.

Екатерина буквально задушила Россию. Чрезвычайным указом она опровергла слухи об отмене крепостного права, варварски уничтожила крестьянского вождя Пугачева, утвердила жестокие распоряжения Елизаветы и дала право помещикам выселять в Сибирь недовольных крестьян, отягчив крепостным крестьянам рабское ярмо. Украина, тогдашняя Малороссия, оказалась под двойным гнетом. Екатерина уничтожила Сечь, истребив ростки «Казацкой вольницы».

Точно и беспощадно охарактеризовал Екатерину великий Пушкин в «Заметках по русской истории XVIII века»:

«...Не нужно было ни ума, ни заслуг, ни талантов для достижения второго места в государстве... Со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия — и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России».

Говоря словами Пушкина, Екатерина «закрепостила вольную Малороссию»¹.

Народ отвечал на усиление гнета восстаниями. В 1768 году восстало крестьянство правобережья Днепра, затем Россию захлестнула волна пугачевского движения. Однако деспотичная царица топила в крови стремление миллионов.

Естественно, что Давид Гурамишвили, выдающийся поэт и гуманист, с презрением смотрел на замаскированное чудовище насилия, на прогнившую систему, но что он мог сделать? Только своим человеческим и добрым словом возвеличивать простой народ, прославлять «раба мотыги», поливавшего потом родную землю!

У деспотов свои заботы, а у поэтов — свои. В Миргороде князь Давид Гурамишвили сражался с нуждой и любовно составлял свою книгу стихов, Руставели был его путеводной звездой, освещавшей ему путь, он не устает учиться даже в старости и обогащает свой опыт.

Раз цари лишены милосердия и мудрости, он будет проповедовать народу, внушать, как велика сила учения, как оно превращает невежду в человека, в гражданина.

Гурамишвили далек от того, чтобы приписывать русскому и украинскому народам злодеяния русских царей и шляхты. Напротив, он призывает людей к взаимопониманию, проповедует дружбу с народами России и Малороссии и верит в добрые плоды этой дружбы.

Давид Гурамишвили не касается в своем творчестве болезненных вопросов царской деспотии и крестьянских восстаний, однако между строк нетрудно прочесть, какими чувствами наполнилось его сердце.

Его беспокоит участь других, ибо он сам, так или иначе, смирился со своей судьбой и довольствуется тем, что пожаловал ему господь бог: разоренной усадьбой, скромным достатком и чином поручика...

Военную службу, как мы уже знаем, Давид вынужден был начать простым солдатом. Участвуя в стольких войнах, он, несомненно, должен был продвигаться в чинах, поэтому нас удивляет, что он дослужился лишь до звания поручика. А это явствует из подписи самого поэта, поставленной в 1787 году под чертежами: «Поручик, князь Давид Гурамов».

Если факты прямо не говорят нам о «крамольных» мыслях Гурамишвили, то сама логика вещей подсказывает, что царский двор был недоволен поэтом и имел для этого достаточно оснований.

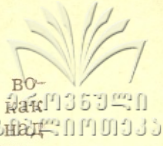
Возьмем хотя бы дело «вахмистра Гурамишвили», которое коллегия так и не удостоила рассматривания. После долгой волокиты Гурамишвили внесли в «черный список» подозрительных лиц как простого солдата, на основании многочисленных доносов, пригрозили судом и следствием и, наконец, чудом «одарили» чином поручика.

В чем же провинился поэт? Можно предположить, что его не ослепили расшитые золотом наряды императрицы и ее любовника, с которых никак не удавалось смыть пятна распутства и преступлений. Скорее всего, используя свой дар, Гурамишвили высмеял дворцовые нравы, а в таких случаях тираны обычно становятся похожими на атакующих скорпионов.

Кто мог донести на Давида Гурамишвили? К сожалению, анналы истории не сохранили имя презренного доносчика и предателя. Однако мы знаем от самого поэта, что во врагах и завистниках недостатка он не ощущал ни в Грузии, ни за ее пределами. Давид Гурамишвили стал жертвой злости и зависти. Может быть, когда-нибудь в секретных архивах будут обнаружены сведения о том, как плелись против поэта коварные интриги, сегодня же мы достоверно знаем только одно: глубоко оскорбленный поэт снова в стихах черпает силы и утешение. Познав людскую злобу, несправедливость и коварство, Давид становится более угрюмым и необщительным и в его творчестве усиливаются скорбные мотивы.

Местные богатеи и своих гениев в грош не ставили, а что уж говорить о «презренных пришельцах»!

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 8, 1949, с. 123—125.

Павло Тычина в драме «Конец феодала» коснулся этого наболевшего вопроса. Представительница шляхты богатая помещица одинаково глумится над выдающимся украинским мыслителем Григорием Сковородой, так и Давидом Гурамишвили. Для забавы и потехи она знакомит их друг с другом.

«Императрица Анна Иоанновна поселила здесь у нас грузинский гусарский полк, — жалуется эта избалованная судьбой, надменная барынька, — посадила нам чужестранцев на голову... Что нам остается делать, боремся с ними как можем...». И Давида она встречает ядовитой насмешкой: «Значит, это вы Давид Гурамишвили? Великолепно. А это Грицко Сковорода, гражданин мира, убогий, знакомьтесь! Ха-ха-ха! Грузинский поэт, князь, заступник угнетенных, помещик и путешественник, философ нашего села...».

Такая атмосфера была жестоким испытанием для него — не менее жестоким, чем лезгинский плен. Но барская спесь не могла внушить Давиду ненависти к украинскому народу. Помещики — это одно, народ — это совсем другое, между ними лежит пропасть, которая мудрым поэтом не осталась незамеченной.

Словом и делом своим этот трудолюбивый, искренний, чистосердечный и отважный человек является верным другом украинского народа. Он видит душу и сердце народа, волну мятежа, грозящую перевалить через Кавказские горы. Делами «кандальников» забиты судебные архивы, беглыми крепостными переполнены тюрьмы. Сотни тысяч крестьян восстают против царского насилия. Массовые протесты и вооруженные бунты сожрают десятки губерний. Степи озарены языками пламени. Исключительно варварский характер этой вражде придала шляхта. Она «самовольно разоряла и опустошала поместья грузин», ушедших на войну против общего врага. Но в разбое грузинские помещики не уступали шляхтичам. Они не раз нападали на соседей. И для них девизом служило притеснение крепостных, грабеж и насилие. Единственным помещиком, который думал о разумном устройстве хозяйства, о мельнице и оросительной системе, был Давид Гурамишвили.

Давид, так же как и все, получил двадцать крепостных семей (дымов), однако «зависть» соседей и земляков довела его до полного разорения. Дух соперничества не исчез даже перед необходимостью сплотиться против шляхты. Не получилось у грузин братского союза!

Д. Косарик пишет: «Все эти миргородские помещики: сотник Забила, вельможные Домоковский и Сохацкий, зажиточные землевладельцы Родзянки, Базилевские, Остроградские часто посылали в Петербург коллективные заявления о переселении грузинских гусар куда-нибудь в Оренбургские степи или «в другие дальние края».

Ясно, что это требование было вызвано не только взаимной враждой. Необдуманно покинувшие свою цветущую родину, поселившиеся на украинской земле грузины в далеких сибирских степях, бесспорно, нашли бы свою погибель. И надеяться им кроме как на господ бога было не на кого. Ведь грузины никогда не отличались умением приживаться на чужбине, поэтому и не могли добиться успеха в борьбе с озлобленной шляхтой.

Бедный помещик, бывший воин, изможденный и хворый Гурамишвили не мог тягаться с поляками, недовольными новым соседством.

СПАСЕННОЕ СОКРОВИЩЕ

«Виноградарь возрадуется, сосчитав спелые гроздья» (Давид Гурамишвили)

7 августа 1949 года на могиле Давида Гурамишвили состоялось всенародное торжество — был открыт памятник, утвердивший в веках бессмертие великого сына Грузии. Фундамент этого праздника был заложен самим поэтом, который не дал стигнуть своему единственному детищу и сделал все возможное, чтобы сбегать «Давитиани» для соотечественников и потомков.

Переписку и авторедактирование «Давитиани» Гурамишвили закончил в 1774 году, после чего он прожил еще восемнадцать лет. Восемнадцать лет в жизни поэта — целая эпоха. Что делал наш страдавший герой на протяжении этих долгих лет, об этом история умалчивает. К сожалению, потеряны не только документы, но и литературные труды. Трудно поверить, чтобы в продолжение почти двух десятилетий поэт не написал новых произведений, но где же эти творения? Какие воды их унесли, каким ветром развеяло? Их след канул в вечность.

Поэт уже в годах. Здоровье изменяет ему. Вот-вот стукнет шестьдесят, а это не шутка! Усадьбу он застает разгромленной и пишет очередную главу —

«Плач о том, как Давид Гурамишвили попал в Пруссии в плен и потерял все, чем владел ранее». Поэту уже надоедает писать о своих злоключениях, и он коротко отрезает: «Много проса получил я, да не смог отведать мчади...». В предыдущей строке он сообщает, что, «вырвавшись из плена, снова проса сеять мог».

Как же он мог пахать и сеять в разоренном имении, сам израненный и больной?

Украинский народ — народ поэтический. На Украине знают цену поэтическому слову. Давид наверняка был окружен уважением и любовью.

К украинцам Давид расположился по-братски, привык к ним и сжился с ними.

Дмитро Косарик в своей книге приводит старое семейное предание: находившийся в прусском плену далекий пращур рассказчика захотел своим домашним послать письмо, но с грамотой дела у него обстояли неважно. Один грузинский офицер из Миргорода научил его читать и писать. Благодарный солдат спросил, чем он может отблагодарить его. Офицер долго думал, а затем ответил так:

«Лучшей благодарностью для моей души будет радость того человека, которого ты обучишь грамоте. И сыну своему завещаю, чтоб он поступал так же».

«Когда мы прочли «Давитиани», вся семья наша убедилась, что именно Давид Гурамишвили и был тот грузинский офицер, который положил начало просвещению и в нашем доме, и во всем селе», — пишет Косарик.

Это одна из ярких страниц просветительской деятельности Гурамишвили, свидетельство его добрых и братских чувств к украинскому народу.

На помощь «убогому и шворому» поэту пришла его молодая жена Татьяна Васильевна. Они восстановили разрушенную усадьбу, засеяли пашню, собрали много хлеба и проса. Татьяна была на двадцать лет моложе Давида. У нас есть основание полагать, что в ее лице поэт имел преданную и заботливую подругу.

Но какой же это свет. если его сопровождает тьма? Где медленные, мутные волны Хорола и где гремящие, прозрачные струи Арагвы? Где карталинские зеленеющие горы и где однообразная степь? Однако бранный мир далеко забросил одинокого поэта! Кто же покажет поэту-страннику Зедазени, землю Карталинии и окрестности Шюиомгвие! Как будто у него пока еще есть брат, но он его не видит! Только через десять лет получит он известие о смерти брата...

Огненный смерч все еще бушевал в Картли и Кахетии и нещадно уничтожал всех без разбора. Грузия не слышала стенаний своего блудного сына. Сын не слышал плача матери-отчизны. И все же сердцем ведали они о горестях и печалях друг друга...

* * *

Одинокий, как изгнанный пророк, бродит он по украинским степям и в скорбные строки влетает заветные чувства. В стихах ищет утешения и поддержки воин, скинувший доспехи.

Часто его охватывают уныние и безнадежность: «Дни мои укоротились, пошла моя пора!».

Он боится, что кончина его никого не опечалит, никто не будет его оплакивать. Нужно обладать большим мужеством и стойкостью, чтобы не поддаваться дурным предчувствиям и находить в себе силы жить достойно, глядя в лицо суровой действительности.

Давид отнюдь не во всем и не всегда винит бранный мир. Часто он упрекает себя самого, как всякий разумный человек, понимающий, что лишен «дара практичности», что не умеет петься о собственном благополучии. В тяжелые минуты он забывает о своих возвышенных устремлениях и упрекает себя в никчемности и беспомощности.

Сегодня мы можем назвать эти упреки несправедливыми. Благополучия, возможно, он не добился, но зато достиг бессмертия!

Из «Давитиани» мы узнаем, что, уйдя в отставку, поэт и в Zubовке не имеет покоя, так как ему велено ехать в другое место.

Куда же «велено было ехать» поручику Гурамишвили? Неужели опять в армию, которая ему так опостылела, что он об этом и думать не хочет? Если это так, то Давид должен был обосноваться в своем имении только в семидесятых годах, окончательно сломленный и больной.

Куда же все-таки его послали? Какой-нибудь помещик отнял у него имение или его снова вернули в полк? Мы этого не знаем. Однако сомнительно, чтобы человека в возрасте шестидесяти лет забрали на военную службу. Даже

если бы такое случилось, то жалоб на тяготы службы мы от Давида раньше не слышали (обычно он жалуется на свою судьбу и божий приговор) и не услышали бы и на сей раз: он никогда не уклонялся от исполнения долга, ибо считал это позором.

Да и форма приказа «в другое ехать место» не похожа на приказ вернуться в армию.

Нам кажется, здесь подразумевается переход в мир иной.

Текст «Давитиани» полностью подтверждает это соображение, если прочесть строфу без всякого предубеждения.

Дух мой рвется из гортани,
Уж недолго жить мне боле.
Если, бывший ахалдабец,

Я теперь уеду в Боли,
Воспитать сиротку-книгу
Не смогу я поневоле.

Мысль, скрытая между строк, легко может быть извлечена. Поэт чувствует приближение смерти. «Дух мой рвется из гортани», — пишет он. Согласно христианскому учению, душа умершего устремляется в небо. Гурамишвили добавляет к этому сравнение «как дым», то есть он готов переселиться из Ахалдаба (так он называл свое украинское имение) в мир иной. В русском переводе «боли» — дым истолкован как имя собственное, и получается, что поэт едет из Ахалдаба в неведомое и загадочное «Боли». Совершенно справедливо предполагает С. Кубанейшвили: «Если господь призовет поэта к себе, то сирота-книга останется недописанной». Все логично и понятно. Поэт спешит закончить рукопись — «лишь бы песнь моя в рыданье превратиться не успела». Далее он замечает, что царская служба отнюдь не благотворно влияла на его творчество:

Мой язык гремел, как било,
Сердце колоколом пело,
Но, увы, на царской службе
Трудно делать это дело!

И говоря о царской службе, он имеет в виду не только полк.

Счастье не улыбалось ему и в личной жизни. Бог не дал ему ни сына, ни дочери. Обиженный поэт не раз высказывает горький упрек судьбе и миру:

Сколько раз копые он гневно
Приставлял к груди моему!
Сколько раз, заставив плакать,
Не давал мне петь, злодей!

Повелев лозой бесплодной
Расцвести до срока дней,
Иссушил мое он семя
И состарил без детей.

Так своеобразно, откровенно, без прикрас и в то же время образно выраженное недовольство земным миром редко кто-либо высказывал!

Сломленный болезнями, разлученный с родиной, преследуемый недругами, полуслепой поэт все же не падает духом: «Слепота не старит человека, если сердце его цело, он будет еще петь».

Но кто похоронит его, кто накроет поминальный стол, кто зажжет лампаду и поставит свечу?

С автопортрета смотрит на нас лысый, слепой на один глаз старик. Слепоту подтверждает его же записка, приложенная к чертежам: «Не обесцудьте за плохой чертеж, я был слеп на один глаз и вторым тоже плохо видел. Своими руками большего сделать не смог, другому не доверил, боясь кражи».

Бездетный поэт усыновил свою книгу. Что здесь удивительного? В этой книге заключены его душа и плоть, его характер, разум, суть. Это его дитя, и больше, чем дитя. Созданье, желанное всему народу.

Жемчужиной мировой поэзии поэзия вечно будет блистать интимная исповедь поэта:

В сердце он мое, проклятый,
Меч вонзил по рукоять.
Уж отцом меня не будут
Никогда именовать.

Вкруг меня врагов немало.
Как же мне не унывать?
Сел и стал стихи слагать я,
Чтоб хоть их детьми назвать.

Если на самом деле причиной создания «Давитиани» была только бездетность автора, тогда грузинскому народу не в чем упрекать бога! Однако ясно, что это только фигуральное выражение. Муку творца вряд ли облегчат даже девять сыновей!

Сборнику достойных стихов он выбрал достойное название — «Давитиани».

Написал «Давитиани»
Я, Давид Гурамишвили,

Рек божественное слово —
Сладкий плод моих усилий.

Кроме вновь написанных стихов, у него, бесспорно, оставались образцы созданного в юные и зрелые годы, может быть, он их знал наизусть и восстанавливал по памяти или сохранились ветхие, пожелтевшие листки... Скорее всего из ранних стихов в книгу вошли лишь некоторые и немногие, поэтому основное содержание рукописи составили стихи, написанные в пожилом возрасте, которых оказалось значительно больше.

Нерукотворный памятник поэту — его кровное дитя едва не постигла судьба его создателя и родителя.

Царевич Мириан рукопись «Давитиани» уронил в реку, однако случилось чудо, и рукопись была спасена.

Когда поэт составил «Давитиани»? К. Кекелидзе считает, что это не могло произойти до вызволения из магдебургского плена, то есть до 1774 года: «Надо полагать, что весь сборник составлен в 1774 году или в ближайšie к этой дате годы». Сам Гурамишвили отмечает день, когда он закончил переписывать рукопись: 29 ноября 1774 года. Но одно дело — составить книгу, другое — написать ее! На склоне лет в один присест написать столько невозможно! Очевидно, поэт сберег все, что можно было сберечь. А в старости собрал все стихи воедино и переписал. Историческую часть своего сочинения поэт должен был закончить в 70-х годах. Основание для такого заключения дают известные события, которые нашли себе место в этой поэме: пленение, возвращение из плена в свое имение и, наконец, уход туда, куда «велено было» идти. И «Пастуха Кацвию» поэт написал в преклонных летах, слепой на один глаз, а «Спор человека с бранным миром» закончил в 1771 году. Таким образом, большинство поэтических творений создано в старости, а в годы зрелости — годы расцвета таланта творческая потенция не имевшего досуга гения, по-видимому, не была реализована.

«Я писал в седле, в походе...» — такова была участь многих грузинских поэтов.

Ушло и время походов.

После семидесятих годов поэт в своем бедном пристанище целиком отдается литературному труду, приводит в порядок свое наследство. Он собирает, переписывает и дополняет свою книгу. Этому делу Давид придает огромное значение:

Сел и стал стихи слагать я...
И собрал свои стихи я,
И связал их воедино...

Поэт здесь подразумевает соби́рание всех своих литературных опытов, ибо стихотворчество «начато» им много десятков лет тому назад.

Он очень долго ждал досуга. Царская служба поглотила драгоценные годы, наконец-то у патриарха грузинской поэзии появилось время для писания стихов! Можно смело утверждать, что даже полная потеря зрения не помешала бы ему, как и Гомеру, сочинять. Вспомним уже цитированную строку:

«Слепота не старит человека,
Если сердце его цело, он будет еще петь».

Давид при дворе Вахтанга был признанным стихотворцем. Как мы уже отметили, Вахтанг покинул Москву в 1734 году. После этого Гурамишвили прожил еще 58 лет. Это целая эпоха для творца. Едва ли нужно доказывать, что за это время было написано множество стихов, но Давид переписал набело для своего необычного «Избранного», для днги мудрости и поучения лишь то, что было продиктовано его жизненным опытом. Остальное для нас утеряно. Однако то, что сохранилось, является бессмертным памятником стихийного реализма, шедевром дидактической, политической, социальной лирики, в основе которой лежит принцип правдивости.

Поэт не боится никого и ничего. Он понимает, какой вред ему может принести суровая правда, однако ничего не подделает: «Кто не похож на Кахабера, тот не сможет назвать себя Кахабером!».

И действительно, правде изменять нельзя. «Как хорошее прославить, коль дурное не ругать? Если зло во зло не ставишь, что добром именовать?».

Выявление уродливых сторон жизни и горькая правда говорящему об этом пользы не принесут, но поэт уверен, что сокрытие истины отчизне добра не сулит: «Но стране забвенью правды не приносит облегченья».

Этот возвышенный принцип и отличает большого писателя от тех его современников, которые находились под покровительством сильных мира сего и, всю жизнь сидя в мягких креслах, меньше всего думали о ранах и язвах возлюбленного отечества.

Нелегко было поэту превратить горькую действительность в поэтическую летопись; он говорит, что у него болит сердце и его бросает в дрожь, — и все-таки: «Пусть погибнет плоть за правду, но душа возвеселится!».

Мощный поэтический дар Гурамишвили не иссяк в пустыне злых времен, он еще мощнее обычного забурлил в старости. Поэт собирает, исправляет, переписывает набело, приводит в порядок старые рукописи, восстанавливает по памяти забытое и добавляет новое. Над писанием, переписыванием и иллюстрированием он проработал до 1787 года. Старая рукопись пестрит вклейками — новые варианты, поправки, добавления...

Если ученым не очень повезло в поисках новых произведений Гурамишвили, то неутомимые исследователи в недавнее время пролили свет на некоторые страницы биографии поэта.

С 15 по 28 марта 1767 года, почти две недели, поэт, оказывается, находился в Полтаве. Он принимал участие в разработке княжеско-дворянского наказа. Этот наказ от полтавской, миргородской и гадячской знати подписывают секунд-майор Г. Чивкаидзе, капитан И. Ниниев, капитан Канчилов, капитан Одишелидзе и Давид Гурамишвили.

Осенью 1787 года Давид отправляется в Кременчуг. Это была не простая прогулка. Поэт забрал с собой все свое достояние, чтобы успеть до кончины передать его Грузии. Грузии же было пока не до поэзии. Решалась ее судьба.

После Семилетней войны грузинские послы зачастили в Петербург. Продолжительные переговоры завершились подписанным в Георгиевске трактатом, который узаконил российское покровительство Грузии. Однако этот протекторат пока что оставался на бумаге. Орел русской империи наводил ужас на турок и персов. Но правительство медлило, а физическое существование Грузии находилось под угрозой.

И Украина была не в лучшем положении. Екатерина еще больше отягчила ярмо крепостничества, расширив права князей и дворян.

Пугачева велела казнить, наводя ужас на угнетенный народ. Придворные поэты возвеличивали «матушку-императрицу», а украинский народ кровавые «добродетели» царицы воспевал по-своему.

Впрочем до слуха царицы не доходило бессмертное народное творчество, окропленное слезами. Она, словно истинная благодетельница, пожаловала на Украину, как это и пристало наглым деспотам. Это случилось в 1787 году. К этому времени князь Григорий Потемкин свою резиденцию устроил в Кременчуге, чтобы показать императрице «потемкинские деревни».

«Потемкинские деревни» остались в истории как яркое отражение жизни екатерининской России. Что же могло ждать страну при таком авантюристе-наместнике и столь «доверчивой» императрице! И что мог испытывать великий поэт, своими глазами наблюдавший эту дешевую комедию, отдающую бутафорской фальшью!

Гурамишвили не считает достойным упоминания это жалкое фиглярство. Он нарочно не поехал в Кременчуг, где разыгрывалась эта постыдная комедия и где, как впоследствии писал Тарас Шевченко, ребенок умирал от голода, а по реке плыла золотая ладья, в которой «среди князей и дворян сидела царица... с руками окровавленными, яростный враг Украины — голодная волчица».

Гурамишвили не присутствовал на торжествах, устроенных в Кременчуге, где выше праздничного фейерверка поднималось бахвальство льстивого князя о сказочном «благополучии» его края.

Мудрый поэт о пиршестве «богом помазанной» царицы и ее свиты предпочитает умалчивать.

Ведь он мог поехать и попросить милости. Но он и шагу не сделал. Зато тотчас отправился в путь, когда узнал, что в Кременчуг прибыл царевич Мириан...

1787 год — это последний год жизни Гурамишвили, о котором мы имеем некоторые достоверные сведения: восьмидесятидвухлетний поэт с поразительной заботой и усердием «пеленает» свое «дитя» — упаковывает в дорогу рукопись, которую боится потерять и хочет сберечь для потомства.

Счастливому случаю обязаны мы спасением поэтического наследия Гурамишвили. Единственный рукописный экземпляр вместе со многими другими пропавшими сокровищами безвозвратно мог кануть в неизвестность, если бы не царевич Мириан (рукопись 1774 года утеряна).

Как было сказано выше, это случилось в сентябре 1787 года. Почти две-три лет тому назад. Спустя тринадцать лет после подготовки первой рукописи Гурамишвили узнал, что у фельдмаршала Потемкина в гостях находится посланник царя Ираклия Мириан. Он быстро переписал набело свои стихи и поэмы и вместе с чертежами инженерных сооружений преподнес царевичу Мириану...

ну (сыну Ираклия II). Книга переписана одним почерком, одними чернилами, на одной и той же бумаге. Это свидетельствует о том, что поэт готовил ее специально. Вшиты только два дополнительных листа.

Мириан, как большинство грузинских вельмож, был хорошо образован и любил литературу. Мы не знаем подробностей встречи поэта и посла — о чем говорили и толковали они, но бесспорно, все произошло так, как подобало достоинству обоих. Приняв рукопись, царевич на досуге с удовольствием прочел ее. Друг Бесики и других поэтов, Мириан и сам писал стихи и, вероятно, сумел оценить дар, полученный им на чужбине.

Сто двадцать верст проделал полуслепой старик, чтобы спасти свою рукопись и облегчить участь бедных тружеников тем, что было в его силах — проектом поливных каналов и мельницы.

В пути поэт, наверно, увидел много нового. Крепостное крестьянство роптало, бунтовало, бралось за оружие. Мятеж гайдамаков тянулся годами. «Не хотим рабства!» — кричали мятежники.

Гурамишвили, разумеется, было известно о жестокостях его соседей — помещиков Базилевских. Салтычиха и Базилевская — злые фурии России и Украины — имена свои оставили потомству символом беспощадности, бесчеловечной жестокости. Поэт знал, наверно, и о том, как восстали крестьяне села Турба против своих угнетателей и как это восстание было потоплено в крови.

В Кременчуге и Елизаветграде царевич собрал вокруг себя целую группу писателей. Мы знаем, что среди них был и Бесики, однако, к сожалению, не сохранилось сведений о том, встретились Габашвили и Гурамишвили — два великих поэта Грузии — или нет?

Мы предполагаем единственным фактором, говорящим об исторической встрече Давида с царевичем. Это челобитная, преподнесенная Давидом Мириану:

«Да ниспошлет господь все горести и болезни царевича Мириана — сына счастливого его величества владетеля Картли царя Ираклия — на меня, на пыль и прах от его ног!

Узнал я про его нужду в грузинских книгах для чтения в долгие зимние ночи и посмел преподнести ему написанную мною книгу, которая называется «Давитиани». В эту книгу вложены мною новоизобретенные чертежи мельницы и поливных каналов, это еще нигде не объявлено по моей немощи и нерешительности, а также за отсутствием средств, и об этом прошу милости его величества: позаботиться о переводе описания на русский язык, составлении лучших чертежей и представлении их светлейшему князю, о решении которого прошу известить меня.

С благоговейным и нижайшим поклоном их раб и бывший подданный Гурамишвили Давид года 1787, сентябрь».

Драгоценную рукопись Мириан повез в Петербург. Затем через Москву по Волге и Каспию доставил в Тбилиси, сберег от всех напастей, и сегодня она покоится в хранилище грузинской национальной старины. Почти двести лет прошло с тех пор, как было спасено это сокровище.

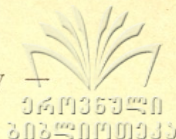
Грузинский народ никогда не забудет тех, кто спас национальную святыню. К сожалению, мы не знаем, какая участь постигла изобретение Давида и какова была дальнейшая судьба самого изобретателя.

Стихи Гурамишвили всем известны и доступны. А что представляют из себя чертежи поэта? Это памятник широты его интересов. Живя на Украине, Давид много думал о благосостоянии народа. По примеру грузинской оросительной системы он намеревался соорудить такую систему, которая могла бы обеспечить с помощью шлюзов уровень воды и поливку засушливых полей. Кто знает, сколько ночей напролет мечтал поэт-ученый о зеленеющих полях, о радости бедных крестьян, об успехе своего изобретения!

Он же составил план-чертеж механической мельницы. Хотя проект мельницы остался неосуществленным, именно ему мы обязаны тем, что до нас дошло поэтическое наследие Гурамишвили. Можно предположить, что стихи выполняли роль своеобразного поэтического приложения к этому проекту, для осуществления которого необходимы были средства. У Давида не имелось ни средств, ни материалов для проведения эксперимента. Именно с этой целью обратился он к Мириану и, по всей видимости, Потемкину. Но милость повелителей исчерпалась тем, что они сохранили нам рукопись. Для нас эта услуга важнее всего, но удовлетворила ли она автора проекта? Пусть рассудит сам читатель.

У рукописей своя судьба. И если самому Гурамишвили не улыбнулось счастье, то этого не скажешь про его рукопись. Заботливая рука спас-

ла ее от превратностей времени и навечно передала законному владельцу грузинскому народу. Слава спасителям сокровища!

КОНЧИНА ПОЭТА-ВОИНА

«Mors quid est, aut finis
aut transitus»
Seneca¹

Наступила осень поэта. Стужа, ветер осыпает его сухими листьями. Тяжко ему, урожай его погиб. Где вы, златые дни юности?!

Жил и я когда-то в холе,
И любил его и думал,
Что любить обязан боле, —

говорит поэт о превратном мире. Но мы помним его молодые годы: они были отнюдь не беспечальными. Но в старости даже слабый луч прошедших дней ему кажется солнцем.

Поэт вспоминает молодость, когда он жил «в неге и холе», радовался дорогим подаркам, улыбался женщинам, «грешил», не стонал и не лил слез, «сидел в саду с той, которую любил». Но все эти сожаления о прошлом тщетны, ибо Гурамишвили никогда не был баловнем судьбы. Его меланхолия объясняется разлукой с родиной, ее тяжелой участью и усилением религиозных чувств на склоне лет.

Он думал о том, что потерял на этом свете, а потерял он все.

Одиноким поэт под чужим небом живет воспоминаниями. Вспоминает отца и мать, Шиомгвиме, Зедазенское имение, дом и фамильное кладбище. Вспоминает Христофора — монаха, который с соизволения Бакара устраивает в Москве типографию и печатает Библию... Вспоминает жену и тещу, слугу и его дочь, так коротко и туманно упомянутых в русских документах, что трудно понять, приехала эта жена к нему из Грузии или он женился в Москве. Удалось кое-что восстановить из жизни упомянутого Христофора. В 1746 году, вероятно, из-за отсутствия средств он оставил книгопечатание и начал работать в «Комиссии по восстановлению христианства в Осетии», в 1753 году он скончался, и его имущество по его же завещанию Синод передал Давиду. Наверно, жену и тещу именно он привез в Москву к Давиду, однако неизвестно, последовали ли они за ним на Украину. На сегодня известно, что на Украине его женой была Татьяна Васильевна Авалишвили, которая скончалась двумя годами позже Давида; удочеренная супругами маленькая Дарья тоже прожила недолго...

В исторических документах Татьяна Васильевна Авалишвили называется женой князя Гурамишвили (Гурамова) с 1745 до 1792 года, то есть на протяжении целых сорока семи лет. Мы не знаем, какими недостатками и достоинствами была наделена Татьяна, чем еще она владела, кроме знатного имени. Мы считаем справедливым предположение, согласно которому эта молодая женщина является внучкой некоего Мамуки Авалишвили, упомянутого в списке грузин, прибывших в Москву в 1727 году. Другого Авалишвили, перебравшегося в Москву, среди грузин-эмигрантов нет. Родители Татьяны, вероятно, были соседями Давида, и, скорее всего, Давид женился на ней «из уважения», поскольку нигде о ней не пишется ничего определенного, не выражает особого восторга по поводу этой запоздалой свадьбы. Видно, он еще раньше охладел к семейной жизни и не верил в ее успех после того, как в первом браке потерпел неудачу. Думается, что Давид и Татьяна просто из чувства долга жили вместе, жили тихо и согласно. Женщина была бесприданницей, ребенка Давиду так и не родила, не было у нее и влиятельных родичей. Такая супруга для Давида не могла быть большим утешением, но он и не искал утешения... Покорно и безропотно тянул он лямку семейной жизни.

...Повури в голову, он глядит на реку сквозь слезы, застилающие взор:

Уж не свидеться мне с вами,
Мать, отец и брат мой милый!

¹ «Что есть смерть, конец всего или преобразование». Сенека.

И с тобой, сестра, быть может,
Встречусь только за могилой.

Горько читать завещание поэта. Превратный мир отвернулся от него, «ничего мне не дал, что сулил весною», «не простил грехов мне он в великом гнев»...

Все осталось позади. Но Гурамишвили до конца остается великим гуманистом. Краеугольный камень завещания Гурамишвили таков: «Пища для голодных, платье для холодных, чтоб никто не грабил бедных и безродных».

Поэт понимал, что мертвому «не помогут вопли и рыдания, не вернут мне жизни горькие стенания». Впрочем, он знает, что его некому оплакивать: никто не зажжет ему свечки, никто не накроет поминального стола: Униженный судьбой Гурамишвили не мог предположить, что он будет возвышен после смерти, и не богом, а людьми, его же собственным, родным народом.

Одиночество и старость располагают к мыслям об эпитафии. Старик не может не думать о том, где он будет похоронен — рядом с могилами предков или в чужом краю? Судьба и тут не сжалилась над поэтом, не дала ему успокоиться под родным небом.

А вот и эпитафия поэта:

И вот взгляни теперь,
Случайный посетитель,
Где я нашел свою
Последнюю обитель.

Если библейский Давид оставил после себя псалмы, то наш Давид вместе с искренними молитвами завещал нам великую и человеческую поэзию. Если царь Давид задумал построение Иерусалима, то одинокий поэт на благо народа избрал мельницу и оросительную систему. Вспомним челобитную, приложенную к чертежам:

«В эту книгу вложены мною новоизобретенные чертежи мельницы и поливных каналов, это еще нигде не объявлено по моей немощи и нерешительности, а также за отсутствием средств»...

Челобитная Давида Гурамишвили поражает своей продуманностью и обстоятельностью. Это поистине благородное и необычное для поэта предприятие заканчивается стихотворением, из которого явствует, какое огромное значение придавал мудрый Давид своему изобретению; подобно старцу Фаусту, он заботится о пользе народа.

В Миргороде он встречался со своими боевыми товарищами. Здесь стояло военное подразделение, в котором, кроме русских и украинцев, находились и грузины. В официальных бумагах сказано, что в Миргороде у них было собственное поселение под командованием майора Пхеидзе. Давид наверняка общался с земляками и вел утешительные беседы с теми грузинами, которые подобно морякам с тонущего корабля укрывались на этом маленьком «острове» — в грузинской колонии. Но, увы! Никаких записей об этих встречах и беседах не сохранилось. Кто знает, какие ветры развеяли листки с воспоминаниями беженцев!

Поэт прожил до глубокой старости и, надо полагать, осознал весомость своего поэтического наследия и его значение.

Неужели за всю свою долгую жизнь он создал один этот небольшой том? Ясно, что нет. Никакие превратности судьбы не остановили бы его пера — для грузинских поэтов такие невзгоды были вполне обычными. Для писания стихов находил время сам венценосец, жаловавшийся, что писать приходилось в седле и в походах.

А у Гурамишвили, так или иначе, должно было быть больше времени, во всяком случае после возвращения с войны. Однако нет сомнения, что большая часть его стихов, в особенности ранних, утеряна.

Ураган времени мог уничтожить не одну и не две рукописи! Всегда гонимого, преследуемого, томящегося в плену или борющегося с бедностью поэта притесняли соперники и завистники:

Эта бешеная зависть
Принесла нам бед немало:
Старших саблей зарубила,
Младших насметрь растоптала.
Мой очаг она спалила,
Кров последний отобрала.

Здесь говорится о пожаре: очевидно, усадьбу подожгли злые люди, в огне погибли «младшие и старшие дети» поэта, то есть его поэмы и стихи.

Его чертежи говорят о даре рисовальщика...

Давид, совсем как Фауст, стал плохо видеть.

Это, наверно, и в самом деле была фаустова кончина угасавшего в думах о благоденствии народа мудрого грузинского поэта.

Главная причина бесконечных причитаний Давида Гурамишвили — это бедствия, выпавшие на долю его родной страны и народа. Он клянет беспощадный и вероломный преходящий мир, играющий судьбой его страны и народа, распятых и пронзенных мечом. Скорбь о судьбе отечества пронизывает все творчество Гурамишвили:

Плачу и рыдаю, сердцем унываю,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Плачу о себе я, о своей судьбе я,
О, коварный, мир! О, мгновенный мир!

Дух мой отлетает, тело покидает,
О, коварный, мир! О, мгновенный мир!
Что же я томился, в мир зачем явился?
О, коварный, мир! О, мгновенный мир!

Темными тучами сгустились думы, и, чтобы развеять печаль, он шел на берег Хорола. Надрывающая сердце тоска угнетала его, лишала душевного покоя, терзала нещадно неисцелимая хворь — великая мука одиночества.

Годы, проведенные в походах и войнах, истощили его плоть, оставив клеймо старости и болезней, но ничего не смогли поделать с его вечно пылающей душой.

Прошедший сквозь множество тяжелых испытаний его неутомимый и несломленный дух с юношеской пылкостью по-прежнему витал в заоблачных высях — в царстве надежд и упований. Разум его оставался живым и острым, поражающим своим совершенством, сердце — нестареющим, память — безукоризненной. Суждения по-прежнему были здоровыми, хватало ему и мудрой прозорливости, но в уловках брэнного мира он так и не научился разбираться. Пока он искал спасительного пути, его настигла ночь, и он не знает, куда бежать, чтобы снова не упасть в разлившуюся реку крови и не захлебнуться в ней:

Стражду я от зноя, от мороза вдвое,
Ты в жару и в стужу губишь плоть и
душу,
Потому я ныне вопию в пустыне,
Что твои деянья выше пониманья.

Убеленному сединами старцу мерещится упадок родины, он потерял надежду на возвращение под родной кров, он не верит, что когда-нибудь увидит родных и близких, не зреть ему более цветущих садов:

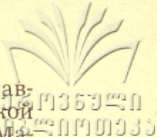
Ты мольбы не слушал, мой очаг
разрушил,
Ты мой сад плодовый снес рукой
суровой,
Нет отца на свете, мать забыли дети,
Я, их брат родимый, прочь бежал,
гонимый.

Его то и дело посещает мысль о семейной усыпальнице предков. Подобно Иову, проклинает он свое появление на свет и еще раз патетически восклицает: «Что же я томился, в мир зачем явился!».

Потрясенный беспощадностью брэнного мира, Гурамишвили готов проклясть ту ночь, когда было сказано — да зачнется человек! — и жалуется, что на этом свете «не разберешь», что есть добро и что зло, что есть сон и бденье, жизнь и смерть:

Если ты есть бденье, что есть
сновиденье?
Если ты — питанье, что есть
голоданье?
Коль ты — жизнь земная, что есть
смерть людская!

Давид и в ранней молодости думал о смерти, но как каждый человек не верил, что она когда-нибудь придет к нему. Когда годы и старость стали наступать на него, только тогда он поверил в приближение безжалостного косаря.

* * *

Целых полтора века грузинский народ не знал, где покоится его прославленный сын. В 1837 году в Петербургской академии с докладом о грузинской литературе выступил крупнейший знаток грузинской истории и культуры Мари Броссе. Между прочим он заявил, что искал могилу Гурамишвили, но не нашел ее.

В 1874 году Илья Чавчавадзе неделю пробыл в Полтаве, но могилу автора «Давитиани» тоже не смог разыскать. Тщетно старался и Сопром Мгалоблишвили.

В 1896 году Акакий Церетели настойчиво советовал искать могилу поэта в Миргороде и Зубовке.

С приходом Советской власти начались организованные поиски, которые до этого велись болеющими за судьбу Грузии одиночками.

В 1929 году специально отправились в Миргород Павло Тычина и Петро Панч. Оба не жалели стараний, но немногого достигли. Местные жители даже не смогли показать им старого кладбища.

В 1937 году руставелевский юбилейный комитет Союза писателей Украины поручил Дмитро Косарику поискать в архивах грузинские документы. В декабре Косарик в Полтавском государственном архиве разыскал бумаги, согласно которым в 1782 — 1783 годах Гурамишвили, его супруга Татьяна и их крепостные находились на Украине...

Исследователь продолжал поиск в московском и ленинградском архивах и 21 июня 1940 года наткнулся на метрическую запись о смерти поэта.

Косарик отыскал драгоценные материалы, пролившие свет на доселе неизвестные детали жизни Гурамишвили.

Настоящая фамилия Косарика — Коваленко. Писатель родился в 1904 году в одной из деревень Полтавской губернии, есть у него книги о Пушкине, Шевченко, Горьком, Гурамишвили...

Для нас особенно дорог его труд о взаимоотношениях Украины и Грузии. Книга Косарика «Давид Гурамишвили» вышла в Киеве в 1950 году, на грузинском языке его книга «Давид Гурамишвили на Украине» была опубликована в 1948 году.

По поводу своих открытий Косарик выступил с докладом перед грузинской общественностью в июне 1948 года.

Могилу Гурамишвили Косарику указали Борис Гавриш и Захарий Курочка. Шесть лет спустя их свидетельство подтвердили еще двенадцать миргородцев. На могиле была обнаружена чугунная плита с надписью: «Князь Давид Гурамов». Комиссия Союза писателей и городской Совет Миргорода это открытие засвидетельствовали актом.

Из обнаруженных Косариком документов исключительное значение имеет метрическая книга. Эта приходская книга Собора Миргородской богородицы, начатая помощником священника Романом Шафранским (графа мужчин № 29). Там отмечено, что Давид Гурамишвили скончался 21 июля 1792 года в Миргороде, похоронен в ограде храма на окраине города, у перекрестка нынешнего Сорочинского шоссе и Полтавской улицы, неподалеку от бывшего грузинского поселка Новоселицы (Ахалдаба).

Таким образом, после встречи с Мирианом и возвращения из Кременчуга в Миргород поэт прожил еще пять лет, однако на полотне его жизни и этот отрезок времени покрыт мраком неизвестности.

Где-то здесь, на Хороле собирался он построить мельницу. Таково предание, которое живет в народе и поныне, однако никто не знает, помог ли поэту царевич Мириан. Впрочем, едва ли, ибо сама Грузия тогда просила о помощи.

* * *

В августе 1948 года могилу поэта посетили грузинские писатели и исследователи. Шалва Дадиани опустился на колени и посыпал святую могилу землей, привезенной с могил Н. Бараташвили, И. Чавчавадзе, А. Церетели и Важа Пшавела, похороненных на Мтацминда...

Это было истинное торжество двух братских народов. Места, связанные с именем Гурамишвили, стали национальной святыней Украины. Поистине неодолимо волшебство поэзии!

По проекту художников Джанашия и Чедия скульптор Яков Ражба высек белый барельеф на могильном камне. Прекрасный и мужественный профиль, лаконичная надпись: «Давид Гурамишвили. Великий поэт братского грузинского народа, 1705—1792».

В августе 1792 года в Миргороде скончался Давид Гурамишвили, а спустя 121 год, 1 августа 1913 года в Сурами умерла Леся Украинка. Грiзинская земля приняла славную дочь Украины — гордость украинской культуры, радуга дружбы, как мост братства, соединила Сурами с Миргородом!

Николай Тихонов писал в свое время о мосте «великой дружбы от сердца к сердцу».

Она стояла в двух шагах,
Та радуга двойная,
Как мост на сказочных быках,
Друзей соединяя...

В 1949 году был открыт памятник Давиду Гурамишвили в Миргороде.

В 1957 году — памятник Лесе Украинке в Сурами. Эти два памятника столпами света возвышаются в истории дружбы грiзинского и украинского народов.

7 августа 1949 года двадцать пять тысяч трудящихся собрались на празднике братства в Миргороде.

Под торжественные звуки гимна было снято покрывало, и показалось высеченное на камне лицо нашего Давида...

С речами выступили Сандро Шаншиашвили, Карло Каладзе, Александр Барамидзе, Маквала Мревлишвили, Бесо Жгенти, Павло Тычина, Микола Бажан, Виктор Гольцев. По радио раздался голос Владимира Сосюры:

Тебя, Украина,
как родная мать
прижала к груди...

Чувства украинского народа выразил в эти торжественные дни председатель зубовского колхоза Иван Супруненко: «Украинский народ вечно будет славить великого сына Грузии, который своими стихами прокладывал путь вечной дружбы от Украины до Грузии».

Это давнее братство освещено лучами дружбы: Леся Украинка и Шии Чигадзе, Илья Чавчавадзе и Михайло Коцюбинский, Тарас Шевченко и Акакий Церетели. Эти два народа поистине созданы для братства и дружбы. Надежность и прочность с самого начала сопутствовали этим добрым отношениям, которых не могли омрачить ни разность языков, ни дальность расстояния.

Перевод Анаиды БЕСТАВАШВИЛИ

СВЕТ ДОБРА

● П о в е с т ь

Почему дядю Ладо, нашего лифтера, зовут Кутузовым? Потому что один глаз у него стеклянный, холодный и невыразительный. Второй глаз — настоящий, живой и теплый. Этим вторым глазом он всегда мне улыбается. Жалко его. Наверное, и он меня жалеет.

Все его Кутузовым звали, и однажды я тоже обратился к нему так... Не успел я докончить фразы, он своим живым одним глазом так на меня посмотрел, что я вздрогнул и умолк. Он заметил мой испуг и сразу погладил меня по голове.

— Другим это прощается... А для тебя я — дядя Ладо.

Для меня — дядя Ладо, а для других — Кутузов! А ведь Кутузов был великий русский полководец, который обратил в бегство Наполеона. На месте дядя Ладо я бы не обиделся.

Однажды, когда я и дядя Ладо остались одни в лифте, я спросил:

— Вы знаете, кто такой Кутузов?

Один его глаз выразил удивление.

— Как не знаю... Русский полководец... Я вроде похож на него, он тоже был кривым. Но ведь это насмешка.

— Над кем насмешка?

— Над кем?.. Хотя бы над обоими. Предпочитаю, чтобы меня звали Ладо, моим именем. А тебя зовут Титэ? Не обижайся, на свете есть имена лучше, но ты должен заботиться о своем имени и беречь его. Ты своими делами должен его прославить. Так чтобы сказали: Титэ — хорошее имя. Понял, о чем я говорю? Прозвище — это иногда насмешка над человеком. Ты — Титэ, а я — дядя Ладо... А сейчас газуй отсюда.

Он открыл двери, и я заметил, что в одном глазу у него сверкал огонек... А второй был неприятно холодным.

* * *

Анзор Меликишвили, Алекси Жоржикашвили и Геронтий Микадзе принесли как-то большой сверток.

— Совершенно случайно наткнулись, — сказал Анзор.

— Что это? — спросила тетя Кето.

— А ну-ка, Титэ, разверни, — сказал Алекси и посмотрел на меня.

Я робко развернул сверток. Пальто! Пальто для меня!

Тетя Кето как-то сказала, что должна взять меня в магазин и купить пальто. Хотя ноябрь стоял довольно теплый, но уже чувствовалось приближение зимы.

Продолжение. Начало в № 5.

361267321
010133

— Спасибо, — сказал я и надел пальто.

— Вы что ж, не даете мне вздохнуть?! — упрекнула сослуживцев тетя Кето.

— Проходили, видим — висит... — улыбаясь, сказал Геронтий Микадзе, завернули и принесли. Я думаю, в этом нет преступления. Кроме всего прочего, мы ничего не подарили Титэ в день рождения.

Пальто на мне сидело хорошо. Как будто для меня сшили. И сразу стало тепло на душе.

— Носи на здоровье! — сказал дядя Анзор и поцеловал меня в щеку.

— Носи на здоровье! — повторили дядя Алекси и Геронтий.

Я еще раз поблагодарил их.

— Спасибо, ребята! — сказала тетя Кето.

— Носи на здоровье! — сказал и дядя Ладо, когда мы с тетей Кето уходили домой.

Через некоторое время ребята из редакции опять «невзначай» наткнулись на ботинки с толстой подошвой, принесли мне и сказали «носи на здоровье». Теперь никакая зима не была мне страшна.

Однажды после уроков ребята в классе как всегда атаковали вешалку. Вот нетерпеливые! Ни за что не уступят друг другу. Иные даже нарочно толкаются. Мы с Мзией со своей парты наблюдали за битвой у вешалки. Пальто летели на пол, на них становились ногами... Пусть только попробуют сбросить мое!

Вскоре на вешалке остались два пальто — мое и Мзинно, кизилового цвета. Они всегда рядом висели.

Я спял пальто и только просунул руку в рукав, Мзия как закричит:

— Титэ!

Я испугался.

— Смотри сюда! — она подняла подол моего пальто. На нем сидело большое чернильное пятно.

Глаза у меня наполнились слезами обиды. Если бы Мзии не было, я бы разревелся.

— Ничего, Титэ... отмоется. В химчистке чудеса творят.

— Правда, отмоется?

Я не очень-то ей поверил, только подумал — какая она хорошая. Сразу стала меня обнадеживать и утешать.

— Отмоется, а как же! — она приподняла запачканный подол и стала его разглядывать — Пятно-то совсем свежее. Ты так дорожишь новым пальто?

— Я... я нет, — я запнулся. — Просто ума не приложу, как это я его запачкал...

Мзия еще раз осмотрела пятно и говорит:

— Это нарочно запачкали, вот посмотри, чем-то обмазали... да, так оно и есть.

— Ну, конечно, нарочно!

— Кто бы это мог сделать? Почему?

— Не знаю! — Я пожал плечами.

Тут в класс вошли Нелли Семеновна и тетя Кето. Тетя Кето, наверное, испугалась, ребята давно уже разошлись, а меня все не было. Но тетя Кето никогда не выказывала ни страха, ни волнения и сейчас внешне совершенно спокойная вошла в класс.

— Что вы здесь делаете, дети?

Нелли Семеновна удивленно посмотрела на меня и Мзию.

— Кто-то испачкал чернилами пальто Титэ, Нелли Семеновна, — опередила меня Мзия и приподняла подол пальто, чтобы показать пятно учительнице. Я уставился на тетю Кето. Она подошла ко мне, взглянула на пятно, погладила меня по голове и сказала:

— Ничего, это бывает.

В другой раз слова тети Кето, может, успокоили бы меня, но сейчас я обиделся. Я подумал — моя мама на месте тети Кето сперва удивилась бы, встревожилась, а потом огорчилась...

— Может, это случайно? — Нелли Семеновна не хотела верить, что кто-то мог запачкать пальто нарочно.

— Нет, — спокойно ответила тетя Кето. — Кто-то вымарал его специально.

— Но ведь это подлость! — Нелли Семеновна покраснела. — А говорят, что дети не могут быть подлыми... Кто же мог это сделать?

Учительница была очень огорчена.

...В редакции никого не было. Ключ от комнаты сотрудники оставили у вахтера и ушли по заданию.

Кутузов сразу заметил пятно на моем пальто и назвал меня неряхой. Я

ничего не сказал ему в ответ. Тетя Кето тоже молчала. А когда лифт остановился, она сказала:

— Пальто ему испортили в школе.

— Да? — спросил Кутузов удивленно. — Вот ведь, и среди детей встречаются хулиганы... Из маленьких хулиганов они становятся большими хулиганами и оставляют пятна уже не на пальто, а в жизни. Вовремя надо остановить их, вовремя.

Двери лифта с шумом захлопнулись... Я послушно побрел за тетей Кето, которая торопливо направилась к кабинету.

Она зарегистрировала в журнале письма, полученные редакцией, сложила их в папку, чтобы в конце дня занести редактору. Потом мы спустились в буфет, пообедали. Я помнил Мзины слова о химчистке, и это меня обнадеживало, но неужели тетя Кето не знает об этом? Неужели она никогда ничего не сдавала в химчистку? Моя мама не стала бы ждать.

Мама! Слезы выступили у меня на глазах, кусок застрял в горле. Тетя Кето ласково улыбнулась!

— Дурачок! Ты об этом не думай, сегодня же у тебя будет новое пальто...

И впрямь химчистка совершила чудо. Тетя Кето принесла домой мое пальто чистое, совсем как новое. Утром в школу я бежал радостный, хотелось поскорее показать Мзии пальто.

Мзия обрадованно посмотрела на меня и воскликнула:

— Я же говорила!

* * *

Нелли Семеновна очень переживала эту историю с пятном. Она искала виновника, но не нашла.

В нашем классе разные дети: и упрямые, и добрые, и уступчивые, и неуступчивые. Сижу я на уроках за своей партой в конце класса, смотрю в запылки своих товарищей и думаю, кто же из них запачкал пальто и почему?

Однажды Нелли Семеновна вошла в класс печальная и с грустью посмотрела на нас.

В тот день она ни у кого не спросила урока и ничего нам не задала. Говорила о зле и добре, о порядочности и чувстве зависти, и было заметно, как она волновалась.

Прозвенел звонок, но Нелли Семеновна как будто не слышала его. Ее волнение передалось и нам. Обычно со звонком мы вскакивали со своих мест, как вспугнутые птицы, а сейчас, словно онемевшие, мы продолжали сидеть за партами.

Я заметил слезы на глазах учительницы. Она поспешно встала, попрощалась с нами и стремительно вышла из класса.

Никто не понимал, что так взволновало Нелли Семеновну и почему она так странно с нами попрощалась.

Погодя мы побежали в учительскую, но все, конечно, несколько ребят. И остановились у дверей. Не решались войти. Сквозь приоткрытую дверь мы увидели Нелли Семеновну. Она сидела в окружении педагогов и плакала. О чем она говорила, невозможно было расслышать, но одно было ясно, учителя ее успокаивали.

Кто-то из них подошел и плотно закрыл двери учительской. Мы устали друг на друга.

На следующий день Нелли Семеновна не пришла в школу. Ее урок провел другой педагог.

Заболела, верно, или кто-нибудь из домашних нездоров, подумали мы...

В полдень в редакции я и тетя Кето были одни. И в соседней комнате стояла тишина. Я за столом Анзора Меликишвили учил уроки, тетя Кето как всегда читала письма.

В коридоре раздались шумные торопливые шаги. Это фотокорреспондент Михаил Капанадзе. Только он умел так ходить — словно целая рота идет. Шаги стихли в глубине коридора, где фотолаборатория. Верно, Капанадзе вернулся со съемок со своей претяжелой сумкой. В ней уйма фотоаппаратов самых различных размеров и марок. Он делает всегда не меньше сотни снимков, а в газете печатают один. Я люблю их просматривать. В редакции вообще интересно. Я сижу здесь целых пять часов, до шести вечера. На уроки уходит часа два или немного больше. Потом я просматриваю журналы, брожу по коридору или слушаю споры и всякие истории. В отдел тети Кето в основном приходили жалобщики. Одни жаловались на соседей, другие на мужей, третьи на жен, четвертые на службу, пятые хотели иметь телефон, шестые горячую воду. Иные плакали, иные же сами приходили не желали, письма присылали. Тетя Кето всех терпеливо выслушивала, давала советы, успокаивала, порой куда-то звонила по телефону... О ней все хорошо отзывались.

Я думал об этом, когда открылась дверь. Открылась тихо, бесшумно. Со трудники редакции так не заходят.

Я поднял голову и онемел от изумления. В дверях стояла Нелли Семеновна. Ведь все ребята думали, что она заболела.

— Можнс? — спросила она вполголоса.

Тетя Кето посмотрела на нее и поднялась.

Я тоже встал.

— Ну, наконец-то решились? — с улыбкой спросила тетя Кето.

— Нет, я по другому поводу. — Нелли Семеновна подошла ко мне, погладила по голове. Я превратился в слух. — Вы говорили о месте корректора. Оно еще свободно?

— Да, свободно. Нашли кого-нибудь?

— Нашла, — сказала она и, помолчав, добавила: — Я решила уйти из школы.

— Как это — уйти из школы?

— Да так. Многие оказалось не по силам... Не получилось так, как мне того хотелось. А дальше, может, и хуже будет... Больше ошибок — больше сожалений. Не хочу, чтобы мои ошибки были детям во вред. Я твердо решила. Если мне не дано было найти в душе ребенка то, что я искала, то отыскать корректурную ошибку, я вас уверяю, смогу.

— Ты еще молода, Нелли... Кто не ошибался.

— Я не могу экспериментировать с детьми. Можно простить кому угодно ошибки, но не учителю. Во всяком случае, я себе их не прощу.

— Что произошло?

— Произошло. Может, для других это мелочи, но не для меня. Одним словом, я не рождена быть педагогом.

Нелли Семеновна говорила тихо, верно, не хотела, чтобы я услышал.

Потом тетя Кето повела Нелли Семеновну к редактору, и я остался один в комнате.

Нелли Семеновна Сулиашвили больше не будет нашей учительницей. Я первым принес в школу эту весть. Одни огорчились, другие обрадовались, а третьи отнеслись к этой новости с безразличием. Впрочем, это был прекрасный повод для шалости, и известные на весь класс озорники Авто, Гоги и Ладостали лихорадочно к ней готовиться. Их никогда не называли по имени или фамилии. Авто был низкий, коренастый, беспокойный паренек по прозвищу Клещ. Худого, высокого и черного Гоги звали Холерой. Почему Холерой? Это никого не интересовало. Краснощекого и веснушчатого Ладостзвали Оводом, и он с достоинством носил это прозвище.

Клещ, Холера и Овод!

Пока они составляли план встречи с новой учительницей, директор завел к нам в класс покилую женщину. Он предложил ей стул, но она не села. Она стояла, опершись о палку, и внимательно разглядывала нас. За толстыми стеклами очков я не видел ее глаз, мешало еще и то, что я сидел довольно далеко.

— Дети! — сказал директор. — Перед вами заслуженный педагог республики уважаемая Тасо Дмитриевна Кемоклидзе. Среди ее бывших учеников, а их целая армия, немало прославленных людей, профессоров и академиков... Тасо Дмитриевна была и моей учительницей, а с сегодняшнего дня она станет вашим наставником...

Он сказал это, попрощался с Тасо Дмитриевной и вышел из класса.

Учительница присела на стул, прислонив палку к столу.

Она была невысокого роста, седая, морщинистая, а за столом казалась совсем маленькой.

— Директор уже представил меня вам, — сказала она, — а теперь я познакомлюсь с вами. Только вас много. Сразу не получится... По очереди, постепенно...

Она не успела закончить фразы, палка соскользнула и с шумом упала на пол.

Несколько ребят на передних партах засмеялись. А Овод громко расхохотался.

— Подойди ко мне, мальчик, — Тасо Дмитриевна указательным пальцем поманила Овода.

Тот встал, опустив голову, но продолжал смеяться. Глядя на него, начали смеяться и другие. С первой парты вскопчила Натэла Иашвили. Она хотела поднять палку, но Тасо Дмитриевна вернула Натэлу на место.

— Подними мою палку, — сказала она Оводу более строгим тоном.

Овод нехотя вышел из-за парты, поднял палку и прислонил к столу.

— Очень смешно, неправда? — спросила Тасо Дмитриевна.

Овод вдруг перестал смеяться и стоял, опустив голову.

Книжная полка
Знаменитых

— Ну что ты скажешь? Как твоя фамилия, мальчик?

— Капанадзе.

— Ты, оказывается, очень веселый. Подними голову, что стоишь, увядший мак. — Эти слова рассмешили и Капанадзе, и нас.

— Весело мы начали первый урок. Хорошо! — сказала Тасо Дмитриевна без тени улыбки. — Как ты учишься? — Знакомиться, так до конца, наверное, решила Тасо Дмитриевна.

— На тройки, четверки и... — начал было Овод.

— А двойки, Овод? — донеслось до меня. Я узнал голос Клеща.

Учительница пропустила его слова мимо ушей. Может, она вообще плохо слышала.

— Овод, значит? — проговорила Тасо Дмитриевна, как бы в ответ на мои мысли. — И двойки у тебя есть?

— Попадают, — пробурчал Овод.

— Молодец, молодец. В цирк ходишь?

— Иногда.

— Чаше надо, ты же любишь смеяться. Ну, поговорили и хватит, отложим этот разговор на будущее. Моя палка, верно, не раз упадет, смотри, не забудь засмеяться первым. Стыдись — взрослый парень, а хохочешь по пустякам. Ступай.

Овод, съездившийся, точь-в-точь мокрый цыпленок, сел за свою парту.

Учительница раскрыла журнал и начала читать фамилии учеников, внимательно глядя на каждого. Луч солнца отражался в стеклах ее очков, и от этого глаз ее не было видно вовсе. Я подумал, она, наверное, плохо видит, и впервые в тот день осмелился взять у Мзии немного семечек. Мзия насыпала мне горсть. Я принялся их лузгать, одну, вторую, и тут Мзия мне шепчет:

— Титэ!

Я вздрогнул как ужаленный, поднял глаза и вижу: учительница уставилась на меня своими блестящими очками, словно прожекторами.

«Неужели заметила?» — думаю, и семечки как-то независимо от меня посыпались на пол.

— Растяпа! — шепчет Мзия.

Учительница взяла палку и направилась ко мне.

— Ты чем это занимаешься, мальчик?

— Я... ничем...

— Встань!

Я с трудом поднялся. Учительница велела мне выйти из-за парты.

— Собери! — строго сказала она и, пока я не собрал все зерна, молча стояла надо мной.

— Что это такое?

— Семечки.

— Что это такое? — повторила учительница.

Я смешался, взглянул на нее, но и в этот раз не увидел выражения глаз за блестящими стеклами очков. Да и что мне было ответить? Я искоса взглянул на Мзию. Она сидела прямо и не сводила своих лучистых глаз с меня и учительницы.

— Это уже слишком. На уроках семечки лузгать? Бескультурье! — бросила она. — Покажи сумку!

Я раскрыл сумку. Кроме книг и тетрадей, ничего в ней не было. Тогда она заставила меня вывернуть карманы. В карманах тоже было пусто.

— Беспризорник! — Она зло махнула рукой и отвернулась.

У меня сердце екнуло, на глаза навернулись слезы.

Напряженная тишина воцарилась в классе. Ребята затаили дыхание и уставились на новую учительницу, мне показалось, каждый из них готов был за меня постоять.

Учительница почувствовала напряженность, но чтобы до конца остаться в глазах учеников хозяйкой своего слова, обернулась ко мне и приказала:

— Приведешь завтра мать, иначе в школу можешь не приходить.

— Я приведу мать, Тасо Дмитриевна... Титэ не виноват, — послышался голос Мзии. Она вытащила из парты свою сумку и показала учительнице. — Это мои семечки.

Тут я не выдержал и заплакал.

— Сейчас же вон из класса... И ты, и ты. Пока не приведете родителей, чтобы духу вашего здесь не было!

Мзия сразу собралась. Я последовал за ней. Но только мы подошли к двери, я услышал голос учительницы:

— Идите на место!

Мы вернулись.

Тасо Дмитриевна потеряла рукой лоб. Потом подошла к своему столу, присела — палку она по-прежнему держала в руках, посмотрела на часы и как ни в чем не бывало сказала:

— Я думаю, пора начинать урок.

Э. В. 1937 г.
З. В. 1937 г.

* * *

Я всегда был откровенен с матерью, ничего не утаивал и от тети Кето. Но о случившемся в тот день ничего ей не сказал. Нечего и говорить: за луганье семечек на уроках никто по головке не погладит. «Растыпа!» — Мзинн упрек звучал в ушах.

Вечером я сидел в кабинете тети Кето и перелистывал книгу. Я чувствовал себя полным хозяином в ее кабинете. Здесь спал, читал. Раздался звонок. Я услышал шаги тети Кето. Она пошла открывать. Дверь в другую комнату была приоткрыта. К тете Кето часто заходили соседи, поэтому я не обратил внимания на гостью, но когда я услышал ее голос, осторожно на цыпочках отошел от письменного стола, приблизился к приоткрытым дверям и обратился в слух.

Это была Тасо Дмитриевна.

Тасо Дмитриевна: — Извините, что побеспокоила.

Тетя Кето: — Что вы, какое беспокойство...

Тасо Дмитриевна: — Титэ дома?

Тетя Кето: — Дома, сейчас позову.

Тасо Дмитриевна: — Нет, не надо. Сперва я хочу поговорить с вами.

Тетя Кето: — Он что-нибудь натворил?

Тасо Дмитриевна (взволнованным голосом и немного рассеянно): — Ничего особенного. Значит, вы его усыновили! Расскажите, пожалуйста, обо всем... Мне очень неприятно... Постарела... Порой вырвется такое, жалеешь потом... не могу себе простить... Я обнаружила у него семечки. Совсем немного. А рядом с вашим мальчиком девочка сидит. Вы, конечно, знаете...

Тетя Кето: — Да, да...

Тасо Дмитриевна: — И вот у этой девочки полная сумка семечек оказалась. И притом на уроке. Увидела и до того расстроилась, что назвала вашего мальчика беспризорным. И тут же почувствовала... весь класс замер... Знаете, мне стало не по себе... После урока обо всем узнала. Но, как говорят, слово не воробей, вылетит — не поймаешь, и для Титэ я уже никогда не буду любимой учительницей.

Тетя Кето: — Не беспокойтесь, уважаемая Тасо. Титэ ничего мне не ворил, значит, он чувствует себя виноватым и не таит обиды.

Тасо Дмитриевна: — Вы думаете? Именно тогда и таят обиду, когда молчат. Я была слишком жестока и, признаюсь, виновата. Я не могу извиниться перед ребенком, но хочу, чтобы вы знали об этом.

Тасо Дмитриевна говорила шепотом, но я слышал каждое ее слово и еле сдерживал слезы.

Вот, оказывается, вы какая, Тасо Дмитриевна! Я стоял у дверей и слушал, как тетя Кето рассказывает ей о том, что со мной приключилось. Учительница тяжело вздыхала. Потом они помолчали. Тетя Кето предложила учительнице чай. Тасо Дмитриевна с удовольствием согласилась.

Тетя Кето вышла на кухню. Я нагнулся и посмотрел в замочную скважину.

За столом сидела женщина в очках. Их стекла блестели на свету, и мне показалось, что ее взгляд проник даже в маленькую замочную скважину. Глаза ее так и засверкали. Я как ошпаренный отскочил от дверей.

Тетя Кето накрыла на стол и только тогда позвала меня. Я осторожно вышел и сел за стол, словно ничего не слышал...

В этот вечер, понятно, мы «помирились». После этого я даже стал вести себя несколько развязно. Тасо Дмитриевна, полагал я, уже свой человек в нашем доме, чай у нас пьет. Однажды я плохо подготовился к уроку. Тасо Дмитриевна словно почувствовала это, вызвала отвечать. Я кое-как промямлил урок. Другая учительница могла бы и тройку поставить, а эта вlepила двойку. В тот день по двойке получили Овод и Холера, и мы все втроем должны были остаться после уроков. Пока, говорит, не выучите урок как следует, будете сидеть в классе. Ничего не поделаешь — оставаться так оставаться.

— Тасо Дмитриевна, меня во дворе мама ждет, — попытался увильнуть Овод.

— Ждет, так справится в чем дело. Ступай садись! — учительница указала палкой на последнюю парту.

Она посадила нас подальше друг от друга.

— Тасо Дмитриевна, я лучше дома выучу. Как здесь учить?! — пробурчал Холера.

1969
318 2110133

— Пока не ответишь урок, будешь сидеть здесь!

— А ты что скажешь? — обернулась она ко мне. Взгляд ее требовал ответа.

— Все правильно, — ответил я и уставился в книгу.

Тут дверь осторожно приоткрылась, и в класс заглянула тетя Кето. Учительница пригласила ее войти и тут же доложила:

— Все трое получили по двойке.

— Титэ, что с тобой?! — удивилась тетя Кето, и в глазах ее было столько упрека, что я покраснел до ушей.

— Вы за него не беспокойтесь, уважаемая Кетэван. Я приведу его в редакцию. А пока не выгучат, никого не отпущу.

Тетя Кето снова с укором на меня посмотрела и направилась к дверям. Тасо Дмитриевна проводила ее, вернулась, села за свой стол, по обыкновению прислонив к нему палку. Тут палка снова соскользнула на пол.

— Ой, — вскрикнул Холера и схватился за сердце. — Испугался до смерти.

— Какой ты пугливый. — покачала головой Тасо Дмитриевна и взглянула на Овода. У него был такой кислый вид — не то чтобы засмеяться, он даже не улыбнулся.

Я вскочил и поднял палку.

И снова воцарилась тишина.

Сначала мы несколько раз прочли урок про себя. Потом Овод прочел его вслух, за ним — Холера. Затем наступила моя очередь. Я почти наизусть его выучил.

В тот день у нас вышло семь уроков вместо шести. Желудок сводило от голода. Холера пожаловался учительнице, что у него голова кружится.

— Вы сидите за тем же пиршественным столом, что и я, — отрезала Тасо Дмитриевна. — Ну кто начнет? Ответите правильно, пойдете домой.

Я вывалялся первым. Отвечал хорошо. Учительница удовлетворительно кивала головой и улыбалась, но вслух ничего не сказала.

Затем отвечал Овод. Он мог бы неплохо учиться, этот президент лентяев! Даже заслужил похвалу учительницы. Тогда Овод недолго думая спросил:

— Какая мне отметка полагается, Тасо Дмитриевна?

— Четверка.

— Тогда переправьте двойку. Я же урок сдал.

— Правильно! Для этого я вас и оставила! — развела руками учительница. — Но двойка останется, а четверку напишу, когда еще раз ответишь мне так же хорошо, и довольна об этом. Ну, сейчас твоя очередь, — обратилась она к Холере. Холера вообще-то способный был парень.

— И тебе четверка! — обрадованно сказала учительница. — Но этих отметок не будет ни в журнале, ни в записной книжке. Вы должны их заслужить перед своими товарищами. Поняли?

— Поняли, — ответили мы.

Мы стали складывать в сумки учебники.

— А ты говорил, мама тебя ждет? — сказала Тасо Дмитриевна Оводу.

— Не знаю, должна была...

— Ну так раз она не пришла, сегодня вечером я приду к вам, непременно приду. А теперь все по домам. Титэ, нам по пути.

Мы вышли на улицу. Тасо Дмитриевна шла медленно. Несколько лет тому назад она вывихнула ногу и не могла уже обходиться без палки.

— Ты слишком разболтался в последнее время, — сказала мне учительница.

Я промолчал. Я думал о том, как покажусь тете Кето, что скажу ей...

— Я пересмотрела твои отметки. Пять, четыре, пять, четыре и вот тебе — двойка! Почему? О чем ты думал, хотела бы я знать?

— Ни о чем, Тасо Дмитриевна.

— Те двое — особая статья... Я не сравниваю тебя с ними. Ты должен знать, что с тебя больше спросу... Права я или нет?

— Правы, Тасо Дмитриевна.

— Ты от чистого сердца это говоришь?

— От чистого, — ответил я и улыбнулся.

— Вот мы и пришли. Учись хорошо, станешь потом журналистом, редактором. Ты мальчик способный. Может быть, станешь известным журналистом. Верно я говорю? Только вряд ли я доживу до того времени.

Мне стало жаль ее. Я не знал, что ответить. Мне хотелось просто обнять и поцеловать ее, но я не посмел.

Однажды Анзор Меликишвили сказал:

— Надо определить нашего парня в какую-нибудь спортсекцию, не то, сидит здесь, он захиреет вконец.

— Правильно, — подтвердил Алекси Жоржикашвили. — Какой вид спорта больше всего тебе нравится, Титэ? Наверное, футбол?

— Коньки, — ответил я мигом.

По телевизору я не раз видел волшебников-фигуристов и всегда с интересом следил за их выступлениями. Даже заставил маму купить мне коньки. Учить меня никто не учил, да и льда не было. Я смотрел на коньки и с надеждой ждал снега и мороза. Да все впустую.

— Прекрасный вид спорта! — воскликнул Анзор Меликишвили. — Завтра же возьму тебя во Дворец спорта.

И знаете еще почему я выбрал коньки? Потому что Мзия давно уже ходила во Дворец спорта. Я не видел, как она катается, и очень обрадовался, когда Мзия сказала: «На зимних каникулах во Дворце спорта устраивается большой новогодний праздник. Приходи, увидишь меня...».

Я с нетерпением ждал этого дня.

Анзор Меликишвили посадил меня в свой «Москвич», и мы поехали во Дворец спорта.

Анзора встретили как старого знакомого и друга. Это вселило в меня надежду.

— Я привел ученика. Вы должны его принять.

— Так категорично?! — сказал высокий худой мужчина и оглядел меня. — Сколько тебе лет, мальчик?

— Двенадцать.

Высокий поджал губы.

Второй, низкий упитанный молодой человек опередил его и говорит:

— Опоздали. Двенадцатилетние почти два с половиной оборота уже делают... На коньках когда-нибудь катался? — он обернулся ко мне.

— Нет.

— Попробуйте, может, что-нибудь получится... — попросил Меликишвили. Мне не понравился его уступчивый тон.

— Пробовать-то мы попробуем, но вообще лучше с шестилетнего возраста начинать... Отличные фигуристы получаются. Ты же знаешь, грузинских фигуристов пока нигде не видно. Растут... Придет и их черед...

Высокий мужчина, его звали Виктором, отвел меня в раздевалку, дал чьи-то ботинки с коньками и велел одеваться. Потом вывел меня на площадку.

Я с трудом передвигал ноги и отчаянно трусил. В глазах у меня потемнело от волнения и страха. Я не удержался и упал плашмя, да так сильно, казалось, лед раскололся на мелкие куски. Кто-то меня поднял. Это был Виктор. Они с Анзором смеялись и спрашивали меня, не больно ли мне. Еще как было больно! Но разве я бы признался!

Вскоре пришли ученики Виктора. Двоим из них он поручил меня. Они схватили меня за руки и потянули за собой на ледяную площадку. Мне казалось, что я лечу в бездну.

Мы прокатились несколько кругов. Я устал, казалось, вот-вот упаду. И не различал ни одного лица вокруг.

Когда мальчики мастерски остановили меня, я вдруг увидел удивленную и улыбающуюся Мзию.

— Титэ, это ты?

— Я, Мзия.

— Виктор Иванович, он к нам будет ходить? — звонким голосом спросила Мзия.

— Для фигурного катания он, пожалуй, уже не подойдет, но ходить будет, включим его в любительскую группу. Это твой товарищ?

— В одном классе учимся.

— Вот и будешь его учить... Посмотрим, может, что и получится.

Мзия посмотрела на меня своими лучистыми, улыбающимися глазами и говорит:

— Главное, иметь сильные ноги!

И тут же показала, что это значит — «сильные ноги». Ласточкой раскинув руки, на одной ноге описала правильный круг. Смогу ли я когда-нибудь сделать это так же легко и красиво? Какая воздушность, какая красота и мужество в каждом движении фигуристов....

Корректорская помещалась на четвертом этаже, рядом с комнатой дежурного редактора.

В кабинете главного редактора я никогда не бывал. У главного редактора — два заместителя. Есть еще и ответственный секретарь, тоже со своими заместителями. Но за каждый номер газеты отвечает дежурный редактор. Дежурными редакторами бывают все сотрудники по очереди. И тете Кето приходится дежурить по номеру. Тогда мы уходим домой поздно. На следующий день тетя Кето может прийти на работу в полдень. Я радуюсь, когда она дежурит. В эти дни я тоже работаю. Ношу оттиски из одной комнаты в другую. Захожу и в типографию. Вход в типографию там же, рядом с комнатой корректоров. В дверях стоит охранник, меня он встречает с улыбкой, а ведь в типографию не всех пускают.

Я несу оттиски от метранпажа к корректорам, от корректоров к дежурному редактору, а дежурный сам относит их главному редактору. Туда мне нет хода. Пока корректора читают оттиски, я снова иду к метранпажу, смотрю на его черные руки, ящики, рамы, набранные строки, клише, которые превратятся в снимки. Мерно стрекочут линотипы. На них набирают текст газеты.

Впервые сюда привел меня дядя Анзор. Мы с ним всю типографию обогнали. Он все мне объяснил, только я много не понял, не запомнил, все удивлялся. Ночь напролет ворочался в постели, в ушах стоял стук линотипов и грохот ротационных машин. Столь удивительного мира я не видал нигде. Потом привык постепенно. Понял, что к чему, кто чем занимается в типографии.

Не знаю, как у других, а я каждый раз выбирал себе новую профессию, в зависимости от того, какая мне в этот момент нравилась. Как-то я даже подумал, что, когда вырасту, стану лифтером, вроде «Кутузова», потом выбрал профессию линотиписта. Это и впрямь очень интересно. Понравилась мне и работа метранпажа, то есть верстальщика, как его обыкновенно называют. В конце-то концов, думалось мне, он и есть начало всех начал.

Все мои помыслы и мечты вертелись вокруг типографии и редакции, и однажды, когда я попал в кабинет главного редактора, у меня родилась новая мечта. Ведь и Тасо Дмитриевна говорила, что я могу стать редактором.

* * *

Сегодня тетя Кето дежурная. Дежурю, понятно, и я. Мы пойдем домой поздно, после того как главный редактор подпишет газету к печати. До того множество людей хлопочут над газетой: набирают, верстают, берут оттиски, читают, правят. Руки у всех в типографской краске. Время не ждет. К полуночи ротационная должна успеть отпечатать весь тираж газеты — полмиллиона экземпляров, чтобы рано утром, пока люди спят, газету доставили во все киоски и отделения связи.

И у меня руки в краске. Я ведь тоже работаю: отношу оттиски из наборного цеха в корректорскую, из корректорской — к дежурному редактору...

Метранпаж с быстротой фокусника снял со станка оттиск четвертой полосы, взмахнул листом и протянул его мне.

— Ну-ка живее!

Метранпаж спешит. Еще несколько правок, и его работа окончена. Спешат все.

Я бегу в корректорскую.

Четыре корректора сидят в одной небольшой комнате. Одна из них — Нелли Семеновна. Хотя она теперь и не имеет отношения к школе, но я по-прежнему считаю ее своей учительницей. И всегда буду считать. Я-то не забыл, как она пережила случай с моим пальто и как была огорчена, что не нашла виновника.

Ни перед кем я так не робею, как перед Нелли Семеновной. Она совсем недавно работает корректором. Старается хоть здесь «быть нужной», не осрамиться. По словам тети Кето, работа у нее ладится.

Я чувствую, Нелли Семеновна всем сердцем привязана к школе. Не может ее забыть. Она часто спрашивает меня об учителях, учениках. Что нам задали, как объяснили, что нового в школе...

Четвертую страницу газеты читала она. На этой странице было много коротких информаций, спортивных сообщений, объявлений, реклама...

Удивительная же это штука — газета! Только выйдет, молниеносно распространяет всякие новости.

В этот день самой интересной, на мой взгляд, была маленькая заметка под заголовком «Зоркий глаз машиниста».

Нелли Семеновна только прочла четвертую полосу, подозвала меня и говорит:

— Прочти.

Я одним духом прочел заметку строк в восемь-десять... Поезд вел Гуджабидзе. Гуджабидзе? И Мзия тоже Гуджабидзе. Мзинн отец — Вахтанг Гуджабидзе, машинист электровоза.

Я чуть не вскрикнул от радости. С восторгом посмотрел на Нелли Семеновну. Она подтвердила, да, это в самом деле Мзинн отец. Он спас товарный поезд от неминуемой гибели, вовремя остановив состав.

Наверное, и у него, как у Мзии, лучистые глаза.

Завтра весь мир узнает о подвиге Гуджабидзе. Завтра Мзия будет еще более радостной и гордой. Она всегда гордится отцом. Что ни день все о нем и его работе рассказывает.

Я не вытерпел, поднялся в нашу комнату и позвонил Мзии по телефону.

— Слушаю! — сразу же ответила Мзия.

— Я Титэ, Мзия.

— Да, Титэ.

— Знаешь, я тебя должен обрадовать!

— Что случилось, Титэ?

— О твоём папе напечатано в газете.

— Правда?! — радостно воскликнула Мзия, а потом с обидой в голосе сказал: — О делах моего отца мы всегда узнаем от других... Что пишут? Кто пишет? — градом посыпались вопросы.

Я наизусть выпалил заметку.

— Какое счастье работать в редакции, правда? — сказала Мзия.

Вот и Мзия сочла меня работником редакции. Я повесил трубку и тут же испытал чувство сожаления — не преждевременно ли я ее обрадовал. Не раз случалось, уже подготовленную к печати статью редактор снимал или переносил в другой номер. А вдруг и эту перенесут, напечатать-то, конечно, напечатают, да только бы не перенесли. Я таскал полосу из типографии в корректорскую и обратно и изрядно волновался, все смотрел, не вычеркнул ли ее редактор.

Наконец полосу подписали, и я вздохнул с облегчением.

Погодя я с тетей Кето спустился в ротационный цех. Тяжелые печатные машины стояли на первом этаже. Когда их запускали, все здание дрожало.

Печатник заправил машину бумажным рулоном. Этот рулон весит килограммов двести. Из него десятки тысяч газет получаются. Заправил и матрицы. И запустил машину — сделал пробные оттиски. Они ему не понравились. Я с нетерпением ждал, пока печатник снова нажмет синюю кнопку. Тогда-то и начинала машина работать, газеты шли одна за другой...

...Ротационная машина рокошет.

Мы с тетей Кето выходим из цеха со свежими газетами. Они пахнут краской. Мы устали. Но мне такая усталость доставляет удовольствие.

Город уже спит. И Мзия спит. А ее отец ведет электровоз с нагруженными вагонами в Хашури. Я и тетя Кето быстрыми шагами идем по улице домой.

* * *

В конце декабря наконец-то пошел снег. Из-за него Тасо Дмитриевна Кемоклидзе чуть было не погибла. Она поскользнулась, упала, и ее увезли в больницу в тяжелом состоянии — сотрясение мозга.

— Напасть-то какая. — забеспокоились все родители, — вторая четверть еще не кончилась, а уже третья учительница приходит...

— Теперь они отстанут по грузинскому языку наверняка.

— Бедная Тасо Дмитриевна...

— Одно слово, не везет...

А класс готовился к встрече с новой учительницей. По слухам, вместо Тасо Дмитриевны временно должна была прийти молодая учительница, только окончившая педагогический институт.

В один прекрасный день в класс, запыхавшись, ворвался Клец.

— Пришла, — крикнул он с порога, — в учительской сидит.

— Что ж, приготовимся к встрече. — невозмутимо произнес Холера, оглядел класс и прибавил: — После Тасо Дмитриевны нам учителя не нужны.

Класс одобрительно загудел.

Клец, Холера и Овод тут же составили план действий. Собственно, никакого плана и не было, они просто раздали нам трещетки из киноленты, скрученные куски бумаги и рогатки из тонкой резинки. Часть учеников должна была мяукать, другая шипеть, третья хрюкать, мычать, жужжать — кто во что горазд. Завправлял всем Холера.

Несколько учеников, в том числе и Мзия, воспротивились было, но на это Холера заявил:

— Кому не нравится, тот может уйти!
Однако все остались. Не так-то легко уйти от потехи.
А началась она так.

Завуч завел к нам девушку, молоденькую такую, словно она десятиклассница. Ребята это еще больше подхлестнуло.

Завуч ее представил и вышел из комнаты. Ее звали Мери Григорьевна Майсурадзе. Конечно же, классу ничего не стоило справиться с нею, она бы стала плакать, умолять нас успокоиться — это уж наверняка.

Такая мысль промелькнула даже у меня. Я ведь вовсе не хотел злить ее. И думать не думал, но молчал, не противился. Учительница оглядела класс. У нее были красивые глаза. И лицо красивое. Она раскрыла классный журнал, выдвинула стул, села и только заглянула в журнал, как Холера подал знак. И класс замычал, зажужжал, заскрипел, замаякал. Затрещали трещотки, в учительницу полетели скрученные бумажки.

По правде говоря, такого я не ожидал. Я взглянул на Мзию. Глаза у нее были широко раскрыты. Учительница подняла голову, посмотрела на нас. Все сразу смолкли. Сидят с таким видом, будто весь этот ералаш не сами подняли. А учительница посмотрела на нас, и только — ни удивления, ни досады, ни гнева.

Посмотрела и снова уставилась в журнал, и снова Холера взмахнул рукой. Все повторилось. Мери Григорьевна не сразу оторвалась от журнала. Она взглянула на ребят исподлобья, потом медленно поднялась и спокойно оглядела класс. Класс мычал.

Кто-то пустил бумажного голубя. Голубь плавно описал круг над головой учительницы и опустился возле доски. Только тогда она нагнулась, подняла бумажного голубя, внимательно его осмотрела, словно невидаль какую-то, и бережно положила на стол рядом с журналом.

Время шло.

Я посмотрел в сторону Холеры. Неужели он мычит, стиснув губы?! Может, не мычит вовсе и товарищей обманывает?!

Учительница подошла к окну, выглянула во двор. Дети выдохлись.

Я не свожу с Холеры глаз, чувствую, и у него иссякают последние силы, злорада его раздрает. Номер не вышел. Молоденькую учительницу несколько это безобразие не трогает. Гул заметно утих. Мычать, стиснув зубы, очень, должно быть, трудно. Не стало уже и скрученных бумажек, у многих порвались резинки, словом, последние силы иссякли. Сдался и Холера.

Учительница прошла между партами. Тишина стояла как во время контрольной. Молчала и Мери Григорьевна.

Класс проиграл, это было ясно.

Овод смотрел на нее рот разинув.

В дальнем углу класса затрещала одинокая трещотка. Холера встал, вышел из-за своей парты, приблизился к Мерабу Кухалейшвили и дал ему подзатыльник:

— Замолчи же!

Гробовая тишина воцарилась в классе. Только тогда Мери Григорьевна подошла к столу, закрыла журнал и спрашивает:

— Ну-ка, кто из вас объяснит, что значит дебют?

Мы не ожидали такого вопроса и с удивлением переглянулись.

— Дебют?!

— Не знаю, — сказал один.

— Не знаю, — повторил второй.

— Не знаем, — хором сказал класс. Все с любопытством уставились на молодую учительницу. Вид у нее был такой, будто ровно ничего не случилось.

— Представьте: театр полон народу, — начала она погодя, — в спектакле впервые выступает молодая актриса. Смотреть ее пришли отец, мать, сестра, братья, родственники... Все волнуется, всех интересует: каким будет ее первый выход. Актриса тоже волнуется, конечно. И вот она выходит на сцену. Оглядывает зрителей, заполнивших зал до отказа... Как они примут ее — от этого зависит ее судьба, судьба всей ее жизни! Это и есть дебют. — Учительница глубоко вздохнула и добавила: — Сегодня — мой дебют.

Мы смотрели на нее затаив дыхание. Теплыми и ласковыми казались мне ее глаза. Но когда она сказала вдруг: «Делу — время, потехе — час. Я начинаю урок», — я почувствовал ее силу.

* * *

Новогодние каникулы я в основном провел на катке Дворца спорта. Тренировался с охотой, подолгу, до седьмого пота. И результат не замедлил сказать

ся. Мэня радовалась моим успехам, но я-то понимал, что до моих товарищей по секции мне еще далеко....

Началась третья четверть.

Тетя Кето разыскала место заключения моей матери и повидала ее. Они говорили, тетя Кето мне не сказала, но предупредила, что я долго не смогу увидеть маму.

Что она сделала такого, почему ее так наказали? И меня наказали заодно? Эти вопросы не давали мне покоя, а ответить на них было некому.

И вот в один январский день я получил ответ на мой вопрос. На экране телевизора я увидел фото моей матери.

Тетя Кето вскочила и хотела выключить телевизор, но я загородил ей дорогу, и она вернулась на место.

Вначале показали портреты мужчин. Диктор с возмущением говорил о них — подонках и паразитах общества. Я узнал их всех до одного. Одних я видел у нас дома, других — на маминой работе. Тогда они были добрыми дядями, ласкали меня, дарили мне подарки и маме тоже.

А сейчас я сижу, смотрю на фотографию мамы, и слезы льются ручьем, сердце готово выскочить из груди. Тетя Кето обняла меня.

Фотография мамы исчезла, но сейчас же появилась другая. Тон и слова диктора оставались прежними. Я и раньше слышал его голос. То был голос мягкого, доброжелательного человека, но сейчас в нем не было привычного тепла. Можно было подумать, все эти люди оскорбили его лично, его лично ограбили, и, попадись они ему в руки, пощады ждать не придется.

Он говорил, словно ко мне обращался: вот смотри, слушай и запомни, к чему ведет бесчестная жизнь, вымогательство и безделье.

Но мне все же не хотелось верить, что в этом деле замешана была и мама. Не хотелось, но от правды не убежишь!

Убитый горем, со слезами на глазах, я некоторое время еще смотрел на уже потухший, умолкнувший телеэкран.

Тетя Кето изо всех сил старалась меня успокоить, но тщетно. Я не спал всю ночь, это была самая долгая ночь в моей жизни. Наконец рассвело. Тетя Кето хлопотала на кухне. Вскоре я услышал шипение чайника.

Тетя Кето как ни в чем не бывало зашла в комнату и сказала:

— Титэ, пора вставать.

Сказала и принялась накрывать на стол.

Я всегда с радостью шел в школу. Я любил школу и товарищей. В то утро вставать мне не хотелось. Я лежал в постели и бессмысленно смотрел на потолок. Потолок был белый, как зимнее небо.

— Титэ! — снова позвала тетя Кето.

Она подошла ко мне и положила руку на лоб. Потом принесла термометр.

Температуры у меня не было.

— Я сегодня не могу пойти в школу, — сказал я тихим голосом.

— Почему? Почему не можешь?

— Не могу... не могу, не могу! — вскричал я и повернулся на другой бок.

Тетя Кето ничего не сказала, только погладила меня по голове.

Завтрак остыл. Чайник перестал шипеть. Тетя Кето позвонила в редакцию и предупредила сослуживцев, что мне нездоровится и она не сможет выйти на работу.

— Вы идите, тетя Кето... из-за меня не надо... — сказал я дрожащим голосом и присел на кровати.

— Что из-за тебя?.. Из-за кого же еще?! — сказала тетя Кето и, как обиженный ребенок, села рядом со мной. — Оденься, пойдем в школу, послушайся меня, отвлечешься немного....

— Нет, я не пойду в школу! — упрямо повторил я.

— Хорошо, как хочешь, — уступила тетя Кето.

Я лежал еще некоторое время. День наступил скучный, туманный, тучи заслонили солнце. Наверное, ему тоже было грустно. Мне приходилось видеть грустное солнце. Вспомнилось, каким оно бывает на закате или в ненастные зимние дни.

Я неохотно позавтракал.

Тетя Кето села со мной, поговорила. Ее спокойствие передалось и мне. Никогда прежде она не вспоминала о делах моей матери. Наоборот, всегда убеждала меня в материнской любви, меня, который и без того очень любил маму. Кого я мог любить сильнее?! Тот, кто не любит своих родителей, по-моему, никого на свете не любит.

Именно эта любовь и мучила меня.

В полдень кто-то позвонил в дверь.

Открыла тетя Кето, я узнал гостью по голосу. Это была Мери Григорьевна. Я невольно вскочил, Мери Григорьевна сняла пальто в коридоре, спросила тетю Кето, почему я не был в школе. Потом они о чем-то пошептались и вошли в комнату. Мери Григорьевна с удивлением взглянула на меня.

— Почему ты не был в школе?

Я опустил голову.

— Поди сюда.

Я подошел к ней. Она обняла меня. Слезы подступили к горлу, и я всхлипнул.

— Это что такое? — ласково упрекнула меня учительница. — Не к лицу мужчине слезы!

Мне стало стыдно. Я вытер глаза кулаками и взглянул на учительницу.

Она была на редкость красива и смотрела так, словно видела меня насквозь. Я ведь не пошел в школу из страха, что товарищи будут смеяться надо мной. Если не все, то большинство наверняка видели вчерашнюю передачу и непременно сообщили бы мне о ней. Конечно же, они не пропустили бы передачу о растратчиках. И пошли бы трепать языками, и посмеялись бы надо мной, сыном растратчицы. Это как пить дать.

— Вот что я тебе скажу, дорогой мой, — обратилась ко мне Мери Григорьевна. — Ты вчера вечером смотрел телепередачу?

Я молча кивнул головой.

— Мне обо всем известно. Повторяю, ты мужчина и должен по-мужски перенести свое горе. Уже не такой ты маленький, чтобы не понимать этого, и можешь облегчить положение своей матери.

— Я? Каким образом?! — воскликнул я неожиданно, с надеждой.

— Своим мужественным поведением. Я знаю, она жалеет, что так случилось. Она, безусловно, беспокоится о тебе. И если ты будешь слушаться тетю Кето, хорошо учиться, твоей матери легче будет переносить выпавшие на ее долю испытания.

Она сказала так, посмотрела на меня в упор и прибавила:

— Почему ты сегодня в школу не пришел? Стесняешься? Но почему? Ты-то здесь ни при чем. Боишься, что над тобой будут смеяться? Пусть только попробуют! — голос ее прозвучал твердо, убедительно.

* * *

На следующее утро тетя Кето проводила меня до дверей школы. По дороге я встретил одноклассников. Волновался я ужасно, все лицо пылало как в огне, я глаз поднять не смел. Все думал, вот-вот начнут говорить о телепередаче, издеваться станут, но никто и слова не промолвил. Мзия тоже ничего не сказала, только спросила, почему меня в школе не было. В ответ я пробормотал что-то несурзное. Впрочем ей и без телепередачи обо всем было известно. И телевизор, как выяснилось, она смотрела.

— Не бойся, Титэ, — говорит она после уроков, — все будет хорошо.

— Чего мне бояться? — спрашиваю, словно не понимаю.

— Вообще, никого и ничего не бойся, — говорит. — Ты сегодня придешь во дворец?

— Приду.

Остальные ребята тоже ничего не сказали. Я чувствовал, это Мери Григорьевна заставила их языки прикусить. Не всех, конечно, но многих...

Вечером мы с Мзией тренировались на ледовой площадке Дворца спорта. Она здорово каталась. Летала на коньках, точно ласточка. Тетя Кето, как обычно, сидела на трибуне, отдельно от остальных, ждала, пока я закончу тренировку. Ей приходилось ждать часа два, а то и три, хотя дел у самой было хоть отбавляй.

Мзиина мать тоже сидела на трибуне. Она ее всюду сопровождала, это понятно. Из Мзии будет толк. А я зря отнимаю время у тети Кето. «Опоздал, раньше начинать следовало», — думаю я, а сам стараюсь изо всех сил.

Мзия утешает, говорит, что я расту с каждым днем, хотя сам того не замечаю. Умеет же она утешить! Сколько раз я мечтал быть ее братом. Она была одна у родителей, ни братьев, ни сестер. Будь я братом Мзии, по-иному сложилась бы моя жизнь. Ее отец — прославленный машинист. Меня бы с парова согнать не смогли. Я стал бы машинистом. Но все это мечты...

А действительность была тяжела, точно намокший брезент. Из прокуратуры принесли в редакцию статью. Решили напечатать в газете — все, мол, должны знать о преступлении и о том, что грабители скоро предстанут перед судом. Грабители! Неужели нельзя смягчить это слово?

Даже тетя Кето не позаботилась об этом, и в газете так и напечатали — «грабители».

Я не пропускал школу. Все читали о делах моей матери и ее сослуживцах, а я сидел в школе на уроках, смотрел в спины товарищей и слушал учителя.

Если бы моя мама хотя бы на минуту подумала, чем все это кончится... Для чего ей было столько денег! А может, с ней случилось то же, что и со мной, когда Мзия впервые дала мне семечки, и я сразу попался?..

Все узнали об этой истории, даже вахтер, все... все... Для того и напечатали в газете, чтобы все узнали и запомнили.

Но мне никто и слова не сказал. Ни единого слова упрека..

* * *

Мы с Мзией собрались проведать Тасо Дмитриевну, но нам посоветовали не беспокоить ее до поры.

Прошло две недели после того, как Мери Григорьевна вошла к нам в класс. Тасо Дмитриевна все еще лежала в больнице, ей нельзя было двигаться.

Через некоторое время мы все же пошли ее проведать. Мы — это я и Мзия. Мзия из дому взяла сладкое и фрукты. А мне тетя Кето специально купила мандарины.

В больнице как раз были приемные часы, но в вестибюле нижнего этажа нас остановила женщина в белом халате. Она сидела за столом у входной двери. На столе лежал какой-то список.

— Вы к кому? — спросила она.

— К Тасо Дмитриевне Кемоклидзе.

Женщина даже не взглянула в свой листок.

— Вам надо немного подождать, дети, — сказала она.

Мы с Мзией переглянулись. Я прижимал к груди кулек с мандаринами, Мзия сбеими руками держала большую сумку.

Мы стояли минуты две, три... К больным все шли посетители. Женщина в белом пересматривала список и ставила точку около фамилии больного, а посетителю говорила: только недолго, не задерживайтесь. А мы все стояли и ждали.

Уже возвращались те, кто пришел много позже нас. Они пошли к гардеробу за своими пальто. Вдруг у Мзии заблестели глаза. В дверях стояли двое мужчин. Господи, где же я их видел?! У обоих очень знакомые лица. Тут я вспомнил. Это актеры. Они играют во всех моих любимых фильмах. Я растерялся. А Мзия так и сверлила их глазами.

Все девчонки любят артистов, известно. Они только тем и занимаются, что собирают журналы, газеты и открытки с фотографиями киноактеров.

— Узнал? — шепнула мне Мзия.

— Да.

Женщина, сидевшая у входа, услышала, о чем мы перешептывались, посмотрела на нас и сказала:

— Они тоже были у Тасо Дмитриевны. Ну что ж, ступайте теперь вы...

В палате было так много народу, что я и Мзия невольно попятнулись назад.

— Входите, дети, входите! — заметил нас какой-то высокий лысый мужчина. Я посмотрел на него. Лицо мужчины тоже показалось мне знакомым. Где я его видел? Нет, он не был артистом....

Но сейчас было не до этого. Все в комнате обернулись к нам. Я и не помню, как мы очутились у постели Тасо Дмитриевны. Мы стояли растерянные, не знали, куда положить гостинцы, и когда я подошел и поцеловал Тасо Дмитриевну, положил кулек прямо на постель. Одна женщина переложила его на стол.

Стоило нам войти, остальные посетители, как по уговору, начали прощаться с больной. Все они оказались бывшими учениками Тасо Дмитриевны.

— Передаем эстафету юным, — улыбаясь, сказал пожилой мужчина, вежливо попрощался и вышел.

В палате, кроме нас и Тасо Дмитриевны, осталась ее дочь Лили. Она поставила стулья по местам, убрала тумбочку и все время жаловалась, что не знает, куда девать гостинцы, столько их понесли.

— А еще и они добавили, — шутливо пожурила нас учительница и легла. Она не могла сидеть долго. Уставала. Болезнь давала о себе знать.

— Все они мои бывшие ученики, — сказала учительница после минутного молчания и улыбнулась.

— Ой, что вы! — воскликнула Мзия.

Я молчал, словно язык проглотил.

— Что нового в школе? — обратилась она ко мне.

— Учимся... — пробурчал я. Ничего другого не мог придумать.

— Ну, понятно, должны учиться, и учиться хорошо, чтобы о вас никто слова дурного сказать не мог. — Она протянула руку в сторону двери, давая по-

нять, что мы должны стать такими же знаменитыми, как те, которые недавно с ней попрощались.

— Хорошая у вас учительница. Она меня навестила, рассказала о ваших проделках.

Мы молчали.

— А я уже не вернусь в школу, и Мери Григорьевна будет преподавать вам, — сказала она погody.

— Почему, вы же хорошо себя чувствуете? — разволновалась Мзия.

— Мне лучше, правда, но... не пора ли на отдых? Как-никак, а сорок лет проработала. Я очень рада, что меня заменил достойный человек. Она ведь хорошая учительница? Почему вы молчите?

— Хорошая, очень даже хорошая... но... разве нельзя, чтобы... — начала Мзия, запинаясь, подыскивая слова. Я не выдержал и пришел ей на помощь.

— А нельзя, чтобы и вы, и она... нас учили? Вот наш сосед врач работает на полставки...

Учительница и ее дочь от души рассмеялись.

— Ах вы, фантазеры! — учительница утерла слезы и погладила меня по руке. — Молодые должны приходиться на смену старым, таков закон природы, и никуда от него не деться.

Кто-то постучал.

— Пожалуйте! — откликнулась Лили и открыла дверь.

На пороге стоял наш директор Эстатэ Лукич Тархнишвили. Я и Мзия встали.

— А-а, и они здесь? — сказал директор радостно.

Он погладил нас по голове, потом наклонился к больной и поцеловал ее в щеку.

Я уступил директору свой стул.

— Мы дни считаем, ждем вас не дождемся, — сказал директор.

— Об этом я и говорила детям только что, — ответила Тасо Дмитриевна. — В школу я уж не вернусь, дорогой Эстатэ. У вас есть хорошая замена.

— Есть, есть, но вы все равно необходимы нам... Когда вы в учительской, это уже много значит. Вы нам всегда нужны.

— У старого вола и рога пашут, не так ли? — засмеялась Тасо Дмитриевна.

В это время вошел лечащий врач, человек лет пятидесяти. Он был недоумен, что больную навещают столько народу, и мягко упрекнул ее. Тасо Дмитриевна отшутилась. Сам виноват, говорит, не надо было разрешать. Тут дверь снова открылась, и в комнату вошли двое.

— И наш министр пожаловал! — воскликнула Тасо Дмитриевна. — Идите, мальчики, идите! — Тасо Дмитриевна присела на кровати и радостно улыбнулась.

Министр и его товарищ оказались одноклассниками Эстатэ Лукича. Они стали вспоминать школьные годы, счастливую, безоблачную пору детства. Наверное, и мы с Мзией будем так же весело вспоминать наши школьные проделки.

Министр с товарищем вскоре ушли. Мы тоже собрались уходить.

— Вот так всегда... — грустно проговорила Тасо Дмитриевна, — зазвонит звонок, все убегут, а я остаюсь одна.

Директор обнял Мзию и меня. Мы попрощались с больной. Она что-то хотела сказать, но только подняла руку и послала нам воздушный поцелуй.

Когда мы вышли на улицу, уже темнело. Холод щипал лицо, шел редкий снег. На душе у меня было как-то очень светло...

* * *

Снег давно растаял. Земля просохла. В нашем дворе зацвело тлемалевоe дерево. Цветы его напоминали бабочек. Так неожиданно пришла весна, хотя стоял еще февраль.

После уроков я сам пошел в редакцию. Тетя Кето уже редко приходила за мной. Возле редакции я встретил Анзора Меликишвили.

— Хочешь пойти со мной в депо? — спросил он меня, когда мы шли по коридору третьего этажа.

— Хочу! — обрадовался я.

Мы вошли в комнату, я положил портфель на стол тети Кето и не стал снимать пальто.

— Я возьму Титэ в депо, — пояснил Анзор тете Кето.

Но она не отпустила нас, пока мы не пообедали. Потом мы забрали с собой фотокорреспондента Михаила Капанадзе и направились к машине.

Я сел впереди, рядом с дядей Анзором. А Капанадзе со множеством ящиков и аппаратов устроился на заднем сидении. На съемки он обычно тащил с

с собой чуть ли не всю лабораторию и никогда не фотографировал работников редакции. «Я, — говорил он с гордостью, — Капанадзе, фотожурналист, а не фотограф какой-нибудь».

Анзор Меликишвили будет собирать материал для очерка, Михаил Капанадзе — фотографировать. А мне что делать? Осмотрю депо, я ведь там никогда не бывал, и не очень представляю себе, что это такое.

Мы остановили машину возле депо и вошли в просторный двор со множеством электровозов.

Дядя Михаил тут же приступил к работе: он собрал рабочих, что-то объяснял им, нервничая, жонглировал своими аппаратами.

Тем временем Анзор Меликишвили беседовал с каким-то мужчиной, записывая что-то в блокнот. Потом он переговорил еще с несколькими людьми, и его новая записная книжка раздулась, словно чернила прибавили листам толщины.

Мы переходили с рельсов на рельсы, от электровоза к электровозу. Дядя Анзор беседовал то с рабочими, то с машинистом, и все записывал, записывал. Наконец, он спросил о машинисте Вахтанге Гуджабидзе. Сердце мое учащенно забилось, и я сообразил, что Мзии отец именно отсюда, из депо, выводит в рейс свой электровоз. Дежурный диспетчер сказал, что Гуджабидзе будет через час.

— Подождем? — спросил меня дядя Анзор.

— Подождем, — тотчас же ответил я, словно все зависело от моего согласия.

Вахтанг Гуджабидзе пришел ровно через час и сказал, что у него очень мало времени — через каких-то двадцать минут надо выезжать на линию. Он сердечно поздоровался за руку с Анзором и Михаилом, протянул свою большую руку и мне.

— Это тоже корреспондент? — спросил он, улыбаясь.

— Будущий, — пояснил дядя Анзор и тут же добавил: — Одноклассник вашей дочери.

— Не Титэ ли Гоциридзе? — спросил он с нескрываемым любопытством.

— Да, — ответил я и опустил голову.

Машинист потрепал меня по волосам. Потом поговорил с Анзором, а когда настало время фотографироваться, подвел нас к своему электровозу. Дядя Михаил велел машинисту стать на ступени, окинул его критическим взглядом, о чем-то раздумывая, и неожиданно подвел меня к электровозу. «Поднимись, — говорит, — на ступеньки и подай руку машинисту. А вы, уважаемый Вахтанг, чуть наклонитесь и помогайте ему... Вот так! Замечательно!».

Капанадзе несколько раз щелкнул затвором аппарата и восторженно заявил, что это будет самое лучшее его фото. Гуджабидзе вдруг подхватил меня на руки, и я очутился в кабине машиниста. Радости моей не было границ.

«Неприменно стану машинистом, непременно!» — твердил я про себя, словно с такой же горячностью не воображал себя журналистом...

Я жадно осматрел все вокруг и среди множества приборов заметил фотокарточку девочки.

— Узнаешь? — спросил машинист.

Я улыбнулся в ответ. Настало время выводить электровоз из депо, и машинист предложил мне немного покататься. Я с радостью согласился. Электровоз медленно вышел из депо и остановился.

— В другой раз тебя с Мзией повезу дальше. Вот потеплеет только, — с улыбкой сказал машинист и за руку попрощался со мной. — Будь здоров, Титэ.

— Спасибо, дядя Вахтанг, до свидания!

Я спустился по ступенькам электровоза и прыгнул на землю. Машинист еще раз улыбнулся и скрылся в кабине.

Когда наше с отцом Мзии фото появилось в газете, надо было видеть, что творилось в классе! Мери Григорьевна, улыбаясь, посмотрела на меня и спросила:

— Значит, ты решил стать машинистом?

— Я должен стать машинистом, — подтвердил я.

Радости Мзии не было границ: отец и товарищ — в газете!. Ей нравилось, что я хочу стать машинистом, но она не преминула напомнить о прежних моих мечтах — стать печатником, потом редактором. Хитрая девчонка! Верно, из-за этого фото Мери Григорьевна дала нам такое задание:

— Вы видели в газете фотографию Титэ. Он решил стать машинистом. Вот что, ребята, напишите, кем вы хотите стать. Я спрячу то, что вы напишете, и когда вы будете кончать школу, покажу вам. И мы увидим, кто остался верен своей мечте...

В тот вечер тетя Кето дежурила. Дежурил, понятно, и я. Только пришел из школы в редакцию, тотчас же принялся писать домашнее задание. За каких-то полчаса оно было готово. Последние слова в нем были:

«Я до конца останусь верен своей мечте: буду машинистом электровоза и никем больше».

Я закончил готовить уроки, и Анзор Меликишвили взял меня на тренировку. Вдоволь натренировавшись, мы вошли в раздевалку и вдруг услышали какой-то шум. Выбегаем в коридор и видим: четверо мужчин несут на руках вахтера. Он весь синий, глаза закрыты, точно покойник. Мы подумали, что он умер. Дрожь пробрала меня, я так и застыл на месте. Тут в коридоре появился молодой человек в белом халате в сопровождении медсестры, санитары с зеленым ящиком и еще кого-то из служащих Дворца спорта.

Врач быстро вошел в комнату, куда внесли вахтера.

У дверей столпились встревоженные служащие.

Перепуганная Мзия стояла рядом с матерью. Появился Анзор Меликишвили. Он приехал за мной, но, узнав о случившемся, конечно, остался.

Все были очень взволнованы и обступили врача, когда он вышел.

— Опасности уже нет, — с такой гордостью и уверенностью в голосе сказал врач, что как-то сразу на душе полегчало. Ведь совсем недавно врач был взволнован не меньше, чем мы... Я посмотрел ему вслед. Медсестра с санитаром едва попевали за ним, верно, он торопился к очередному больному. И, когда я увидел вахтера живым и непредимым, все мои прежние мечты улетучились как дым. Какое там — машинист электровоза! Врач — это совсем другое! Кто знает, скольким людям он возвращает жизнь!

Всю дорогу мне чудился человек в белом халате.

Когда я пришел в редакцию, тетя Кето была на втором этаже в комнате для дежурных. Мой портфель был на третьем. Я поднялся туда, достал тетрадь и перечел все, о чем так усердно писал недавно. После недолгого раздумья я прибавил к написанному: «А может, я стану врачом. Времени для размышления много, я пока еще только в шестом классе!».

Перевод Лианы ТАТИШВИЛИ

Продолжение следует

Когда кришу павлин

● Роман

ДЕНЬ подходил к концу. Громадные тени темной вуалью легли на покрытые лесом склоны гор, вершины которых еще нежились в лучах заходящего августовского солнца, отливая бирюзой альпийских лугов.

В первозданную тишину природы с мерным рокотом Арагви и тихим шелестом леса иногда грубым диссонансом врывается автомобильный гудок, шелест покрышек или натужное гудение одолевавшего подъем автобуса...

По дороге, то петляющей по склону горы, то спускающейся к самой Арагви, с недозволенной скоростью мчалась «Волга». Водитель, видимо, опьяненный скоростью, гнал машину, напряженно взглядываясь в дорогу.

Он посмотрел на спидометр — стрелка покачивалась у отметки 90 — и тут же резко свернул направо, чуть не столкнувшись со встречной машиной, которая шла по самой середине шоссе.

«Действительно, чего я так тороплюсь», — подумал он и снизил скорость.

Теперь он ехал медленно, даже очень медленно и улыбался, вспоминая что-то радостное...

Вчера была вторая годовщина свадьбы Дато и Лианы, и он, как обещал, поехал к ним в Пасанаури, где на лето они нанимали дачу — маленький однокомнатный домик с садиком.

— Слушай, африканец, — сказал ему перед отъездом на дачу Дато, — ты не был ни на моей свадьбе, ни на первой ее годовщине и теперь должен обязательно приехать!

— Хотя бы потому, что нашего первенца в твою честь мы назвали Гиви! — добавила Лиана.

— Из-за моего тезки можно будет приехать... — засмеялся Гиви.

Когда Гиви отыскал дом и, поставив у обочины машину, вошел в калитку, к нему уже ковылял, протягивая ручки, маленький Гиви.

Бросив на траву коробки с игрушками, Гиви поднял на руки прижавшегося к нему так хорошо пахнувшего маленького человечка.

— Он уже две недели как ходит!.. — гордо сообщила подошедшая Лиана. — Здравствуй, молодец, что приехал!

— Здравствуй!.. А где вождь твоего племени, длиннозубый шакал, почему он не встречает своего бледнолицого брата?

Печатается журнальный вариант.

— Он строит вигвам для старой совы! — Лиана показала на малюсенький, почерневший от времени каменный домик, за которым белела пристройка, ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
из камня, с пустыми проемами на месте двери и окна.

Дато сидел на продольном стропиле крыши и что-то приколачивал, а на приставленной к дому лестнице стояла пожилая женщина, которой снизу маленького роста старичок протягивал доску.

— Дато, Гиви приехал!.. — радостно закричала Лиана.

— Ура!.. Я сию минуту!..

Пока Дато заканчивал приколачивать стропила, Гиви стал распаковывать коробки с игрушками, к великому удовольствию малыша. Лиана, кажется, к неменьшему удовольствию, получила в подарок флакон французских духов.

— Ну как, африканец, здесь прохладнее, чем там у вас? — подошел Дато, и они расцеловались.

— Ты чего это, вместо отдыха надрываешься? — ответил на приветствие Гиви.

— Как-никак — я инженер-строитель... — начал отшучиваться Дато.

— Кому нужен этот альтруизм?.. Ты приехал отдыхать, а не... — Гиви осекся, почувствовав, что говорит с ним как тогда, когда они были мальчишками и он чем-то бывал недоволен.

Но Дато и не собирался обижаться. Он улыбнулся, проводя залепленной смолой ладонью по загорелому лбу, а по его мощному обнаженному торсу текли струйки пота.

— Видишь ли... это не альтруизм, а самый что ни есть настоящий эгоизм. Да, да!.. Хозяев подвели плотники, дом не перекрыт, и им приходится спать с нами в одной комнате... что очень неудобно. Вот подведу крышу, и мы свободно вздохнем.

— Конечно, еще как вздохнете!.. — в тон ему сказал Гиви, а затем не выдержал и засмеялся.

— Не выгоним же мы их из собственного дома... — начала Лиана, но, увидев, что Дато лукаво подмигивает ей, покраснела и опустила глаза.

— Я пошел на Арагви купаться. Хочешь, идем со мной, а Лиана за это время все приготовит?

— Давай, Да, вот и тебе подарок... — Гиви протянул Дато коробочку с авторучкой «Паркер».

— Спасибо!.. — Дато стал рассматривать ручку.

— Сейчас я вам дам полотенца. Дато, не ходи туда, где люди, неудобно, ты такой грязный... И не суй ручку в карман, а дай мне ее сюда.

— Да, дорогая.

Лиана смотрела, как направлялись через огород к калитке, выходящей на самый берег Арагви, широкоплечий, длинноногий Гиви и плотный, достигающий ему до плеча Дато.

Когда они вернулись, маленький Гиви таскал на веревочке пустую консервную банку, а его новые заводные игрушки были аккуратно сложены под деревом.

— Если б я знал... — притворился обиженным Гиви, — то привез бы ему столько пустых консервных банок!..

Эти два дня Гиви был соучастником большого счастья своих друзей. Так же как они, он умилялся всему, что делал маленький Гиви, выслушивал лекции Лианы о питании детей, разглагольствованию Дато о воспитании... и вконец подавленный этим безмерным, забывающим все остальное счастьем, не выдержали и удрал, хотя мог уехать и на другой день утром.

«Оказывается, чужое счастье так же утомляет, как и чужое несчастье, — подумал Гиви и тут же укорил себя: — Какое же это чужое, когда они самые близкие мне люди?».

У перекрестка дороги на Душети, где обычно много народа, стояли только старушка с маленькой девочкой. Они как-то застенчиво подняли руки и опустили их до того, как Гиви до них доехал.

Гиви заметил, что у девочки перевязана щека. Может быть, это и заставило его остановиться.

— В город?

— Да, генацвале, в город.

— Садитесь.

По дороге старушка начала рассказывать ему о том, как ее внучка в подражание отцу решила побриться и порезала себе щеку.

— У меня уже зажило... А потом, и мужчины тоже режутся, когда бреются! — отпарировала девочка.

— Ух ты чертовка!.. А то, что дерешься с мальчишками и лазишь в чужие огороды?.. Если так будешь продолжать, то не пойдешь в школу! — резюмировала старушка, видно, давно начатый между ними спор.

— Ну да?! Ты хочешь, чтоб я была таким же неучем, как ты?..

Вместо ответа бабушки Гиви услышал звук подзатыльника.
Довольно долго длившееся молчание нарушил голос старушки.

— А у вас сколько детей? — спросила она Гиви.

— Я не женат.

— Извините, а сколько вам лет?

— Двадцать восемь, — Гиви пожалел, что взял их в машину.

— Ох, ох, ох!.. А такой красивый, здоровый, как дэв... и умный! — почувствовала ему старуха.

— Ну, этого вы уже не можете знать, умный я или нет!

Конечно, умный, — таким же наставительным тоном, как со внучкой, сказала старуха, — иначе не имели бы такой большой машины!

— А если б я имел автобус? — спросил Гиви.

— Автобусы все государственные! — сухо ответила не понявшая шутки старушка.

Разговор, видно, был окончен, судя по тому, как старуха забилась в самый угол сидения.

«Машина, — подумал Гиви... — а ведь скоро мне придется от нее отказаться, когда начну готовиться к этой операции... За какие-то доли секунды, в момент, когда сжимается сердце, прошить кетгутом обе стороны раны и сделать узел. В этом нет ничего невозможного... Ведь делали это другие, спасая людей от неминуемой смерти.

И тот юноша не умер бы, если б я тогда умел делать этот шов!.. Он смотрел на меня с такой надеждой, а я?! Нет, никогда не забуду его глаза, даже после смерти продолжавшие с надеждой смотреть на меня... Да, да... все в нем уже было мертво, кроме надежды... потому что она бессмертна!..

А может быть, я не обладаю нужными настоящему хирургу качествами?.. Пересживаю смерть каждого пациента как личную трагедию...»

Гиви закурил сигарету и, немного успокоившись, стал вспоминать о тех операциях, когда он умудрялся вернуть людям жизнь, здоровье.

А какая была жара, когда с Сахары дул сирокко... горячий, словно из духовки, и термометр показывал 51 градус в тени... И никогда не покидающая тоска по родине!..

Нет, было и хорошее и в Тизи-Узу, и в Буареридже... В особенности люди... то уважение, с которым они относились к нему... Как старались учиться всему новому оставшие от всего за сто с лишним лет колонизации люди... потомки одних из первых в мире астрономов, математиков и философов...

А когда он вернулся на родину с тайной надеждой, что в его жизни обязательно должно произойти что-то хорошее... первое, что он узнал, причинило ему колоссальную боль. Леван, его закадычный друг, на всю жизнь был прикован к постели.

Ему писали в Алжир, что Леван попал в автомобильную катастрофу, но все окончилось благополучно... и он поверил. Вот только то, что не было писем от самого Левана, немного беспокоило его... но Леван не очень любил писать письма...

Теперь Леван был в Москве, в больнице у знаменитого профессора. Узнав о происшедшем с Леваном, Гиви немедленно собрался лететь в Москву, откуда он только что прилетел, но его отговорили — Левана со дня на день должны были привезти домой. И вот уже две недели он ждал.

Машина уже въезжала в село Натахтари. Босоногие мальчишки лезли чуть ли не под самые колеса, протягивая связки нанизанных на прутики рыбин, а на обочине дороги чинно сидели девочки, держа перед собой ведра, полные фруктов.

Затем была прямая дорога, и Гиви прибавил скорость.

— Бабушка, ну, бабушка, проснись!.. Ну проснись, бабушка!.. — услышал Гиви шепот девочки.

— Чего тебе?

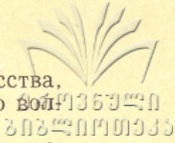
— Я хочу пи-пи...

— Вот чертовка... — тоже перешла на шепот бабушка, — потерпи, мы уже почти приехали...

— Не могу!..

Гиви приметил кусты за канавкой и остановил около них машину.

— Подышим немного свежим воздухом, — сказал он, а затем расхохотался, увидев, как девочка, перескочив через канавку и еще не дойдя до кустов, торопливо спускала штанишки.

Эка пыталась сосредоточиться, всецело уйти в тот мир большого искусства, о котором она должна была говорить в своем сегодняшнем выступлении, но внимание мешало ей.

Нахмутив тонко очерченные брови, Эка стала просматривать отметки, поставленные против фамилии каждого художника. Отметки были лаконичными, некоторые подчеркнуты один или два раза. Она не признавала, когда докладчики читали с листа, считая, что это если и позволительно в других отраслях, то в искусстве — просто творческая несостоятельность докладчика.

Надо будет говорить с подъемом, вялая речь убивает даже самую интересную тему... но почему так дрожит кончик листа, который я держу в руке? Я же прекрасно знаю, как все произойдет — сперва выступит председательствующий, один из секретарей Союза писателей, и, сказав несколько слов о значении импрессионизма в мировой культуре, весьма вероятно, добавит от себя еще что-нибудь, это уже будет зависеть от знания им данного предмета, а потом закончит: «Слово предоставляется докладчику кандидату искусствоведения Эке Муджири». Она не торопясь встанет, пройдет...

Завонил телефон, Эка поднялась из-за своего письменного стола и прошла в столовую.

Звонила мать, она спрашивала, пришел ли отец, сказала, что задерживается у парикмахера и чтоб Эка не ждала шофера, а брала такси.

Опять придет с какой-нибудь замысловатой прической, добродушно улыбнулась Эка, как и в детстве считая мать самой красивой... А потом подошла к большому зеркалу в коридоре и посмотрела на себя.

Элегантная простота ее полумальчишеской стрижки, английского покроя костюма из белого джерси и модных французских туфелек вполне заслуживали ту благожелательную улыбку, которой она одарила свое отображение в зеркале.

Довольная и немного успокоенная, Эка вернулась к своему столу.

Разумеется, говорить о любом из импрессионистов можно весь вечер, следовательно, о каждом только самое характерное. Начну с Дега, Моне, Писсаро и Сислея...

Нет, получается какой-то ученический список зубрили! Да... но ведь это только ее рабочая схема... затем Ренуар.., не надо забывать о постимпрессионизме Гогена, Ван Гога и Сезанна. Закончу Сёра и Тулуз-Лотреком, о котором хотелось бы сказать побольше, но нельзя из-за его двух женщин в картине «Кровать», которые так не нравятся примитивам и ханжам... да и ей самой эта картина не очень...

В столовой заработал пылесос, и его мощное жужжание вытеснило из головы все мысли.

— Маро!.. Маро, останови пылесос!.. — закричала Эка, но старуха-няня не слышала.

Эка прошла в столовую.

— Маро, мне мешает шум пылесоса!..

— Подожди, за полчаса кончу! — Маро деловито оглядела громадный синтетический ковер, покрывающий весь пол гостиной. — И кто выдумал такие ковры?!

— Ну прошу тебя, Маро!..

Маро выключила пылесос, подошла к окну и стала смотреть через улицу в зоопарк, что делала всегда, когда была обижена.

Эка вернулась к себе и своим мыслям.

Итак, я расскажу о том, как и под влиянием чего сформировались их художественные принципы, расскажу об их личной жизни, полной колоссального труда, борьбы с жестокой нуждой, неприязню непонимающих, внутренней борьбы с самими собой!.. И еще о безмерной амбиции... трагических срывах и разочарованиях... о помешательстве...

Интересно, мама поехала к парикмахеру, чтоб пощеголять на моем докладе, или она куда-то приглашена?

Закончу я перешагнувшим какие-то внутренние границы экспрессионизмом немцев...

— Господи, молю тебя, чтоб не пришел Гурам!.. Он потом непременно скажет, что я сделала очень хороший статистический отчет, или тому подобную колкость.

В прошлый раз он сказал мне, что настоящему искусствоведе, кроме знания предмета, нужно еще и творческое «сопереживание», умение чувствовать каждый мазок художника, словно выстрадал его сам. Как он умеет одним словом убивать все порывы?

А когда я начала описывать ему атмосферу того времени, он перебил меня, сказав, что об импрессионистах написаны сотни книг, тысячи очерков и статей, не считая монографий и писем... Сомневается, смогу ли я сказать что-либо новое...

В столовой задребезжали, собираясь отбивать время, старинные настенные часы. Они были единственным наследством «аристократической» матери, а также единственным вещественным доказательством поражения отца, который их терпеть не мог, считая, что эта «архаика» портит весь ансамбль их обставленной современной мебелью квартиры.

Часы наконец начали мелким двойным перезвоном отбивать четверти. Первую четверть Эка прослушала спокойно, на второй начала волноваться, а когда пробила третья, она уже захопывала за собой входную дверь.

«Ничего, за пятнадцать минут успею, лишь бы было такси», — сбегая по лестнице, подбодрила себя Эка.

Подъезд был почти напротив перехода, а за ним, правее, стоянка такси. Размахивая своим маленьким портфельчиком, Эка с риском для жизни пересекла ленту мчащихся машин.

На стоянке не было ни такси, ни ожидающих, а заметив ее издали, шел к ней профессор Биадзе. Он дал ей одну получасовую консультацию перед защитой диссертации, а теперь при каждой встрече получал за это оплату натурой — надолго задерживал ее руку в своей.

Профессор был уже совсем близко и в предвкушении приятного «тет а тет» облизывал языком свои толстые красные губы сладострастника.

— Извините, я тороплюсь!.. Такси! Такси!..

Такси, минуя стоянку, объехало стоявший автобус и остановилось перед ним.

Открыв дверцу, из машины собиралась выскочить юркая девчушка с перевязанной щекой, но старуха в черном крепко держала ее одной рукой за подол юбочки, а другой протягивала шоферу деньги.

Таксист категорически отказался от денег, старуха горячо поблагодарила его, и они сошли, опасливо оглядываясь по сторонам.

«Наверное, родственники или знакомые», — подумала Эка и села в машину, сильно захлопнув за собой дверцу.

— Улица Мачабели, — назвала адрес Эка и, чтоб таксист под каким-либо предлогом не отказался, строго и деловито добавила: — Союз писателей, пожалуйста!

Таксист обернулся, осмотрел ее с головы до ног, затем кивнул головой в знак того, что понял, и машина тронулась.

«Что за нахальство, так рассматривать клиентов, — возмутилась про себя Эка. — Считает себя красавчиком и думает, что ему все дозволено?! А действительно, какая у него красивая посадка головы... и безупречный профиль.... Боже мой... а я все-таки прежде всего женщина!..» Укором своей слабости промелькнуло у Эки, но тут же, в оправдание, память воскресила перед ней письмо... королевы Франции...

Королева писала одной из своих близких подруг о том, как, выйдя из кареты и направляясь в окружении своей свиты к собору, по пути раздавая подающие слепым, калекам и старикам, она увидела, как один обросший, в грязных отрепьях нищий с вождением посмотрел на нее и как она почувствовала себя перед ним слабой женщиной!..

Машина остановилась у Союза писателей. Водитель, повернувшись и положив руку на спинку сидения, опять настойчиво смотрел на нее, что было уже настоящим нахальством.

— Пожалуйста! — Эка протянула рублевку. — Сдачи не надо.

— Этого мало! — улыбнулся нахальный шофер.

— Как это мало? — возмутилась Эка, тщето стараясь найти, где находится счетчик. — А почему у вас нет счетчика?..

— Извините, мадемуазель, но я не из тех людей, которые живут по счетчику!..

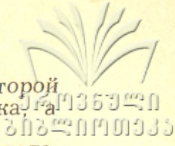
— Почему?.. — произвольно вырвалось у Эки, хотя она уже догадалась, что села не в такси.

Надо было что-то сказать в свое оправдание, но она не находила слов.

— Я свободен? — нарушил молчание мужчина.

— Извините!.. Я вас... то есть вашу машину приняла за такси... Извините, пожалуйста!.. Большое спасибо!.. — И, как из горящего дома, Эка выскочила из машины.

— Пожалуйста, — донеслось ей вслед.

Гиви еще довольно долго смотрел на мраморную лестницу, по которой только что вспорхнула красивая, чем-то отличающаяся от других девушка, а затем тронул машину.

Когда, сопровождаемая маститым писателем Эка вошла в зал и увидела столько народу она даже немного испугалась.

Вечер начался, как Эка предполагала, и после вступительного слова явно слабо знающего изобразительное искусство председателя она вышла на трибуну.

Как все неопытные докладчики, Эка вначале обращалась только к одному слушателю, сидевшему в первом ряду лупоглазому толстяку. Потом заинтересованная тишина зала подбодрила ее, и она стала обращаться и к другим, иногда сопровождая выразительным жестом особенно значительные моменты своего доклада.

Когда же лупоглазый толстяк из первого ряда несколько раз зевнул, а затем встал и на цыпочках вышел из зала, то она не обратила на это никакого внимания.

Все шло как нельзя лучше, когда внезапно Эка запнулась, два раза повторила одну и ту же фразу и совсем остановилась, ища что-то в своих записках.

А причиной всего этого был сидящий в заднем ряду у самых дверей молодой человек, который привез ее на своей машине.

На целую голову возвышаясь над сидящими рядом с ним, он не сводил с Эки своих серых глаз, совершенно не предполагая, как в этот момент она ненавидела его.

Большим усилием воли Эка взяла себя в руки, и все стало на свое место. Эка закончила свой доклад, ни разу не посмотрев в сторону того молодого человека.

— Может быть, будут какие-либо вопросы? — закончив, обратилась Эка к аудитории.

Вопросов в сущности не было, если не считать заданных одним молодым человеком, на которые он сам же и ответил, чтоб показать свою эрудицию.

Председатель поблагодарила докладчицу от имени присутствующих, которые поаплодировали, и Эка, усталая, с чувством скинутого с плеч груза, направилась к выходу.

В холле с ней заговорили некоторые из любителей французского искусства, а она смотрела на ожидающего поодаль «таксиста» и нарочно не торопилась. Потом ей почему-то стало жаль его.

В вестибюле Гиви подошел к ней.

— Извините... — смущенно начал он, — разрешите мне тоже задать вам один вопрос?

— Я вас слушаю.

— Вы позволите с вами познакомиться большому почитателю импрессионистов?

Эка опешила, но он так обаятельно улыбался, ожидая ее ответа, что она, засмеявшись, протянула ему руку.

Они шли по внезапно опустевшей улице, непринужденно беседуя о разных пустяках, словно давнишние знакомые.

— Значит, я заставила вас не только подвезти меня, но и выслушать скучнейший доклад.

— И одно и другое мне доставило большое удовольствие!..

«Начались дешевые комплименты», — немного разочарованно подумала Эка, но тут же насторожилась после сказанного им:

— Наши думали, что я приеду завтра утром, и пошли куда-то, а я не люблю сидеть дома один.

— Значит, это от скуки вы оказались на моем докладе?

— Да... и нет.

Это уже совсем не походило на комплимент. У стоянки автобуса Эка стала прощаться:

— Спасибо, больше не беспокойтесь, я поеду на автобусе.

— А если мы немного пройдемся?.. Я бы хотел высказать вам кое-какие соображения.

— Насчет моего...

— Да.

Эка согласилась, оправдываясь тем, что лучше узнает человека, который ей определенно нравился.. и разочаруется в нем, что ей было просто необходимо.

Непроизвольно подняв левую руку, Эка посмотрела на старинное колечко с небольшим бриллиантом, подарок Гурама. Но маленькие синенькие молнии, отразившие свет уличного фонаря, на этот раз не произвели на нее никакого впечатления.

3141355-11
303000000000

— А «ваши» не имеют права уходить в гости без супружеского разрешения? — задала казуистический вопрос Эка.

— Нет, что вы... Это мои дядя и тетя.

— А родители ваши, наверное, в районе?

— У меня их нет... — как-то по-детски насупившись, ответил он.

Они шли по проспекту Руставели. Мимо них проходили парочки, какой-то худой старичок прогуливал на ремешке жирную, едва передвигавшую ноги собачку. На пьедестале рядом стояли стройный высокий Акакий и такого же роста, кажущийся несоответственно громадным и тучным Илья.

Вероятно, они одновременно подумали об одном и том же, потому что переглянулись и иронически улыбнулись, не сказав ни слова.

— Ну, какие у вас соображения? — спросила Эка.

— Только я попрошу понять меня правильно...

— Постараюсь.

— Я принимаю, что искусство не рождается так сразу, спонтанно, на пустом месте, благодаря какому-то высшему наитию. Искусство социально, оно отражает свою эпоху, мировоззрение автора...

— Да, если говорить о настоящем искусстве.

— И совершенно правомочно, когда докладчик говорит об эпохе и о социальном строе, оказывающих влияние на художника. А не думаете ли вы, что все это намного сложнее и что надо с колоссальным тактом и осторожностью распределять всех по категориям, то есть рядить в униформу?

— Но униформа-то не одна!

— Униформа всегда остается униформой!..

— А иначе как дать понять людям душевное состояние творца? Ведь если не говорить категориями, то значит ничего не говорить!

— А я не отказываюсь от категорий! Но им надо дать простор, такой же колоссальный простор, как само искусство! Вот, например, лучшим произведением о французской революции была «Республика на баррикаде» Делакруа...

— Да, конечно.

— А ведь Делакруа был ярым монархистом, антиреспубликанцем!.. Как вы объясните это, только его громадным талантом?

— Нет!

— А как?..

— Мне надо подумать...

Они уже спускались по улице Ленина, молчаливые, казалось, такие далекие друг от друга.

— Я думаю, — наконец сказала Эка, — что, когда Делакруа рисовал «Республику»... он был настоящим республиканцем. В самых тайниках своей души!.. А его политическое кредо, все это наносное, благодаря среде, воспитанию...

Гиви рассмеялся, но, увидев, как она с укором посмотрела на него, полусушью спросил:

— А вы знаете, почему я засмеялся?.. — Ответа не последовало, и теперь уже он серьезно продолжил: — Ваша мысль безусловно правильна!.. Только... только опять это распределение по полочкам, это желание нарядить Делакруа в униформу «настоящего республиканца». Для чего это?.. Да, да, я так же думаю, как и вы, с единственной разницей в этой классификации. Великий художник не мог быть нечестным — это удел всех великих людей!..

— Всех?

— Да, всех!.. Когда Делакруа увидел на баррикадах простую французскую девушку, то величественная красота ее порыва так подействовала на него, что он не мог не излить своих чувств!.. Чувств, которые уже не подчинялись его кредо.

— А ведь с Делакруа произошло то же самое, что и с Бальзаком, который считал себя ярим монархистом, а в своих книгах беспощадно громил монархию.

Продолжение следует

ПОИСКИ ГЕРОЯ

ОДНИМ из первых Н. С. Тихонов ввел в русскую литературу героя из инонациональной среды, делая его часто центральным персонажем своих произведений. Тихонов никогда не перегружал своих героев экзотическими украшениями местного происхождения, изображал их просто, сдержанно, с большим тактом сохраняя за ними право на национальную специфику и одновременно придавая им черты, которые рисовали их современниками и участниками эпохи социалистических преобразований, при этом изображал их в процессе развития, в процессе становления. Таковы, например, образы из «грузинских» произведений Тихонова Иоржи из «Клятвы в тумане» и Симона из «Симон-большевик», которые явились несомненной и значительной победой писателя, еще одной преодоленной ступенью на пути постижения новых творческих принципов реалистического письма. Впервые в его прозаической практике характер и сознание главного героя были так тесно и непосредственно увязаны с бытом, природой, социально-экономическими условиями жизни, формирующими и объясняющими умственное и духовное своеобразие его.

Образ Иоржи — качественно новый, свежий образ не только в творчестве

Тихонова, но и во всей русской литературе.

Сильная физически, краснощекая, непривлекательная для мужчин, равнодушная к своей внешности, к своему неуспеху, занятая тяжелым для девушки и весьма прозаическим трудом тихоновская героиня несет в себе заряд скрытой, быть может, не вполне осознанной полемики с писателями XIX века, с их традиционным образом горянки, с их очаровательными черкешенками и грузинками, легкими и стройными как тополя, печальными и пугливыми, как лани.

Иоржи — женщина земная, воспитанная в условиях трудного быта и суровой природы Сванетии, которые несомненно наложили свой отпечаток на ее решительный, жестковатый в своей прямоте, чистоте и правде характер.

Мастерски изображенный быт, верно найденная интонация, нарочито упрощенная, находятся в удивительном соответствии с первозданностью мироощущения сванов и служат своеобразным активным средством раскрытия и разъяснения внутреннего мира героев.

Мачуб, закоптелое и мрачное жилище сванов, интересует Тихонова не сам по себе, не как находка для этнографа, а как каменный мешок, в котором долгие зимы томились люди, как некая дан-

ность, объясняющая многое в характере сванов, в их манере мыслить, чувствовать, жить.

Легко прочтываются в рассказе нерасщепленность эмоций, максимализм и суровость нравов, культ вещей, трепетное, преувеличенно бережное отношение к предметам, немногочисленным и в силу того столь значительным, укрупненным множеством смыслов.

Именно из этого своеобразия мышления горцев исходит Тихонов, изображая процесс пробуждения сознания в своей героине через верно и тонко найденную деталь: в доме комсомольцев внимание Иоржи привлекают в первую очередь вещи — реальные и изображенные на картинках. Пристально вглядывается она в предметы, увиденные впервые; перегревшая электрическая лампочка, металлическая птица, дом на четырех колесах — все это рождает в ней острый интерес к новому миру; интерес этот влечет уверенность в том, что «вещи, нарисованные на картинках, существуют в действительности», и как естественное следствие из этой уверенности возникает в ней желание во что бы то ни стало добраться до них.

Образ героини был дан писателем не раз и навсегда заданным, а подвижным, в процессе формирования.

Иоржи проходит в повести сложный и трудный путь развития: от смутной нелюбви к «однообразной и невещественной земле», от безотчетной неприязни к окружающему миру она приходит к резкому и решительному отрицанию того, что воспитало ее. И хотя груз пережитков и суеверий довлеет еще над сознанием Иоржи, тяга к новому, неизвестному, к тому, что настойчиво поступалось и проникло уже в глухую страну, перевешивает, и она уверенно начинает свой путь из Сванетии в Москву, который символизирует, очевидно, приобщение молодого поколения Сванетии к социалистической действительности.

В исследовательской и критической литературе в свое время было высказано немало сомнений по поводу психологического правдоподобия и художественной убедительности ухода Иоржи в Москву.

Мы разделяем точку зрения тех исследователей, которые не видят в уходе ее в Москву, олицетворяющую для нее весь большой, не знакомый, но манящий мир, ничего неестественного, и считаем, что мысль об уходе зрела в ней долго, прежде чем вылилась в дерзкое решение выбраться оттуда, откуда, казалось, «не было выхода».

Вспомним, с каким девственно жадным вниманием, словно зачарованная, слушала Иоржи рассказы свана Гиго, когда он впервые появился в их доме.

Гиго увлеченно рассказывал об удивительных вещах и удивительном неизвестном мире, который простирался за «стеной непроходимых снегов». Его живой, неумный интерес к тому, что делалось за пределами ее родного глухого угла, и стал, быть может, толчком к сильному, доверчивому чувству, которое властно захватило эту своенравную, упрямо-самодовольную девушку, и он же обусловил тот смелый, резкий поворот в ее судьбе, который в то далекое время был равен героическому подвигу.

Или другой, столь же важный и значительный эпизод в скудной событийности жизни Иоржи — ее знакомство с русскими комсомольцами и с их женами Тamarой и Марией, в доме которых она пропадала каждую свободную минуту. Интерес к их быту, к их жизни целиком захватил ее. «Похудевшая, забывавшая умываться, забывавшая есть и пить, сидела иногда Иоржи в комсомольском доме перед картинками, и каждая картинка была больше ее маленькой жизни» (т. III, с. 348).

А личное горе Иоржи, убийство любимого ею Гиго, усугубившее ее отчуждение от окружающего ее мира?! Все это делает понятным, обоснованным и мотивированным ее уход в Москву. Устремленность в новый мир, отчужденность от родного окружения и личное горе стали предпосылками неожиданной перестройки ее сознания.

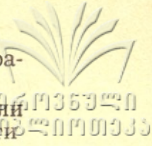
Слабо мотивированной, вернее, художественно не вполне объясненной и доказанной казалась некоторым критикам и «неудовлетворенность» Иоржи своей жизнью.

«Люди жили, — читаем в повести Н. Тихонова, — размеренной и сложной жизнью земледельцев-горцев, удрученных мелкими заботами первобытного хозяйства. И Иоржи не любила их» (т. III, с. 339). Эта выдержка из текста, действительно, недостаточно объясняет отчуждение Иоржи от «родного ей, единственно ей знакомого быта».

Скудность и узорность предметного мира, сумрачный быт и сумрачные люди, удрученные мелкими заботами первобытного хозяйства, могут, разумеется, вызвать чувство неудовлетворенности и трагическое ощущение своей обреченности в крае вечных снегов.

Однако такие чувства и ощущения естественнее и органичнее могут возникнуть или в человеке, воспитанном в условиях цивилизованного мира, или же в человеке, одаренном от природы исключительной требовательностью, устремленностью в будущее, необычным мышлением и необычным видением, отличающим его от всех.

Но тихоновская Иоржи «была обыкновенной», ничем заметно не отличалась

от других и впечатлениями была не очень избалована.

Однако внешне ничем не приметная, Иоржи несла в себе большой запас душевных сил, внутреннюю подвижность и гибкость, которые и выделяли ее из среды сородичей.

Рожденная и воспитанная в устаревших сванских обычаях и традициях, она внутренне им сопротивлялась, не отдавая в том себе отчета, чувствовала и понимала не в унисон со своими соплеменниками. Это прочитывается во многих эпизодах повести, но вполне достаточно будет напомнить, как молчаливо и решительно сопротивлялась она древнему обычаю своих предков, который вынуждал ее к замужеству за нелюбимого и чужого ей человека; как естественно и просто тянулась она к своему счастью с Гиго, без колебаний переступая через вековые моральные запреты, оказавшиеся слишком узкими для ее широкой, безудержной природы.

Если учесть эту и многие другие детали, данные Тихоновым «без нажима» и поэтому не очень броские, то прояснится сложный рисунок характера Иоржи.

Однако для получения абсолютно четкого изображения этого рисунка необходимо подробнее остановиться на конкретике Иоржи—Семен Гарселиани.

О силе и страстности, о скрытом от посторонних глаз темпераменте Иоржи должна свидетельствовать, очевидно, жестокая расправа, которую она чинит над убийцей своего возлюбленного Гиго — Семеном Гарселиани.

Обычно этот акт суровой мести расценивается критиками и исследователями творчества Н. С. Тихонова всего лишь как акт кровничества, как последняя дань Иоржи тем нравам, которые были воспитаны в ней условиями жизни в родовом строе и от которых, естественно, она не могла быть совершенно свободна.

Однако трудно поверить в такое объяснение. Ведь тогда поступок ее избличает в ней традиционное окостеневшее сознание, с которым трудно сочетается ее дерзкая устремленность к новой жизни. Или она, находясь во власти древних законов и обычаев, совершает кровную месть, или, преодолев в себе пережитки, восстает против власти все тех же древних законов и обычаев и пешком уходит в Москву.

Психологически и художественно трудно доказуемо, чтобы оба поступка могло совершить одно лицо.

Остается предположить, что Иоржи совершает убийство С. Гарселиани не столько в силу закона кровной мести, сколько в силу исключительности своей психологии, своего характера, мужест-

венного и одержимого в горести и страсти.

Мнение наше подтверждается, если вспомнить, что закон кровной мести в «бесправной» Сванетии был единственной возможностью регулировать правовые нормы поведения местного населения и, оговоренный множеством неписанных требований, фактически исключал возможность вмешательства женщины в родовые распри.

Женщина, взявшая на себя роль мстителя и действовавшая от имени всего рода, тем самым наносила глубокое оскорбление мужчинам своего племени, потому что это было равносильно признанию их слабости и неполноценности. Женщины Сванетии свято чтит этот неписанный закон мужского преимуществва в кровомщении и не преступали его.

Несмотря на то, что Гиго приходился Иоржи дальним родственником, расправа над Гарселиани была скорее мстостью за убийство любимого человека и не означала кровной мести, хотя сама могла и должна была стать поводом к новой вспышке родовой вражды, которая принимала часто вид нескончаемой цепной реакции.

С одной стороны, убийство это выглядит страшнее, не освященное традиционным правом мстить не столько за себя, сколько за весь обиженный род, за родовые интересы.

С другой стороны, отсутствие этого мощного инстинктивного стимула вынуждает искать иное объяснение ее поступку и приводит нас к более верному выводу. В поступке Иоржи следует видеть не только и не столько проявление родовых инстинктов и пережитков, сколько проявление удивительных сил резкой и определенной природы, яркой и сильной индивидуальности, безудержной в любви, в страдании, в своих решениях и стремлениях.

Со страниц повести встает перед нами во весь свой рост женщина с сильным, по-мужски решительным, бескомпромиссным характером, и не вызывает уже никаких сомнений и недоумений ее критически-взыскательное отношение к сородичам, ее неудовлетворенность «однообразным и неестественным» бытом и ее неожиданно смелое решение покинуть родную страну, как естественное следствие естественной ломки ее сознания.

Думается, что внезапный «перелом» в сознании и судьбе Иоржи, кроме того, что он художественно подкреплён и обоснован целым рядом удачно найденных деталей, в какой-то мере может быть объяснен еще спецификой мало-го жанра, которая предполагает и таит в себе возможность стремительного,

скачкообразного перевоплощения героев.

Образ Иоржи говорит о том, что поиски Тихонова шли интенсивно и по верному пути, однако были далеки от завершения, поскольку еще не все возможности реалистического метода раскрытия характера были использованы писателем полностью.

В следующем «кавказском» произведении — рассказе «Симон-большевик» Тихонов продолжит поиски средств характеристики своих персонажей уже в ином направлении. Предельно выразительная речь героя станет почти единственным средством познания его внутреннего мира.

Повествование здесь ведется от лица главного героя, который занят не столько рассказом о себе, сколько о славных делах советских людей, осуществляющих строительство гидроэлектростанции на Куре в Земо-Авчала, в числе других строек, предумотренных ленинским планом электрификации СССР.

К теме построения плотины на Куре Тихонов возвращался несколько раз, как бы ища наиболее верную, соответствующую специфике самой темы форму.

Еще в поэме «Дорога» и в очерке «ЗАГЭС и около...», созданных в 1925 году, он одним из первых поэтически запечатлел вдохновенный труд строителей плотины, который наблюдал во время своего первого путешествия по Грузии.

Однако Тихонов не был удовлетворен, не считал тему полностью и целиком исчерпанной, поскольку одна глава небольшой по объему лирической поэмы не могла вместить в себя такую масштабную тему, и писатель не избегал в ней некоторой недосказанности и фрагментарности; жанр очерка хотя и диктовал, с одной стороны, форму более обстоятельного, развернутого рассказа, с другой стороны, несомненно, сковывал возможности автора, вынуждал к плоскостному, а не объемному изображению людей и событий. А между тем богатейший материал просился в еще более широкое художественное полотно, и запас старых знаний и наблюдений, по-новому осмысленный Тихоновым в 30-е годы, стал отливаться в форму рассказа.

Развернутая панорама праздничного труда, которую он изобразил в нем, давала представление не только о том, что происходило на конкретном, хоть и очень ответственном участке строительного фронта, в ней проглядывалось в перспективе то, что волновало тогда не только всю Грузию, но и все молодое Советское государство.

Приверженность Тихонова теме ЗАГЭСа объясняется и тем, что она, как нам кажется, отражала настрой и тематическую направленность литературы

тех лет, в свою очередь, обусловленные строительным порывом, охватившим тогда всю страну.

Однако необходимо отметить, что тема героического социалистического строительства, оставаясь в 30-е годы одной из актуальнейших, все более углублялась, раскрывала все новые возможности, новые грани, тающиеся в ней.

В годы окончательной победы социализма в Советской стране, когда личность, поверив в свои силы и возможности, открывалась массе, в центре внимания писателей как отражение и следствие этого жизненного явления оказался человек, творец и создатель нового мира, причем вместо условно-литературного, абстрагированного, безымянного героя все чаще стал появляться в литературе конкретно-реалистический герой, который все прочнее утверждался на земле, все органичнее вписывался в действительность.

Вот почему тема ЗАГЭСа, т. е. тема героического социалистического создания, претерпевает значительную трансформацию в художественной трактовке Тихонова, превращаясь из повествования о стройке в повествование о Человеке на стройке, Человеке, сознание и характер которого выковывались в борьбе с невероятными трудностями нравственного, психологического, социально-экономического порядка, сопровождающими процесс рождения нового мира.

В поэме «Дорога» Тихонов рассказывал о величайшей стройке, ничего не сказав о самих строителях, — единственное «живое» лицо, которое мелькает на стройке, — это литературная реминисценция, сошедший со страниц лермонтовского «Мцыри» послушник, сбжавший из монастыря на стройку.

Очерк Тихонова уже тесно населен людьми. В нем уже намечено новое русло темы ЗАГЭС и оценено значение той благотворной перемены, которая совершалась в строителях под давлением здоровой, трудовой атмосферы, царившей на стройке. Однако человеческие фигуры вычерчены в нем все еще очень условно. Люди не имеют имен, индивидуального характера, неповторимого лица. Это скорее символы, призванные изобразить мощь и энтузиазм восставшего к труду советского народа.

В рассказе «Симон-большевик», изображая картину построения плотины, Тихонов нашел наиболее созвучный времени ракурс, выдвинул на первый план тему рождения нового человека, героя будней, укрупнив образ не только чисто внешне (ведь психологический портрет героя занял чуть ли не всю ткань повествования), но укрупнив его идейный смысл и значение, его масштаб, ду-

ховный и нравственный облик и, что не менее важно, добившись весьма значительной победы во внешне-художественном его оформлении.

Симон — один из обаятельных героев тихоновской прозы, в котором удивительно слились приподнятость с обыденностью, яркость с неброскостью, любовь к жизни с готовностью к самопожертвованию, стойкость и сила характера с человеческой мягкостью и душевностью.

Многое роднит Симона с ранним лирическим героем Тихонова времен стихов «Из походной тетради», «Орды» и «Браги». Та же душевная щедрость, душевная распахнутость навстречу миру, те же гражданская тревога и беспокойство за судьбы человечества, способность мировые конфликты и коллизии века превращать в основу сугубо лирических переживаний.

Однако при всей близости Симона с героем ранних произведений он, удачно найденный герой современности, воплощает вдобавок черты человека того поколения строителей новой жизни, которое к 30-м годам могло похвастать цельным и стройным мировосприятием, правильным пониманием исторических процессов, противоречий, сложностей и перспектив века.

Образ Симона, так же как и образ Иоржи, усложнен тем, что он дан не завершенным, а в процессе постепенного выявления его человеческих возможностей.

Облик Симона пленяет в начале рассказа своей непосредственностью, искренностью. В нем нет еще того огня, который так восхитил его в Георгии Цаголове, молодом, но уже закаленном и опытным большевике. «Глаза его шире смотрели, — говорит Симон о Георгии, — а я, как ястреб, прицурялся, оглядывался... Я тогда думать совсем не мог, просто коня хлестал и бежал, не оглядываясь» (т. III, с. 409).

Очень верно подметил Симон разницу между собой и Цаголовым. Они оба юны, смелы, решительны, но Симону не хватает умудренности, нацеленности, широты взгляда. Однако Симон «очень много думал, как это жить надо», и способность размышлять, задумываться над проблемами жизни, умение верно и трезво оценивать свои и чужие возможности стали залогом его стремительного роста. Он участвует в революции, затем в гражданской войне, он записывается в партию «Кермен», которая «за народ Осетию стояла», и, «воюя день и ночь», Симон овладевает политграмотой, рабочими навыками, поступает на курсы, учится специальности, работает техником на Гизельдонстрое, пока не завоевывает право сказать о себе с гордостью, что

стал он «уже совсем другой человек» (т. III, с. 429).

Легко прослеживаются в рассказе о нем, которые преодолевает в процессе своего возмужания и становления Чанчахов. Когда он вместе с Георгием Цаголовым кидается бесстрашно в ледяную горную реку, спасая жизнь Деболе и Уасилу, «много удивляясь» при этом мужеству Цаголова, обходя молчанием себя; когда Симон, рискуя прослыть трусом, отказывается от схватки с кровником, потому что разум подсказывает ему нелепость и неуместность кровничества в годы, когда решается судьба всего народа; когда он, растеряв слова от волнения, требует принять меры по спасению Цаголова и сам отправляется в опасный путь в Верхнюю Осетию, чтобы выволить его из плена любыми средствами; наконец, когда он трудится самозабвенно на стройке в Земо-Авчала, как на великом празднике, — Симон ступенька за ступенькой растет, удивляя читателя все новыми и новыми возможностями, помимо сугубо личных, присущих ему от рождения достоинств, выявляя черты и качества, ставшие обязательными для человека послереволюционного времени: чувство советского патриотизма, интернационализма, трудовой энтузиазм, хозяйственную заинтересованность всем, что происходит в его необъятной стране, способность мечтать и претворять в жизнь мечту.

К концу рассказа Симон уже не просто обаятельный в своей отваге и непосредственности юноша, интуитивно потянувшийся в лагерь большевиков, но умудренный опытом революционной борьбы и социалистического строительства боец, грозный и беспощадный враг всяческой контрреволюции, много повидавший, испытывавший и передумавший на своем веку.

«...Уже сознательно дальше двигаться по дороге» (т. III,) — говорит о себе Симон, и можно быть совершенно уверенным, что он не свернет уже с этой дороги и на ней завершит, если не завершил уже, становление свое как положительного и характерного представителя своего времени.

Добиваясь иллюзии полной реальности героя, Тихонов использует самые действенные средства — его слово и дело. И мы слышим речь героя и наблюдаем его в действии, во взаимоотношениях с другими характерами и в результате восстанавливаем полный объемный образ, без труда представляя себе интеллектуальный, нравственный и даже внешний облик его, хотя о внешнем виде героя в рассказе не сказано ни слова. Более того, вы представляете даже мимику, жесты, позу, характерные движения говорящего, хотя речь его не

сопровождается никакими ремарками, помогающими острее воспринимать слова, не только слышать, но и видеть их. И секрет успеха, очевидно, заключается в том, что Тихонов владел тайной построения художественной фразы, понимал, что форма ее должна быть обусловлена национальным и индивидуальным своеобразием, внутренним душевным состоянием рассказчика: что «выбор слов и расстановка их» должны быть «адекватны жесту».

«И если вы, писатель, почувствовали, предугадали жест персонажа... вслед за угаданным вами жестом последует та единственная фраза, с той именно расстановкой слов, с тем именно выбором слов, с той именно ритмикой, которые соответствуют жесту вашего персонажа, т. е. его душевному состоянию в данный момент»¹, — так определяет А. Толстой принцип построения художественной фразы.

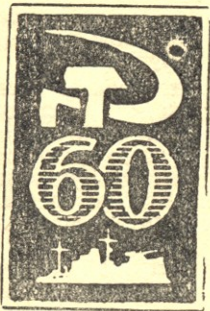
¹ А. Толстой. К молодым писателям. Матв. собр. соч., т. 13, М., 1949, с. 413.

«Расстановка слов» в рассказах Н. Тихонова всегда выразительна, предельно лаконична и многосмысленна, из нее всегда прорывается определенная интонация, определенный жест и настроение рассказчика, позволяющие видеть и ощутить своеобразие его характера.

Однако чувство меры, такта и вкус нигде не изменили писателю, и спустя год после неудачи с романом «Война» Тихонов блестяще решил проблему воссоздания естественной и выразительной речи иноязычного персонажа, на базе языкового материала построив один из самых живых образов своей прозы.

Рассказы «Клятва в тумане» и «Симон-большевик», возникшие на грузинском материале, свидетельствовали о том, что Тихонов продолжал поиски наиболее органичной художественной формы, новых идейно-тематических аспектов, нового героя. Поиски эти все больше приближали его к принципам реалистической прозы.

Интерес. Признание. Резонанс.

Грузинская советская литература в зарубежной критике

ГРУЗИНСКАЯ советская литература заняла немаловажное место в сфере духовных интересов зарубежных читателей, переводчиков, критиков, стремящихся глубже осмыслить исторические судьбы нашего народа, те реальные перемены, которые произошли за годы Советской власти в жизни республики, ее сегодняшний день.

Следует подчеркнуть: главным каналом, с помощью которого грузинские произведения проникают за рубежи и завоевывают все более широкое признание иностранных читателей, является русский язык. В то же время в последние годы нередок непосредственный перевод с грузинского языка.

Разумеется, грузинская советская литература не сразу и не одновременно расширила географию признания ее высоких идейно-художественных достоинств. К примеру, когда в 1956 году был издан французский перевод романа К. Лордкипанидзе «Заря Колхиды», Жорж Лесеркль выразил удивление в связи с тем, что «до сегодняшнего дня французский читатель ничего не знает о современной грузинской литературе», которая «присоединяет свои снопы к богатому урожаю советской литературы».

В настоящее время произведения грузинских писателей опубликованы на многих языках, на разных континентах. Интерес прогрессивных кругов к советской духовной культуре в целом обусловил и их интерес к современной грузинской литературе. Ведь, по справедливым словам венгерского критика Иштвана Гурски, «Симон Чиковани, Георгий Леонидзе, Ираклий и Григол Абашидзе и другие представляют собой органическую часть всей советской поэзии».

Об интересе иностранных читателей к грузинской советской литературе свидетельствуют многочисленные отклики и рецензии, опубликованные за рубежом. В одной статье, разумеется, невозможно осветить всю эту печатную продукцию. Поэтому постараемся уделить внимание лишь наиболее характерным из них.

Прежде всего следует отметить, что зарубежные специалисты, давая высокую оценку грузинской советской литературе, подчеркивают ее преемственность, неразрывную связь с многовековыми национальными традициями. Бель-

Материалы для этой статьи любезно предоставили нам Г. Батишвили, М. Библишвили, А. Какулия, Г. Лежава, С. Турнава, М. Тушмалишвили, Н. Убилава, А. Хотивари и Д. Челидзе, за что авторы приносят им искреннюю благодарность.

Английский литератор Андро Клод отмечает: «Советская Грузия имеет прекрасную плеяду писателей, которые продолжают очень древние традиции грузинской литературы». Об этом же говорят поэт Леопольд Левин, критики Адольф Эндлер, Роберт Пейн, Режи Бержерон, Селахатин Хилави, и другие.

Многие зарубежные специалисты не ограничиваются выставлением писателям тех или иных «баллов», а вовлекают читателя в рассуждения о специфических особенностях грузинской советской литературы, о сложном пути ее становления и развития. Говоря это, мы имеем в виду прежде всего очерк из книги выдающегося французского писателя и общественного деятеля Луи Арагона «Советские литературы» (Париж, 1956), в котором делается интересная попытка решения ряда общих вопросов и проблем, связанных с грузинской литературой.

В своем очерке Л. Арагон отмечал, что Грузия является страной поэтов, что здесь поэзия живет с незапамятных времен. Это мнение разделяют многие зарубежные литераторы, подчеркивая в то же время, что на развитие многовековой грузинской поэзии исключительное воздействие оказала Великая Октябрьская социалистическая революция. Поэзия, справедливо считает турецкий критик Селахатин Хилави, всегда играла значительную роль в духовной и социальной жизни Грузии. В борьбе за сохранение национальной самобытности грузины опирались на свою поэзию. Советская деятельность придала грузинской поэзии новое дыхание. Поэты обрели новые темы, у них появились новые настроения, мысли и чувства.

Когда мы говорим о грузинской советской поэзии, то в первую очередь называем имя великого Галактиона Табидзе, восторженно встретившего громкие раскаты Октября и воспевшего в стихах начало новой эры в истории человечества. Г. Табидзе был изумительным лириком, подлинным новатором грузинского стиха. Его поэзия обладает сложной художественной тканью, выражающей яркую гамму человеческих чувств и переживаний. И хотя Г. Табидзе относится к числу труднопереводимых поэтов, его творчество вызвало большой интерес в Англии, Германии, Франции, Бельгии, Турции, в странах народной демократии и т. д.

Анализируя стихотворения Г. Табидзе, иностранные критики отмечают, что неиссякаемым источником его вдохновения была советская жизнь, что он «воспевал, — по словам С. Хилави, — величие перелома в жизни родного народа». Как подчеркивает западногерманский профессор Герхард Деетерс, Г. Табидзе не раздумывая перешел на сторону Советской власти. Его исключительно оригинальные, полные драматического пафоса стихотворения и поэмы откликались на существенные и текущие требования действительности, отражали эпохальные явления в жизни советских людей.

Зарубежные критики отмечают, что великие преобразования в жизни грузинского народа не только стали главной темой творчества Г. Табидзе, но и оказали решающее влияние на само это творчество. «Мейерс нойес лексикон», в частности, отмечает, что в ранних произведениях Г. Табидзе был близок к символизму, но затем, под влиянием происходящих в стране больших социальных сдвигов, стал новатором стиха, призывал к защите дела революции.

Но значение Г. Табидзе, как уже отмечалось, заключалось не только в этом. Новое время, советская эпоха изменили не только содержание его поэзии, но и внесли в нее широту и гибкость формы. И зарубежные критики не прошли мимо этого. Отметим они также эмоциональную насыщенность стихотворений Г. Табидзе, их музыкальность, большое лирическое разнообразие, сложность композиции и т. д. Как отмечает профессор Гайнц Феенрих, неповторимая ритмика и лексика в творениях Г. Табидзе соседствует с глубоким содержанием.

«Гениальность Галактиона вне всякого сомнения, — писал английский критик и переводчик Дональд Рейфельд. — Бесспорно также, что он великолепно сумел слить настроения и поэтические средства русского символизма с грузинской гиперболой, силой и чувством... Из грузинских поэтов Галактион самый музыкальный... Каждое его великолепное стихотворение содержит новый, гипнозирующий ритм и очаровательную звукопись. Это очень осложняет работу переводчика».

Высокую культуру поэтической речи Г. Табидзе, его исключительную оригинальность и самобытность отмечал и Адольф Эндлер. По его мнению, сила поэтического видения Г. Табидзе такова, что делает перевод его поэзии или совершенно невозможным, или очень трудным, ибо стихотворения Г. Табидзе характеризуются совершенно новой внутренней организацией и скрытой рифмой. Поэтому «читатель, наделенный большим воображением, может обнаружить в стихотворениях Галактиона ту музыкальность, которая сродни гениальным творениям Бетховена и Моцарта, Вагнера и Верди, Шопена и Паганини, кстати

весьма часто упоминаемых в стихотворениях поэта. Галактион Табидзе был наделен абсолютным слухом и поэтому мог обращаться с языком так же свободно, как композитор обращается со звуками».

И хотя по причине столь часто отмечаемой труднопереводимости стихов Г. Табидзе многие стороны его многогранной лирики остались неизвестными зарубежным читателям и критикам, это отнюдь не помешало им увидеть общечеловеческое значение наследия грузинского поэта — столь богата и значительна оказалась его идейно-художественная палитра вообще. По мнению Г. Феенриха, «поэзия Г. Табидзе является не только органической частью грузинской литературы и свидетельствует о ее художественной зрелости, но относится к лучшим образцам мировой литературы».

Хорошо известны зарубежному читателю и произведения других представителей старшего поколения грузинских советских поэтов — Т. Табидзе, П. Яшвили, Г. Леонидзе, С. Чиковани, И. Гришашвили и других.

По мнению иностранных критиков, одним из талантливых представителей этого созвездия грузинских поэтов был Тициан Табидзе, чьи блистательные стихотворения характеризуются предельной искренностью и эмоциональной насыщенностью, глубоким внутренним драматизмом. По мнению Д. Рейфелда, самым многосторонним и обаятельным из «голубороговцев» является Т. Табидзе, который, отказавшись после установления Советской власти в Грузии от символистической и декадентской манеры, предстал перед читателем в качестве тонкого и самобытного лирика.

Зарубежные критики, как уже отмечалось, справедливо указывают на огромное влияние, которое оказал Великий Октябрь на творчество того поколения грузинских поэтов, литературная деятельность которых начиналась до революции. По словам С. Хилави, именно революция открыла новые страницы в творчестве Т. Табидзе, П. Яшвили, И. Гришашвили и др.

На многих языках мира звучит сегодня неповторимый поэтический голос Георгия Леонидзе, чье творчество привлекло и привлекает внимание зарубежных критиков, которые дают высокую оценку не только его замечательным лирическим стихотворениям, но и эпическим творениям. «Произведения одного из крупнейших мастеров грузинской поэзии Г. Леонидзе «Самгори», «Портохала» и «Бершоула», — пишет С. Хилави, — являются замечательными образцами грузинской эпики».

В то же время некоторые зарубежные специалисты указывают на международное значение творчества выдающегося грузинского поэта. «Тематика, форма, языковая раскованность Георгия Леонидзе являются великим образцом для венгерских поэтов», — писал Ласло Кардош.

К числу тех поэтов, которыми по праву гордится грузинская советская литература, принадлежит Симон Чиковани, чье творчество отличается необыкновенной пластичностью художественного изображения, красочностью поэтической палитры вообще.

С. Чиковани давно уже полюбился многонациональному читателю. Он переведен на многие языки мира, снискал высокую оценку иностранной критики. В своей статье, предпосланной сборнику стихотворений С. Чиковани (Берлин, 1970), Эльке Эрб, к примеру, подчеркивает, что судьба поэта является характерной для старшего поколения представителей грузинской советской литературы. Он рос вместе с Советской страной, с народом. Поэтому перемены, происходившие в жизни страны, были переменами в его поэтической биографии. Э. Эрб отмечает, что С. Чиковани попытался восстановить в своем творчестве органическую связь с лучшими поэтами прошлого столетия. Однако лирика С. Чиковани является прежде всего выражением «сложных чувств современного человека», так как он был поэтом современности. В то же время С. Чиковани удивительно емко, весьма своеобразно воспринимал историю. Поэт ясно и ошутимо видел те непрерывные нити, которые связывают прошлое с настоящим.

Современная грузинская поэзия, по мнению венгерской переводчицы Евы Ланарт, привлекает внимание зарубежных читателей своей самобытностью, насыщенностью социалистическими идеями. Она располагает высокими формами и средствами выражения, отображает проблемы эпохи и внутренний мир современного человека.

Эту поэзию создают коллективными усилиями многие ее представители, каждый из которых обладает своим неповторимым, оригинальным голосом, вносит свой вклад в ее развитие. «Известный поэт Симон Чиковани, — пишет С. Хилави, — достиг особенных успехов в эпических произведениях на историческую тематику. Алио Мирцхулава читатель полюбил за патриотические и лирические стихи, а для поэзии Карло Каладзе характерна описательная манера... Годы Великой Отечественной войны были ознаменованы в грузинской поэзии приходом Иосифа Нонешвили и Реваза Маргиани. Сейчас эти поэты

стоят в авангарде современной грузинской поэзии, обогащая ее своим ярким самобытным талантом».

Венгерский литератор Дьердь Радо, касаясь творчества Г. Леонидзе, Г. Абашидзе, Х. Берулава, М. Мачавариани, М. Квливидзе, М. Поцхишвили, пишет, что их стихотворения даже сегодня характеризуются почти неизменными национальными чертами — ярким патриотизмом, культом героя и гостеприимства.

Действительно, грузинская советская поэзия никогда не изменяла самобытным национальным традициям. Социалистическая по содержанию, она осталась национальной по форме, оригинальной по своему мастерству. Все это в полной мере можно отнести к творчеству такого замечательного мастера, как Ираклий Абашидзе, поэзия которого обладает большой эмоциональной силой, богатством и многогранностью. Значительным явлением советской поэзии последних лет стали такие крупные философские произведения И. Абашидзе, как «По следам Руставели» и «Палестина, Палестина...». Переведенные на болгарский, польский, английский, французский, немецкий, турецкий и другие языки, они были высоко оценены зарубежной критикой. «Весьма своеобразной фигурой, — пишет, в частности, С. Хилави, — является Ираклий Абашидзе, творчество которого отличается богатством поэтических красок. В годы второй мировой войны он создал ряд стихотворений, отражающих отношение народа к этой войне, а произведения «По следам Руставели» и «Палестина, Палестина...» являются значительными достижениями современной грузинской поэзии».

Более развернутую оценку поэзии И. Абашидзе дал профессор Калистрат Салиа в статье «Грузинская литература» («Ревю картвелоложи»), где заостряется внимание на многогранности творчества И. Абашидзе. По словам К. Салиа, оно характеризуется тематическим разнообразием. И. Абашидзе смело вводит в грузинскую поэзию нового героя, героя-строителя и солдата Советской Грузии. Особо останавливается критик на таких произведениях, как «Баллада спасения», «Капитан Бухаидзе» и других.

К. Салиа справедливо отмечает, что И. Абашидзе относится к числу поэтов, обладающих острым чувством историзма, стремлением понять время в его безостановочном движении, в постоянной смене прошлого настоящим и настоящего будущим. «Как известно, — пишет критик, — неотъемлемой частью грузинского пейзажа являются исторические памятники. Однако поэт не ограничивается лишь историческим аспектом, он создает очень интересную, яркую и убедительную картину прошлого и настоящего Грузии. Например, «Камзи Дманиси», «Наверно, мечтают» являются поэтическими шедеврами Ираклия Абашидзе».

Особое внимание критика привлекает цикл стихотворений «Палестина, Палестина...». «Подлинный любитель поэзии, — пишет К. Салиа, — не может остаться равнодушным к этим поэтическим, шедеврам И. Абашидзе. Это — исповедь поэта, гражданина и мудреца, голос которого дошел до читателя из глубин веков».

В заключение К. Салиа отмечает, что И. Абашидзе является большим мастером живого поэтического диалога. Его поэзия, добавляет К. Салиа, отличается кристальной чистотой и изысканностью стиля.

К числу выдающихся представителей современной советской литературы относится Григол Абашидзе, с успехом выступающий во многих жанрах. Его лирика, по мнению иностранной критики, характеризуется четко выраженной индивидуальностью, собственным стилем, собственной манерой письма. Поэзия Г. Абашидзе присущее глубокое понимание проблем нашей современности, умение образно реализовать злободневные темы и творческие замыслы в ярких по форме и содержанию стихотворениях. Его поэтической музе неизменно сопутствуют глубокое знание богатейшего исторического прошлого грузинского народа и умение видеть глазом большого художника его славный сегодняшний день. Будучи в гуще народной жизни, Г. Абашидзе сумел отобразить в своей поэзии те великие перемены, которые произошли на древней грузинской земле. По словам бельгийского критика А. Клода, «Григол Абашидзе является Верхарном этих гигантских перемен и радикального преобразования древней Колхиды... Его произведения рисуют победу советского народа над немецкой армией у порога Кавказа. Примечателен его цикл «На южной границе» (1949), являющийся гимном грузинскому народу, гордющемуся своим прошлым и уверенному в будущем».

Поэзия Г. Абашидзе сыграла немаловажную роль в развитии грузинской советской литературы. Достаточно сказать, что поэт уверенно продолжил, казалось бы, прерванную традицию поэтического эпоса. И это, в частности, отметили зарубежные критики. К примеру, С. Хилави писал, что Г. Абашидзе «придал права гражданственности в современной грузинской поэзии эпосе, представив этот жанр в совершенно обновленном виде».

Почти в одно и то же время с Ираклием и Григолом Абашидзе выступил в грузинской литературе Александр Гомиашвили — великолепный знаток грузинского фольклора, последователь творческих традиций великого Важа Пшавела. Читатели на Западе с интересом встретили его произведения, особенно мужественные баллады и сюжетные лиро-эпические стихотворения. Шведский переводчик Олаф Лагеркрант, касаясь «Невесты Хеви» (Стокгольм, 1962), справедливо отмечал, что поэзия А. Гомиашвили представляет собой очень интересное, самобытное явление, что особое внимание читателя привлекают его баллады, наполненные необычными, сочными красками, что грузинский поэт мастерски создает не только великолепные пейзажи Хеви (горный район в Грузии), но и яркие, темпераментные, живые характеры героев.

Следует отметить, что, анализируя современную грузинскую поэзию, зарубежные критики нередко выделяют в ней какую-то чрезвычайно близкую для себя тему, отвечающую их видению мира, присущему им мироощущению. Так, например, люксембургской писательнице Розмари Кифер особо импонирует восприятие природы в творчестве Анны Каландадзе, которое отмечено тончайшим лиризмом, предельно естественной интонацией, глубоким миром человеческих чувств и переживаний. «Поэзия Анны Каландадзе, — пишет Р. Кифер, — проникнута любовью к родине. Она отмечена печатью того сильного возбуждения, которое на нее оказывает природа, ее красота. В результате пребывания поэтессы во многих странах ее мироощущение наполнилось бесконечными впечатлениями, нашедшими воплощение в стихотворениях. Нежные чувства, питаемые поэтессой к природе, сопровождаются еле заметным меланхолическим звучанием».

С интересом встречены за рубежом стихотворения таких замечательных представителей старшего и среднего поколения грузинских поэтов, как А. Абашиели, С. Шаншиашвили, С. Эули, В. Гаприндашвили, К. Надирадзе, Ш. Абхаидзе, А. Мирцхулава, К. Каладзе, Л. Асатиани, И. Нонешвили, Р. Маргиани, Х. Берулава, О. Челидзе, М. Лебанидзе, А. Шенгелия, Т. Джангулашвили, Л. Сулаберидзе, Ф. Халваши и другие. Их отдельные стихотворения опубликованы в Болгарии, Польше, Германии, Югославии, Монголии, Чехословакии, Англии, Франции, Аргентине, Бразилии и других странах. Не обйдены указанные выше поэты и зарубежной критикой. К примеру, Гайнц Мудрих отмечает высокое лирическое дарование Отара Челидзе, Фридона Халваши и Мориса Поцхишвили. Особый интерес критика привлекает О. Челидзе, творчество которого характеризуется новизной восприятия жизни, острым ощущением противоречий современного мира, многоплановостью и интенсивностью образов, часто построенных на сложных ассоциациях, свободной манерой письма, новыми ритмами и композиционными приемами. Именно поэтому Г. Мудрих высоко оценивает «лирическое дарование О. Челидзе, его великолепное поэтическое мастерство».

В 50-е гг., когда наметились новые тенденции в грузинской поэзии, в литературу пришло новое поколение талантливых лириков — Ш. Нишнианидзе, Д. Чарквиани, М. Поцхишвили, М. Мачавариани, Н. Киласония, Н. Гурешидзе, О. и Т. Чиладзе, А. Гецадзе, М. Кахидзе, Т. Чантурия, М. Квливидзе и другие.

Их поэтический голос, их творчество прозвучали, дошли до читателя потому, что представители этого поколения грузинских поэтов сумели донести в своем видении мир далекого и недавнего прошлого, сумели найти в сегодняшнем, казалось бы, счастливым, беззаботном и солнечном дне тот драматизм, без которого не существует творчества, борьбы и становления духа.

Глубоко профессиональную оценку некоторым представителям этого поколения грузинских поэтов сумел дать Вацлав Черни в послесловии к сборнику, в который вошли произведения Т. Чиладзе, О. Чиладзе, М. Мачавариани, Т. Чантурия и Ш. Нишнианидзе (Прага, 1965).

В начале своего послесловия В. Черни выразил сожаление, что в сборник не попали такие замечательные поэты, как Джансуг Чарквиани и Анна Каландадзе, чье творчество развивается в едином потоке с современной чешской поэзией. Говоря о творчестве поэтов, включенных в сборник, В. Черни отметил, что оно глубоко отображает жизнь, ее реальные сложности, характеризуется разнообразными художественными формами отображения действительности. В их поэзии, с одной стороны, усугубляется философское осмысление всего, что происходит в современном мире; с другой же стороны, усиливается роль «личностного», лирического начала, заметен отказ от риторики и декларативности, ярче проявляется их творческая индивидуальность. Особенно ценно то, что именно на эту индивидуальность В. Черни обратил главное внимание. Тамаз Чиладзе, по его мнению, очень своеобразный поэт. «Богаты его метафоры и рифмы, интересна его тематическая дифференциация. Он художник большого мировоззренческого диапазона. Тамаз Чиладзе остается вер-

ним нужной человечеству как воздух проблематике своих стихотворений и в прозе. Можно сказать, — добавляет В. Черни, — что его поэзия дополняет прозу, и наоборот».

В ином творческом ключе работает Отар Чиладзе. По мнению специалиста, он постоянно склонен к философскому мирозерцанию, к импровизации в очень легких формах, к исключительному музыкальному звучанию. Художественная концепция поэта неотделима от мифологии и сказочных сюжетов. Однако главное заключается в том, что О. Чиладзе «наполнил грузинскую поэзию мыслями, которые до него никто не высказывал и которые представили в новом свете не только грузин, но и чехов».

В Мухране Мачавариани автора послесловия привлекает прежде всего его «великолепное мастерство». По словам В. Черни, поэт удачно совмещает на одной странице монументальность с целомудрием древнего поэтического языка, а на другой — выражает многозначительность фактов, ситуационную силу разговорной речи. В некоторых стихотворениях М. Мачавариани широко представлены архаические образы, что вынуждает переводчика обратиться к лексикону древнегреческого дуализма и аористических слов.

Совершенно иначе, по мнению В. Черни, поступает Таризл Чантурия, который создает некоторую символическую систему, а затем, видоизменяя ее, представляет в поэтическом пространстве украшенной мощным и выразительным словом. Преодолевая противоречия, решая сложные вопросы, Т. Чантурия этим путем создает единый цикл произведений.

Что же касается Шота Нишнианидзе, то в основе каждого его стихотворения лежит классический прием построения произведения. Создавая символическую цепь, поэт возвышает отдельные детали до символического звучания и создает из них систему. Можно сказать, добавляет В. Черни, что если приемы Т. Чантурия индуктивны, то Ш. Нишнианидзе предлагает нам художественные выводы.

Таковы, по мнению В. Черни, индивидуальные особенности названных выше поэтов, которые, как подчеркивается неоднократно в послесловии, очень близки чешскому читателю.

Эта близость проявляется по-разному. К примеру, как отмечает Милош Криво, Морис Поцхишвили близок словесному читателю не только как «один из лучших представителей современной грузинской поэзии», не только как художник, отличающийся высокой культурой стиха, чье творчество нередко требует от читателя активного сопереживания, напряженной работы мысли, чьи стихотворения полны современными удивительными образами, тесно переплетены с традициями народного творчества, но и как большой друг Словакии, автор стихотворений, посвященных Братиславе и жизни словацкого народа, как прекрасный переводчик произведений словацких поэтов.

Следует отметить, что благородную роль грузинских поэтов в деле ознакомления родного читателя с лучшими произведениями иностранных авторов высоко ценят многие зарубежные критики и специалисты.

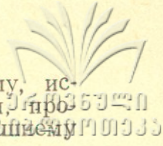
Пристальный интерес зарубежной критики вызвали и лучшие образцы грузинской советской беллетристики. Если, говоря о поэзии, критики в основном ограничивались общей оценкой того или иного художника, определяли его своеобразие, место и значение в целом, то крупные эпические произведения прозаического жанра дали им возможность обратиться к их специальному, конкретному анализу.

На Западе хорошо известны имена крупнейших грузинских прозаиков. К примеру, в своем послесловии к сборнику «Грузинские писатели новейшего времени» (Цюрих, 1970) Рут Нойком дала высокую оценку творчеству Н. Лордкипанидзе, М. Джавахишвили, К. Гамсахурдиа, Ш. Дадияни, С. Квдиашвили, Л. Готуа и другим, чьи произведения изданы на многих зарубежных языках.

Об этом же интересе свидетельствует и изданный в Будапеште в 1974 году сборник «Десять грузинских прозаиков», в который вошли лучшие образцы творчества, а также биографии К. Гамсахурдиа, К. Лордкипанидзе, Г. Абашидзе, Г. Чиковани, Н. Думбадзе, А. Сулакаури, Э. Кипиани, Р. Инанишвили, Т. Чиладзе, В. Сихарулидзе, получившие высокую оценку.

Интерес иностранных критиков к современной грузинской беллетристике, разумеется, не случаен. Объясняя этот интерес, они выделяют два основных фактора, характерных для грузинской современной прозы: продолжение многовековых славных традиций, с одной стороны, и новое идейно-художественное качество — с другой. «В нашу эпоху в новой Грузии, — пишет «Леттр Франсез», — роман занял достойное место. Он сохранил грузинские национальные качества и приобрел новое социальное содержание».

Лучшие зарубежные критики далеки от тенденциозно-узкого отбора образцов грузинской советской беллетристики. Их интересует все ее тематиче-

ское многообразие: произведения, посвященные историческому прошлому, историко-революционной тематике, сложным и величественным процессам, происходившим в нашей республике за годы Советской власти, ее сегодняшнему дню.

Как известно, грузинский народ имеет многовековую и славную историю, которая вызвала широкий интерес прогрессивного зарубежного читателя. Одним из тех, кто достиг наибольших художественных достижений в историческом жанре, является крупнейший советский писатель Константин Гамсахурдиа, чьи произведения переведены на многие языки мира. Собственная манера, оригинальный стиль художественного письма ярко проявились уже в первом его историческом романе «Десница великого мастера», отразившего жизнь Грузии на рубеже X—XI столетий. Это эпическое произведение вызвало большой интерес не только в нашей многонациональной стране, но и за рубежом. Роман К. Гамсахурдиа был издан на многих иностранных языках, в том числе дважды во Франции. Но и этого оказалось недостаточно. В течение всего 1958 года «Юманите» печатала иллюстрированное изложение романа. В 1957 году, еще до выхода в свет первого издания «Десницы великого мастера», «Юманите» опубликовала большой отрывок из романа, предпослав ему введение, в котором, в частности, говорилось: «Не дождавшись выхода в свет романа, наши читатели смогут составить себе мнение об этом произведении, в котором доблестные люди Грузии становятся близкими французам».

После выхода в свет произведения К. Гамсахурдиа французская пресса широко прокомментировала его. По мнению Режи Бержерона, роман Гамсахурдиа является большим эпическим полотном. Это тем более примечательно, что эпичности избегают многие современные большие писатели. Эту эпичность, пишет критик, оказывается, сохранили те страны, с которыми французы только начинают знакомиться.

Характерно, что во многом аналогичную оценку дали произведению К. Гамсахурдиа и другие критики, ставившие «Десницу великого мастера» рядом с романами Вальтера Скотта, «Саламбо» Густава Флобера и называвшие произведение К. Гамсахурдиа «воскресшей легендой», «широкой историко-романтической фреской». По мнению журнала «Месидор», «Десницу великого мастера» нельзя считать только романом. Это произведение относится к числу лучших исследований, но в то же время это многокрасочная хроника, одновременно реалистическая и лирическая поэма о далеком прошлом грузинского народа.

Французская печать отмечала, что главным в романе К. Гамсахурдиа является не великолепное воспроизведение исторических реалий, а гуманная идея любви к народу, ярко выраженная социальная концепция. Известного французского писателя и критика Андре Вюрмсера, к примеру, особенно привлекли в этом «большом эпическом полотне» «глубоко аргументированные противоречия между архитектором и царем», а бельгийский журнал «Трибюн де Женев» — конфликт между Арсакидзе и Фарсаманом. «Один из них бескорыстный патриот, другой беспринципный оппортунист», — подчеркивал журнал.

Западная печать справедливо отмечала, что в романе К. Гамсахурдиа историческое прошлое неразрывно связано с современностью, что романист уделяет основное внимание народу и его лучшим представителям. «За материалом книги, — читаем в статье, опубликованной в газете «У. Ф. И.», — вы видите стремление автора нарисовать живую картину главных черт истории Грузии. Не случайно автор в центр романа ставит личность Арсакидзе, а не царя Георгия. Раб Арсакидзе, благодаря своему гению возведенный в ранг государственного зодчего, создал шедевр, в который вложил всю свою любовь к людям и искусству».

Именно то обстоятельство, что К. Гамсахурдиа в своем историческом романе выдвинул на первый план представителя простого народа, отмечается многими рецензентами и критиками. Так, например, переводчица «Десницы великого мастера» на немецкий язык Гертруда Печ считает, что многие мотивы делают это произведение близким инонациональному читателю, но главное заключается в том, что К. Гамсахурдиа выдвинул на передний план проблему гуманистической ответственности человека.

В статьях А. Александра «Мцхетский кафедрал», Э. Феттера «История и легенда на берегу Арагви», Г. Печ «Грузинский вклад в современную мировую литературу» дается не только высокая оценка роману К. Гамсахурдиа, но и говорится о том, что это произведение давно уже переросло национальные рамки и стало выдающимся фактом современной мировой литературы.

Истинно художественное произведение не может не служить благородному делу сближения народов, усилению их взаимного уважения и симпатии. Как отмечают иностранные специалисты, «Десница великого мастера» служит именно этому делу. Обращаясь к К. Гамсахурдиа, Г. Печ писала: «...Сегодня,

когда грузинский и немецкий народы стремятся к тому, чтобы еще более углубить свою дружбу на основе обмена культурными ценностями и научными открытиями, нас вдохновляет ваш пример». Об этом же говорили переводчи- ки «Десницы великого мастера» на бенгальский язык, писатели Шукрия и Шубхамой Гхosh, которые, прочитав роман К. Гамсахурдиа на английском языке и пленившись им, решили побывать в Грузии, чтобы непосредственно познакомиться с ее культурой, историей, с жизнью ее народа. «Наши две великие страны — Советский Союз и Индия, — писали они, — уже сближаются с помощью культурных контактов: мы начинаем знакомство с Грузией посредством ее литературы».

Результатом таких контактов явился перевод «Десницы великого мастера» на языки хинди, урду, на бенгальский и другие языки.

В разделе, посвященном поэзии, мы отметили, что Григор Абашидзе с успехом выступает во многих литературных жанрах. К их числу относится и историческая беллетристика. Глубокое восприятие историзма никогда не было чуждо писателю, и в новом жанре этот опыт сразу же дал о себе знать. Замечательные исторические романы Г. Абашидзе «Лашарела», «Долгая ночь» и недавно завершённый «Цотне, или падение и возвышение Грузии» наглядно подтверждают это, так как являются итогом многолетних исканий автора.

Романы Г. Абашидзе относятся к числу значительных явлений современной исторической беллетристики вообще. И это справедливо отмечают зарубежные критики. Так, например, в предисловии к польскому изданию «Долгой ночи» (Варшава, 1975) читаем: «Г. Абашидзе является одним из значительнейших грузинских писателей. В «Долгой ночи» автор переносит читателя в трудную эпоху истории Грузии. Бесконечные нашествия монголов и хорезмийцев опустошили цветущую Грузию, задержали культурное развитие страны. Автор воспроизводит политический, экономический и социальный трагизм тогдашней Грузии».

Зарубежные критики отмечают, что Г. Абашидзе правильно решает важнейшую проблему соотношения современности и истории, что в его произведениях нет «проекции современности» в прошлое, но нет и равнодушного, объективистски бесстрастного воспроизведения исторической действительности.

Большое внимание зарубежных читателей привлекли и произведения грузинских авторов, созданных на историко-революционную тему. И тут прежде всего следует упомянуть роман крупнейшего советского писателя Лео Киачели «Таризл Голау», который Жан Руар назвал «шедевром». Это произведение давно уже перепахнуло национальные границы. В своем романе Л. Киачели ярко и убедительно воссоздал картины самоотверженной борьбы грузинского крестьянства в период революции 1905 — 1907 гг., воспел романтику революционного подвига, создал монументальный образ Таризла Голау, олицетворяющего народ в пору революционных бурь и потрясений, отобразил целую эпоху в жизни грузинской деревни.

Именно так оценивает «Таризла Голау» Р. Бержерон на страницах «Юманите». Критик справедливо отмечает типичность картин, ситуаций, характеров, воссозданных писателем и являющихся точным отражением конкретно-исторических событий и реально действующих лиц. «Произведение Л. Киачели, — читаем в статье, — написано с трудно достигаемой непосредственностью, искренностью. Это — мудрость, сельская простота, гармония, сдержанность... Но сказанное отнюдь не значит, что в этом произведении, в этой кавказской «героике» не хватает эмоций, драмы... Киачели предстает... как пламенный и в то же время сдержанный писатель. Автор любит своего героя, являющегося символом народа. Этот старик, несмотря на многие страдания, до конца остается степенным и мудрым человеком. Он становится во главе первого добровольческого красного отряда, собрав вокруг себя всю деревню. Таризл — совесть и честь крестьян, которых он звал на борьбу за свободу».

В том же аспекте рассматривал роман Л. Киачели и Ж. Руар. Отмечая большие художественные достоинства произведения, он особо выделил образы Таризла, Левана, Тины — самоотверженных борцов за победу революции, за свободу своего народа. Эти образы, и особенно образ Таризла, обладают, по мнению критика, огромной силой воздействия на читательские массы. Именно эту силу революционного воздействия Ж. Руар относил к одному из главных достоинств романа Л. Киачели, считая, что его героям должны подражать французские крестьяне в борьбе за свои права. В этом-то и заключается, по мнению критика, международное значение романа Л. Киачели.

К числу историко-революционных произведений, вызвавших интерес за рубежом, относится роман Иакинте Лисавили «Кецховели». Переводенный на болгарский, польский, венгерский и другие языки, он заслужил положительную оценку критики, отмечавшей его идейные и художественные достоинства.

Дело, за которое боролись лучшие сыны грузинского народа, восторжествовало. Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Грузии ознаменовали начало великих перемен в нашей стране. Процесс коренного преобразования жизни в СССР был не простым и не однослойным. Отраженный в советской литературе, он вызвал горячий интерес во всем мире. Именно этим во многом объясняется успех таких произведений, как «Гвади Бигва» Лео Киачели и «Заря Колхиды» Константина Лордкипанидзе.

Мы уже говорили о том, какую оценку заслужил роман Л. Киачели «Таризел Голуа» в зарубежной, в основном французской, критике. На иностранных языках издавались и другие его произведения (например роман «Человек гор» вышел в Чехословакии, Польше, Румынии и т. д.). Однако особое внимание зарубежного читателя Л. Киачели привлек как автор романа «Гвади Бигва», который был издан на английском, немецком, испанском, китайском, польском, чешском, словацком, венгерском, болгарском, на языке хинди и других.

В чем же секрет такого успеха? Именно в том, что, как справедливо отмечают многие иностранные критики, пафос романа Л. Киачели заключается в утверждении гуманистической сущности советского общественного строя, открывающего в человеке высокие, редкостные качества. Это — высокоталантливое произведение о возрождении личности, о доброте советского общества, помогающего стать человеку выше и лучше себя. Поэтому неудивительно, что роман Л. Киачели стал для зарубежного читателя подлинным открытием нового мира, качественно новых человеческих отношений. «В Аргентине, — указывает профессор Г. Мерквиладзе, — о романе писали: «После его прочтения остается впечатление такой нежности и симпатии, какие могут вызвать лишь произведения, подлинно прочувствованные и положительные». «Лео Киачели, — отмечалось в Англии, — ...обладает собственным оригинальным стилем и восхитительно лукавым юмором. Его книга богата искусными характеристиками».

Живо откликнулись за рубежом и на произведения выдающегося советского прозаика Константина Лордкипанидзе. Его «Горийская легенда», «Мой первый комсомолец» и другие, были переведены на английский, французский, немецкий и другие языки. Однако наибольший интерес вызвало этапное произведение грузинской советской литературы — роман «Заря Колхиды», в котором правдиво, реалистически, с большим художественным мастерством отражен сложный процесс ломки многовековых устоев в деревне, острой классовой борьбы, наступления на старый быт и психологию собственности, социалистического преобразования сельского хозяйства, переход к колхозному строю.

Роман «Заря Колхиды», проникнутый пафосом революционного гуманизма и отразивший многие важные стороны эпохи, вызвал большой интерес как в нашей стране, так и за рубежом. Он вышел отдельными изданиями в Берлине, Париже и т. д. До этого «Заря Колхиды» была целиком опубликована в популярной французской литературной газете «Леттр франсэз» вместе с любовно написанным предисловием и с красочными иллюстрациями французских художников.

Зарубежные издания романа К. Лордкипанидзе способствовали тому, что «Заря Колхиды» привлекла к себе широкое внимание критиков как в Европе, так и за океаном. Хотя эти критики принадлежат к различным направлениям, они сходятся в одном — роман К. Лордкипанидзе относится к числу значительных произведений. Эта мысль красной нитью проходит через статью А. Вюрмсера «Вариации предисловия к «Баязету», которая посвящена «Заре Колхиды». В романе К. Лордкипанидзе А. Вюрмсера не столько привлекает экзотика грузинской деревни, сколько показ рождения нового крестьянского сознания, становления новой личности под влиянием социалистических преобразований в деревне. Меки Вашакидзе, по словам А. Вюрмсера, «остался бы ничем, если бы весь мир не изменил своего лица... Имя ему не Меки, а Легион!.. Революция — это значит держаться прямо, не гнбая спины. Это значит любить не снизу вверх, а сверху вниз. Я знаю один прекрасный эпиграф для этой книги, которая рассказывает о метаморфозе такого героя: «Свобода, Равенство, Братство». С этим выводом А. Вюрмсера нельзя не согласиться.

Касаясь романа К. Лордкипанидзе, зарубежные критики подчеркивают многоплановость этого социально-бытового произведения. По словам французского критика Жоржа Лесеркеля, в «Заре Колхиды» показано грандиозное явление истории — переход частной собственности в коллективную и рождение нового человека. Ж. Лесеркель справедливо считает, что рождение колхоза — это своего рода рождение человека, что в романе К. Лордкипанидзе реалистически отражены не только значительнейшие события, картины великой революции нашей эпохи, но и тот живой клубок людских отношений, который составляет подлинную правду жизни. К. Лордкипанидзе, по словам критика, обладает исключительно важным для романиста даром: его герои — живые лю-

ми, которые с их неизменной психологией крестьян живут и действуют на фоне буйной растительности, живописной одежды, песен, танца, фольклора, старинных обычаев.

Об этом же говорит и Марсель Соваж, приветствуя перевод произведения К. Лордкипанидзе, «обладающего подлинными художественными достоинствами» и «дышащего поэзией и ароматом земли».

Французские критики отмечают не только художественную, но и познавательную ценность произведения К. Лордкипанидзе. «Этот великолепный роман, — пишет Анри Маркетт, — воскрешает один из самых значительных периодов истории Советского Союза. И тому, кто хочет эту историю понять, прочитать его необходимо».

В романе К. Лордкипанидзе, как и в других произведениях, посвященных художественному осмыслению процесса становления колхозной жизни, широко показан народ — главный герой истории. В персонажах «Зари Колхиды» нашли удачное воплощение характерные черты народа. Именно это подчеркивал австрийский критик Пауль Лист, отмечавший, что «захватывающее повествование грузинского писателя показывает судьбы обитателей селения в период потрясших весь мир событий недавнего прошлого. И в этих судьбах, в разнообразных как личных, так и социальных столкновениях между людьми находит яркое художественное выражение. Жестокая схватка между старым отжившим «вчера» и победоносным «завтра». Бельгиец Жульен Гусман пишет: «Прекрасна победа колхозников, и эта победа не только их коллектива над отсталой массой, но также и их победа над собственными сомнениями и отсталостью». А. Хайзел Вигуор отмечает, что действие романа «подлинно большого писателя разворачивается в Грузии в те бурные годы, когда богатые и алчные люди еще раз пытаются удержать то, что им принадлежало до революции, а новые молодые силы малообразованных крестьян уже нащупывают непроторенные пути, отчаянно борются, учатся по-новому оценивать человеческие слабости и героизм».

Таким образом, можно констатировать, что зарубежные критики в основном правильно оценили идейно-художественные достоинства романа К. Лордкипанидзе «Заря Колхиды», его пафос и целенаправленность.

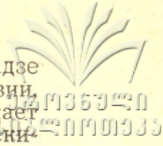
Романы Л. Киацели «Гвади Бигва» и К. Лордкипанидзе «Заря Колхиды» были восприняты за рубежом как оригинальные и ценные произведения, отражающие жизнь социалистической деревни, сложный процесс борьбы ее классовых сил в 30-х гг. Эти произведения, как и другие образцы многонациональной советской литературы, несомненно, оказали большую помощь прогрессивным силам в их стремлении ближе познакомить зарубежных читателей с народами нашей великой Отчизны.

С большим вниманием относятся зарубежные критики к послевоенному поколению грузинских беллетристов, представленных такими именами, как Н. Думбадзе, А. Сулакаури, О. Иоселиани, Г. Панджикидзе, Р. Инанишвили, М. Элиозишвили, О. и Т. Чиладзе и другие.

Светлый талант Н. Думбадзе завоевал широкую любовь и признательность многонационального читателя. Его произведения, проникнутые духом активного гуманизма и добра, переведены на чешский, словацкий, болгарский, венгерский, польский, финский, турецкий, арабский, персидский, японский, немецкий, английский, французский, испанский и другие языки. Секрет подобной популярности заключается в том, что, осознанно используя опыт советской художественной прозы последних лет и новейшей зарубежной беллетристики, Н. Думбадзе создал свою оригинальную художественную манеру, характеризующуюся удивительной непосредственностью и простотой, редчайшей способностью решать сложнейшие проблемы, с присущим ему юмором, доброжелательно говорить о главном, требовательным взглядом проникать в сокровенный мир героев.

Анализируя роман «Я вижу солнце», немецкий критик Гайнц Феенрих справедливо отмечает, что прекрасное знание жизни, тонкий психологизм, великолепное художественное мастерство позволили Н. Думбадзе открыть перед читателем прекрасный, чарующий мир человеческих отношений, пронизывающий чудесную ткань его произведения.

Излагая свое мнение о романе «Солнечная ночь», известная американская писательница Керпер подчеркивала, что Н. Думбадзе является художником романтического склада, что он ищет добро в любви, в дружбе, во взаимоотношениях людей. Именно поэтому сугубо национальные произведения писателя приобрели общечеловеческий характер. По словам «Юнайтед пресс телеграф», язык «Солнечной ночи», картины романа, манера письма чисто грузинские, однако мысли и чувства его героев могут быть приняты всеми.

Оригинальную, непосредственную художественную манеру Н. Думбадзе отмечают многие критики. Французский журнал «Эвр э опинион» в рецензии, посвященной роману «Я вижу солнце», писал: «Наше внимание привлекает манера повествования Нодара Думбадзе, с его чистыми и звучными «детскими» красками, которые все оживляют и заставляют блестеть новым светом».

К числу популярных грузинских писателей послевоенного поколения относится Арчил Сулакаури, в произведениях которого поставлены важные нравственные проблемы, заставляющие читателя задуматься над жизнью героев, осмыслить высшую правду, ощутить жизнь во всей ее полноте. Беллетристика А. Сулакаури отличается жанровым и тематическим многообразием, четко выраженной индивидуальностью автора. Оценить ее не так уж просто. И тем более приятно, что с этим делом удачно справился профессор Маргон Иштванович в послесловии к венгерскому переводу романа А. Сулакаури «Золотая рыбка», который был опубликован в Будапеште в 1976 году.

Отметив оригинальность поэтического материала, тематики и творческой манеры беллетристики А. Сулакаури, М. Иштванович обращает внимание читателя на основную проблематику произведений грузинского писателя. Главным в прозе А. Сулакаури, по мнению венгерского специалиста, является критический пафос. М. Иштванович указывает на три группы тематики писателя: «тему аквариума», разработанную в «Золотой рыбе», цикл, посвященный Чугурети — старому району столицы Грузии, и «рассказ-сказку». Основной темой цикла Чугурети является война, жизнь людей в тылу, увиденная глазами подростков. Эту тему, подчеркивает М. Иштванович, уже многократно и многообразно изображенную в советской литературе, А. Сулакаури раскрыл по-новому. Не пользуясь классическими средствами отображения, он передает атмосферу действительности со всей глубиной. Касаясь появления нового жанра в творчестве писателя, а именно «рассказа-сказки», критик указывает, что часть материала почерпнута из народной поэзии, часть — создается самим писателем в результате целеустремленной фантазии. Эти произведения адресованы не только детям. С легкой иронией осуждают они те пороки (буржуазные наклонности, зависть, честолюбие и т. д.), которых А. Сулакаури в том или ином виде коснулся в цикле «темы аквариума».

Тема Великой Отечественной войны — неувядаемая тема. Ей посвящают произведения представители различных поколений грузинских советских писателей. Лучшие из них находят свой ракурс, свой подход к эпохальным событиям. Если для А. Сулакаури в его повести «Лука» это жизнь советских людей в тылу, увиденная глазами подростков, то для Отиа Иоселиани это один из трагических эпизодов, происшедший в Кавказских горах и осмысленный с подлинно эпической масштабностью.

О. Иоселиани — писатель высокоодаренный, обладающий широким творческим диапазоном, откликающийся на самые злободневные проблемы нашей действительности. Его произведения пользуются большой популярностью в Советском Союзе. Они изданы в Чехословакии, Болгарии, Польше, ГДР и других странах.

Произведения О. Иоселиани заслужили высокую оценку зарубежных читателей и критиков. Большой успех, в частности, выпал на долю его повести «Плен пленных», изданной на польском языке в 1975 году. О. Иоселиани, отмечается в предисловии к этой книге, является популярным в Советском Союзе грузинским писателем, который хорошо знаком и польским читателям, получившим на родном языке два произведения — «Звездопад» и «Жила-была женщина». Повесть «Плен пленных» является еще одним отголоском войны. «Сюжет ее, — говорится далее в предисловии, — довольно прост, но происшедшая в горах Сванетии история передана с таким мастерством, что произведение приобретает масштабность античной трагедии. Характеры героев... выковываются в борьбе с судьбой, в трудных ситуациях. Читателя с одинаковой силой привлекают и полный напряжения сюжет, и самопожертвование сыновей высоких гор, и описание незнакомых нам традиций, и поэтический настрой, и глубина произведения».

Заметное место в современной грузинской литературе занимают произведения известного прозаика Гурама Панджикидзе, посвященные злободневным проблемам сегодняшнего дня. Смело и решительно бичует автор негативные явления, имевшие место в жизни нашей республики. О чем бы ни писал Г. Панджикидзе, будь то жизнь рабочего класса или трудовой интеллигенции, его произведения характеризуются многоплановостью, глубиной, сложностью психологического анализа, увлечением морально-этической проблематикой. Все это определяет своеобразие стиля Г. Панджикидзе, оригинальное художественное осмысление фактов нашей действительности, его писательскую манеру.

Касаясь творчества Г. Панджикидзе, польский критик Элижбет Моравец пишет, что «у каждой эпохи есть своя литературная потенция. Писатель обя-

зан почувствовать ее. Истинно современная литература питается глубинными запросами той эпохи, в которую мы живем... И писатель только тогда прав, когда говорит о наболевшем». Именно в этом, по мнению Э. Моравец, кроется секрет успеха романов Г. Панджикидзе «Седьмое небо» и «Камень чистой воды».

Ведь грузинский писатель повествует о наболевшем, о том, что он очень хорошо знает, что глубоко прочувствовал и пережил. Гурам Панджикидзе, отмечает критик, по специальности инженер-металлург, и именно человеком этой профессии является герой его романа «Седьмое небо». Поэтому-то так жизненны сюжетные коллизии этого произведения, столь актуальны проблемы, затронутые в нем, «Седьмое небо» Гурама Панджикидзе... повествует о жизни руставского металлурга. В произведении освещен проблемный вопрос жизни грузинского рабочего класса», — пишет итальянский литератор Карло Бенедети.

Действительно, произведения Г. Панджикидзе носят обобщенный характер. Их разве только условно можно назвать «производственными романами», ибо главным для Г. Панджикидзе являются люди, их сложные взаимоотношения, их далеко не прямолинейный жизненный путь. Именно это имела в виду Э. Моравец, отмечавшая, что «в романе «Камень чистой воды» воспроизведен сложный жизненный путь гуманиста-математика».

Такова, разумеется, очень и очень не полная география признания высоких художественных достоинств произведений грузинских советских писателей. Интерес зарубежных читателей к современной грузинской литературе с каждым годом растет и ширится. Достаточно сказать, что по последним далеко не полным данным издание трехтомного «Избранного» Нодара Думбадзе осуществляется в Чехословакии и ФРГ. Издательства Болгарии, Чехословакии, Польши заключили договоры на издание произведений Тамаза Чиладзе «Белый дым», «Бассейн», «Журавль». В Польше и Чехословакии выйдет роман Отара Чиладзе «Шел человек по дороге». В Венгрии и Болгарии увидят свет книги Арчила Сулакаури «Лука», «Золотая рыбка», «Волны стремятся к берегу», «Пора отдохновения». Роман Чабуа Амирэджиби «Дата Туташхиа» выпускают издательства Польши и Румынии. Подготовлена к печати «Антология грузинской прозы» на румынском языке, в которую войдут в основном новеллы современных грузинских прозаиков. Румынские читатели познакомятся также с лирическими произведениями Г. Абашидзе, Х. Берулава, И. Ношвили, Т. Джангулашвили.

Таким образом, если до революции переводами образцов грузинской литературы на иностранные языки и их оценкой занимались отдельные энтузиасты, то после Великого Октября, особенно в последние годы, когда неизмеримо возрос авторитет Советского государства, дело это приняло систематический, широкий и всеохватывающий характер. Оставаясь верной своим национальным художественно-эстетическим традициям и в то же время творчески развивая их, неуклонно следуя принципам социалистического реализма, грузинская советская литература является сегодня полноправным участником культурно-литературной жизни всего человечества. И это является надежным залогом того, что многоязычная читательская аудитория нашей литературы будет все более расширяться, приумножая славу многовековой грузинской духовной культуры.

Георгий ДЖИБЛАДЗЕ

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ

Как писал первый биограф Ильи Чавчавадзе Г. Кипшидзе, «фамилия Чавчавадзе впервые упоминается в исторических документах в XVII веке»¹. Следует заметить, что биограф не располагал новейшими материалами относительно генеалогической ветви фамилии Чавчавадзе, которых мы коснемся ниже. По этим материалам выясняется, что представители рода Чавчавадзе уже с пятнадцатого века, если не ранее, упоминаются в исторических источниках в числе придворных грузинского царя. Интересно, что фамилия Чавчавадзе встречается не только в Кахетии, но и в других уголках Грузии. «Предание гласит, — пишет Г. Кипшидзе. — что Чавчавадзе были коренными жителями Хевсурети, но затем покинули этот край, хотя в Хевсурети и поныне живут люди, носящие эту фамилию, причем их здесь не так уж мало. В наши дни и в Каргли можно встретить крестьян с этой фамилией, например, в Церонис-Авливи»².

Обе ветви рода Чавчавадзе (кварельская — древнейшая и цинандальская — более поздняя) переселились в Кахетию из Пшав-Хевсурети. Подтверждением этому может служить и известное произведение сына Георгия XII, ученого и писателя Иоанна Багратиони «Калмасоба», который вкладывает в уста Гарсевана Чавчавадзе (посла Ираклия II при русском царском дворе) следующие слова: «Я горец, и если мне в сердце западает вражда к человеку, то она останется навсегда»³. Правда, Иоани Багратиони отрицательно отзываясь о Гарсеване Чавчавадзе (Иона Хелашвили, один из персонажей «Калмасоба», резко осуждает его, называя изменником, стяжателем и братоубийцей более жестоким, чем сам Каин — «Каин убил одного брата, а вы тысячи»), но это — совершенно несобоснованное обвинение. Здесь, несомненно, мы сталкиваемся с предвзятым отношением проживавшей в России и враждебной Ираклию II группы царевичей к Гарсевану Чавчавадзе. Но царевич Иоани, во всяком случае, не мог не знать доподлинно того факта, что Чавчавадзе жили раньше в горах. К Георгиевскому трактату 1783 года был приложен список фамилий князей (тавадов) и дворян (азнауров), проживающих в Грузии. В этом списке указывалось, что Чавчавадзе делятся на две ветви: «первые, проживающие во внешней Кахетии, в Кварели, принадлежат к древнему роду эпохи царя Леона (1529 г. после р. Хр.). Первоначально они проживали в Пшавии в местечке Чавчети, а затем переселились в Кварели, где царь пожаловал им земли».

Еще раньше, однако, фамилия Чавчавадзе упоминается в других источниках. Прежде чем коснуться этого вопроса интересно ознакомиться и с генеалогией другой ветви рода Чавчавадзе. Как видно из того же приложенного к Георгиевскому трактату списка, вторые Чавчавадзе (т. е. цинандальская ветвь. — Г. Д.) родом из тех же мест (т. е. оттуда же, откуда прибыла и кварельская ветвь, из Пшавии. — Г. Д.) и считают себя родственниками первых. У них

¹ И. Чавчавадзе. Сочинения, т. I, 1914. Биография Ильи Чавчавадзе, составленная К. Кипшидзе.

² Там же.

³ Царевич Иоани. Калмасоба, 1936, с. 129. (Подчеркнуто нами. — Г. Д.); Леван Асатиани. Избранные произведения, 1958, с. 216.

Продолжение. Начало в №№ 4, 5.

также были земли, и они служили царю Ираклию (Ираклию Первому, который царствовал в период 1683—1703 гг.) в Тушети, а когда Ираклий вступил на престол, «он в дальнейшем за заслуги поселил их в Цинандали и пожаловал дворянство... затем царь Теймураз II (отец Ираклия II.—Г. Д.) возвел их в княжеское звание, выдлив им в дар крепостных и царские виноградники, и, наконец, царь Ираклий II утвердил их фамилию Чавчавадзе, и так они зовутся отныне, а вначале звались Мамучишвили»¹. В том же документе говорится: «Князья Чавчавадзе по происхождению — пшавские азнауры из Чавчавети, и сделал их князьями Ираклий Первый (внук Теймураза Первого, находившийся с 1652 года при дворе русского царя.—Г. Д.). После возвращения из России в Тушети он призвал на службу Чавчавадзе, а затем, воцарившись в Тбилиси, пожаловал им княжеское имение в Кахетии. Это произошло в 1688 году после рождения Христова. И проживают они во внешней и внутренней Кахетии. Мамучишвили также принадлежат к фамилии Чавчавадзе»².

Самым отдаленным предком Чавчавадзе до сих пор принято считать Фарода Чавчавадзе, упоминающегося в одной из грамот Александра Первого (царствовал в 1412—1442 годах, после чего постригся в монахи. — Г. Д.), как незаконно присвоенного имения (по утверждению Т. Жордания, эта грамота относится к 1438 году; следовательно, он жил в первой четверти XV века)³.

В 1935 году академик Г. Леонидзе опубликовал материалы к биографии Ильи Чавчавадзе⁴. Среди этих материалов мы встречаем сведения, которые до некоторой степени освещают генеалогию Ильи Чавчавадзе. К числу отдаленных предков писателя, по мнению Г. Леонидзе, относятся Отиа Чавчавадзе, живший в XV веке, Папуна и Мамука (XVII век), а также Паремуз и Беспаз Чавчавадзе (XVIII век). Л. Асатиани установил, что предки Ильи Чавчавадзе были потомками князя Отиа Чавчавадзе. Среди потомков этого Отиа в пятом колене записаны братья Паата и Беспаз Чавчавадзе. Один из сыновей Беспазы также носил имя Паата⁵. Именно этот Паата и был дедом Ильи Чавчавадзе; у него было пятеро сыновей: Семен, Александр, Григорий (отец Ильи), Гарсеван и Иосиф⁶. У Григория было шестеро детей: две дочери — Нино и Елизавета и четыре сына — Константин, Илья, Теймураз и Семен.

Вышеприведенная генеалогия Ильи Чавчавадзе, как отмечает Г. Леонидзе, основывается «на двух документах о родословной, обнаруженных в архиве Тифлисского дворянского собрания, которые сохранились в тетради № 3 (первый касается Дмитрия и Соломона Чавчавадзе и составлен в 1828 году, копия от 14 июня 1865 года, см. тетрадь № 2, с. 63; второй же составлен Константином Абхази)»⁷.

К сожалению, в опубликованных Г. Леонидзе материалах ничего не говорится о Ясоне Чавчавадзе, который в XVI веке был видной фигурой при дворе кахетинского царя Александра, где занимал должность сахлтухуцеси (мажордома) и в наиболее критические периоды выполнял непосредственные задания царя в области внешнеполитических отношений.

Как видно из ряда источников, предки Чавчавадзе уже в далеком прошлом играли важную роль в истории Грузии. Представители этой фамилии упоминаются в исторических источниках начиная с XV века; они часто находятся в числе наиболее приближенных к царю лиц и мужественно защищают отчизну от чужеземных захватчиков. Значительный интерес представляют использованные П. Ингорквас сведения об отдаленных предках Чавчавадзе — о Гарсеване Гульбатовиче Чавчавадзе, приближенном Теймураза I («...такого другого человека у меня в то время (первая половина XVII века. — Г. Д.) не было», — сказал о нем Теймураз), и относительно тех Чавчавадзе, которые подвизались на политическом поприще при кахетинских царях — Константине I и Теймуразе II. «Отцы и деды ваши, — писал Константин I, обращаясь к представителям рода Чавчавадзе, — преданно и безупречно служили отечеству, хотя много трудов и бед выпало на их долю; и много раз переселялись они на чужбину с благословенными отцами и дедами нашими. Теперь же те из вас, которые остались в живых, дети их, выполняйте еще большую службу, не жалея живота своего»⁸.

¹ Цитируется по «Избранным сочинениям» Левана Асатиани, т. I, 1958, с. 219.

² Там же.

³ Там же, с. 219—220.

⁴ «Литератури мемквидреоба» («Литературное наследство»), книга I, 1935, с. 546—575.

⁵ Леван Асатиани, Избранные сочинения, т. I, 1958, с. 226.

⁶ «Литератури мемквидреоба», книга I, 1935, с. 550.

⁷ Г. Леонидзе. Материалы к биографии Ильи Чавчавадзе. — «Литератури мемквидреоба», книга I, 1935, с. 547.

⁸ Илья Чавчавадзе, Сочинения, 1957. Вступительная статья П. Ингорквас, с. IX.

Один из предков Чавчавадзе упоминается также в поэме Арчила «Беседа Теймураза и Руставели», где рассказывается о схватке отправившихся на охоту Гарсевана Чавчавадзе и Мамуки с напавшими на них лезгинами, которая известна и по народным источникам. Вообще представители фамилии Чавчавадзе с древнейших времен часто упоминаются в народной словесности и в исторических документах как храбрые защитники родины и просвещенные люди.

Из близких родственников Ильи Чавчавадзе наиболее интересной личностью представляется дед поэта — Паата Чавчавадзе. В 1798 году, когда скончался Ираклий II, Паата упоминается в числе приближенных царя, официально оплакивавших своего государя; вместе с другими наиболее видными государственными деятелями Картли и Кахетии Паата принимал участие в перенесении праха Ираклия II из Телави в Мцхета¹. За выдающиеся заслуги в деле защиты Грузии от многочисленных врагов Георгий XII присвоил Паате Чавчавадзе высокое воинское звание.

В книге Платона Иоселиани «Жизнь царя Георгия Тринадцатого» в числе «выдающихся лиц и вельмож времен его царствования по происхождению и по делам своим» упомянуты также моурав «казахских татар» Гарсеван Чавчавадзе и начальник гарнизона «крепости Ираклия» Иосиф Чавчавадзе². Здесь, надо полагать, имеется в виду та самая «крепость Ираклия», которую упоминает Иоганн Гюльденштедт в своем «Путешествии». В этой книге рассказывается о том, как 21 февраля 1772 года в 5 часов вечера, отправившийся в Кахетию в сопровождении 1000 всадников царь Ираклий остановился в селении Навтлуги, где им ранее была построена крепость с круглой башней, получившая название «крепости Ираклия»³. Несомненно, что «крепость Ираклия», расположенная в шести верстах от Тбилиси, была одним из важных военных объектов на подступах к столице и командовать ее гарнизоном мог только заслуживающий особого доверия военачальник. Именно таким человеком и был Иосиф Чавчавадзе, достойный сын сложной и противоречивой эпохи истории Грузии, отважный воин и государственный деятель. Вернемся теперь, однако, к деду великого писателя — к Паате Чавчавадзе.

Сыновья Пааты пошли по стопам отца: из пяти братьев четверо поступили на военную службу. Это видно хотя бы из ходатайства тифлисского военного губернатора на имя начальника Закавказского гражданского управления относительно принятия в училище на казенный счет сирот скончавшегося Григория Паатовича Чавчавадзе — Ильи и Теймураза. Здесь отмечено, что три старших брата Григория Паатовича Чавчавадзе пали на поле брани: «Поручик бывшего грузинского гренадерского полка Симон, штабс-капитан Кавказского саперного батальона Гарсеван и прапорщик Александр — князя Чавчавадзе пали, сраженные пулей противника. Первый, Симон, погиб во время войны с Персией в 1827 году, когда он, командуя ротой, выбивал персов с одной господствующей высоты, которую они заняли ценой больших потерь; второй, Гарсеван, — в Дагестане, а третий, Александр, — тоже в Дагестане, в отряде генерала Феза»⁴.

Гибель старших братьев вынудила Григория Чавчавадзе оставить военную службу и возвратиться в Кварели, чтобы привести в порядок расстроенное хозяйство и семейные дела.

Несмотря на то, что предки Ильи Чавчавадзе были князьями, в 1820 году дед поэта был вынужден вместе с Меликседекем Иосифовичем Чавчавадзе подать прошение следующего содержания: «Так как предки наши издревле имели княжеское достоинство, от которых также мы происходим, то дабы известно было оному Дворянскому собранию, честь имеем при сем представить две грамоты грузинских царей: 1-ую — Ираклия, 1796, пожалованную предкам нашим на имения и крестьян; 2-ую — последнего Георгия на чин из нас Паате, хутасистаоба, в которой упоминается наше княжество, ровно свидетельство от 12 благородных особ, что наша фамилия в числе прочих князей показана в трактате, заключенном Российским императорским двором, с царем Ираклием в 1783 году, с посемейным списком и родословною. Покорнейше просим вносить род наш в дворянскую родословную книгу и выдать в свое время грамоту, доложив при этом, что древние наши грамоты на достоинство и имения утеряны еще предками во время нахождения Грузии под игом персидских и турецких владетелей»⁵.

¹ Илья Чавчавадзе. Сочинения, 1957. Вступительная статья П. Ингорква, с. X.

² Платон Иоселиани. Жизнь Георгия Тринадцатого, 1936, с. 272.

³ «Путешествие Гюльденштедта в Грузию», т. I, 1962, с. 17. Немецкий текст с грузинским переводом подготовил и снабдил исследованием Г. Гелашвили.

⁴ «Саисторио моамбе» («Исторический вестник»), III, 1947, с. 168.

⁵ Там же, с. 161. Публикация А. Иовидзе.

1933

Судя по различным источникам, каждый новый член семьи должен был заново оформляться в княжеском звании. Об этом свидетельствует тот факт, что отец Ильи, Григорий Паатович Чавчавадзе, 15 января 1841 года обратился к Грузино-Имеретинскому депутатскому дворянскому собранию с прошением утвердить его сыновей Константином и Ильей в княжеском звании. В документе сказано: «После представления доказательства княжеского рода нашего происхождения, родились у меня сыновья Константин и Илья, о рождении и крещении коих при сем представляя два свидетельства, выданные из Грузино-Имеретинской синодальной канцелярии за №№ 3113 и 3109, покорнейше прошу оное Собрание сделать дополнительное определение о причислении к роду нашему сыновей моих и выдать на имя их копию с дополнительного определения о признании их в княжеском достоинстве и копии со свидетельства Грузино-Имеретинской синодальной канцелярии за подлежащей подписью и приложением печати, нужным для определения в учебное заведение, а потом — на государственную службу»¹.

Тяжелое материальное положение, в котором находился Григорий Паатович Чавчавадзе, сравнительно легко можно было бы исправить довольно распространенным в те времена способом, к которому нередко обращались представители знатных, но обедневших фамилий, а именно — браком по расчету. Отец великого писателя, однако, не пошел по этому пути. Правда, злые языки распространяли сплетни, будто бы его брак с Марией Христовной Бебуришвили был вызван материальными соображениями. Г. Леонидзе в своих «Материалах к биографии Ильи Чавчавадзе» достаточно убедительно показал всю несостоятельность этих вздорных слухов². Действительно, брак Григория Чавчавадзе, по-видимому, был обусловлен скорее личными качествами Марии Бебуришвили, нежели материальными соображениями. Это видно хотя бы из того, что и после женитьбы, когда отец писателя покинул военную службу и почти целиком занялся хозяйственными делами, ему все же не удалось добиться сколько-нибудь заметного улучшения материальных условий своей семьи.

Все те, кто лично знал мать Ильи Чавчавадзе, отмечают, что она была очень тонкой и культурной женщиной, широко образованным и начитанным человеком. «Моя мать, — вспоминает Илья, — прекрасно знала грузинскую литературу того времени. Она знала наизусть почти все стихотворения и все старинные повести и романы, которые тогда можно было найти в печатном и рукописном виде»³.

И. Чавчавадзе вспоминает и о том, как заботилась мать об образовании детей: «Моя мать, — рассказывает он, — усаживала нас по вечерам и читала рассказы и разные истории; после чтения она пересказывала нам содержание и на следующий вечер спрашивала: «А ну, кто лучше расскажет мне о том, что вы слышали вчера?». Того из нас, кто рассказывал хорошо, она хвалила, и мы очень ценили эту похвалу»⁴.

Находившийся в тяжелом материальном положении Григорий Чавчавадзе был вынужден 15 января 1846 года обратиться к предводителю дворянства Грузино-Имеретинской губернии с просьбой о выдаче ему свидетельства о бедности. В прошении Григория Чавчавадзе сказано: «Вашему сиятельству не безызвестно, что при ограниченном состоянии моем, подлежащем делу на три части между мною, младшим братом и сиротами старшего брата, не могу дать детям своим — Константину, Илье и дочери Элисабед — приличного по званию моему воспитания, и поэтому я желаю просить о воспитании детей моих в одном из казенных учебных заведений. А как при этом нужно мне иметь удостоверение вашего сиятельства о недостаточном состоянии моем, то я имею честь покорнейше просить о выдаче мне в сем свидетельства»⁵.

Предводитель дворянства Грузино-Имеретинской губернии генерал-майор Дмитрий Орбелиани⁶ выдал это свидетельство без задержки 16 января того же года, в котором он подтверждает, что штабс-капитан Григорий Паатович Чавчавадзе «по недостаточному состоянию своему не имеет средств к приличному воспитанию малолетнего сына своего Ильи на собственном иждивении, в чем подписью и приложением герба моей печати удостоверяю»⁷.

Вызывает удивление то обстоятельство, что в прошении Григория Чавчавадзе упоминаются Константин, Илья и Элисабед, а в выданном удостове-

¹ «Саисторно моамбе», III, 1947, с. 161.

² «Литературули мемквидреоба», книга I, 1935, с. 547.

³ Чавчавадзе Илья. Полн. собр. соч., т. IX. 1957, с. 307 (на груз. яз.).

⁴ Там же.

⁵ «Саисторно моамбе», III, 1947, с. 162.

⁶ О Дмитрие Орбелиани см.: Д. Кипиани. Мемуары, 1930, с. 87.

⁷ «Саисторно моамбе», III, 1947, с. 163.

рени о материальной необеспеченности указан только Илья. Почему это произошло? Причина этого могла состоять в том, что Константину в то время было 14 лет и он уже учился, Илье же — 9 лет и он получил начальное образование под руководством сельского священника. Элисабед, которой тогда было 7 лет, писала позднее в своих воспоминаниях: «Мне было примерно лет 13, когда у нас умер отец». Если считать, что Илья начал заниматься с восьмью лет, то выходит, что до начала обучения Элисабед оставался еще по меньшей мере год. Поэтому вполне возможно, что предводитель дворянства для придания большей убедительности документу предпочел упомянуть лишь одного сына Григория Чавчавадзе — Илью, вероятно, не без согласия самого просителя.

Однако обрушившееся на детей несчастье (смерть матери, а вскоре — и отца) поставило их в исключительно тяжелые условия.

Легко можно себе представить, какой огромной утратой для многодетной семьи была смерть такой заботливой матери. Она умерла еще молодой женщиной, тридцати лет, 4 мая 1848 года¹. Четыре года спустя, 10 декабря 1852 года, в возрасте 40 лет скончался глава семьи — Григорий Чавчавадзе.

Тяжелое положение детей, оставшихся без родителей, достаточно красноречиво охарактеризовано в ходатайстве Тифлисского военного губернатора к начальнику Закавказского гражданского управления о принятии круглых сирот скончавшегося князя Григория Чавчавадзе — Ильи и Теймураза в учебное заведение на казенный счет. К этому ходатайству было приложено соответствующее отношение от 19 февраля 1853 года, в котором подробно описывается трагедия семьи Григория Чавчавадзе, бедственное положение «несчастных сирот», подчеркиваются заслуги самого Григория Чавчавадзе, а также его братьев, погибших на войне, кроме того к ходатайству прилагался послужной список Григория Чавчавадзе, где подробно описываются его военные заслуги в битвах с врагом.

В ходатайстве прямо указано, что если после смерти Григория Чавчавадзе в счет долгов будет продано то небольшое имение, которым владел покойный, то его сироты «останутся без крова», и единственная их надежда — «на милость правительства», особенно учитывая заслуги их отца и его братьев. Значение этого ходатайства для биографии поэта настолько важно, что мы считаем необходимым привести его с некоторыми сокращениями. В документе сказано: «Телавский уездный начальник коллежский ассессор кн. Андроников в рапорте своему ко мне от 31-го декабря 1852 года за № 6286 объясняет, что в селении Кварелях Телавского уезда 8-го числа декабря 1852 года умер штабс-капитан кн. Григорий Чавчавадзе. Он оставил сыновей Константина — 20, Илью — 15 Теймураза — 9 и дочь Елизавету — 12 лет без всякой надежды к дальнейшему существованию, лишенными даже призрения, по неимению близких родных, так что участь этих несчастных сирот возбуждает в уезде общее сострадание.

Умерший отец их оставил значительные долги и ничтожное родовое имение, которое он, по своей неопытности и неосторожности, доверил капитану Цилюсани для представления залогом по казенным подрядам и оно, по несправности Цилюсани, имеет быть продано в скором времени на пополнение казенного взыскания, павшего на Цилюсани; с продажей этого имения, оставшегося после кн. Чавчавадзе, сироты не будут иметь даже убежища.

Единственная надежда их на милосердие правительства, которое они вправе ожидать за заслуги отца и семейства его...

...Сам покойный штабс-капитан Григорий, один из братьев, умерший в доме своей смертью, об участии сыновей которого он, г. уездный начальник, доносит, служил в Нижегородском драгунском полку. Он вынужден был, за потерю на службе трех братьев, оставить службу для уплаты наделанных им долгов и поддержки имения, но он и в бытность свою в отставке, по жительству своему на Лезгинской кордонной линии, не переставал посвящать себя службе и оказывать начальству Лезгинской кордонной линии по его приглашению содействие за что удостоивался наград.

Уездный начальник кн. Андроников, донося об этом, просит об испрошении сиротам умершего кн. Григория Чавчавадзе — Константину, Илье, Теймуразу и дочери Елизавете от щедрот всеавгустейшего монарха за службу отца и братьев его, павших на жертву службы, и во внимание крайнего их положения содержания по 100 р. сер. в год, впредь до их совершеннолетия, или же о воспитании из них Ильи и Теймураза на казенный кошт в одном из учебных заведений. Из сыновей Григория старший, Константин, был отправлен им в Москву для поступления в тамошний университет, но он не мог вступить в оный, по невыдержанию экзамена, и живет в Москве праздно, а потому кн.

¹ «Литературиლი мемквидреоба», кн. 1, 1935, с. 253.

Андроников также просит о высылке его сюда сделать сношение, с кем следует.¹

Обо всем этом представляя на благоусмотрение в. п., имею честь покорнейше просить распоряжения о принятии сирот умершего штабс-капитана кн. Григория Чавчавадзе Ильи и Теймураза в учебное заведение на казенный кошг².

Совершенно очевидно, таким образом, что ходатайство было достаточно мотивировано. И все же, несмотря на это, начальник Закавказского гражданского управления 25 февраля 1853 года посылает на имя Тифлисского военного губернатора отрицательный ответ. «Рассмотрев представленное дело, — пишет он, — считая, что если по закону сироты Григола Чавчавадзе имеют право на получение пенсии или казенной помощи в соответствии со службой отца, то тогда от Вас зависит возбуждение по этому делу особого ходатайства. Что же касается принятия на казенный счет в учебное заведение сирот покойного Чавчавадзе — князей Ильи и Теймураза, то, не имея относительно них необходимых в подобном случае документов, я не могу отдать по этому предмету никакого распоряжения, тем более что неизвестно, в какое именно учебное заведение желают редоственники сирот определить этих последних»³.

Итак, по обоим пунктам категорический отказ! Не принято во внимание ни тяжелое положение сирот, ни заслуги их отца и родственников. Ни пенсии, ни обучения на казенный счет, которых заслуживали сироты, не пожелал предоставить им генерал-лейтенант Реут.

Единственной надеждой и опорой осиротевших детей осталась их тетка, сестра Григория Чавчавадзе, Макринэ Эристави, которой отец доверил воспитание своих детей сразу же после смерти их матери.

Григорий Паатович Чавчавадзе не только был отважным воином, но и хорошо понимал, в чем состоит гражданский долг настоящего патриота перед своим народом. Это чувство долга, готовность беззаветного служения отчизне прививал он и своим детям. «Всякий, дети мои, любит свою родину, — говорил он им, — а когда родина в беде, редко кто отступится от нее и не пожертвует собой. И многие жертвовали жизнью... Многие прославили свое имя храбростью, отвагой и самоотверженной борьбой за родину»⁴.

Григорий Чавчавадзе и сам являл пример самоотверженной преданности родине. Поэтому не будет лишним познакомиться с его деятельностью по посылному списку, который является официальным и вполне надежным документом. Еще сравнительно молодым человеком он четыре раза был награжден за боевые заслуги: орденами святой Анны второй степени, затем третьей степени с лентой и, наконец, четвертой степени с надписью «За храбрость», а также серебряной медалью за участие в русско-турецкой войне 1828 — 1829 годов. Военную службу Григорий Чавчавадзе начал в возрасте 16 лет, 30 апреля 1828 года, в чине унтер-офицера.

Вступив на военную службу, Григорий Чавчавадзе почти ежедневно участвует в боевых действиях. 17 июня 1828 года он сражается на подступах к Карской крепости; весь июнь, июль, август он провел в жестоких боях под Ахалкалаки, Ахалцихе и Ардаганом и т. д. С июня следующего, 1829 года он принимает участие во взятии высоты Тон-Даха на подступах к городу Эрзруму, а затем — во взятии самого Эрзрума и его крепости. С 11 по 20 августа он атакует город Гюмиш-Хан и снова возвращается в Эрзрум. 27 сентября он участвует в наступательных операциях и во взятии города Байбурта. Молодой Григорий Чавчавадзе постоянно принимает участие в разведке, которая всегда связана с большой опасностью и риском.

За храбрость, проявленную в войне с турками, 17 декабря 1828 года он был произведен в прапорщики, «имея тогда от роду семнадцать лет», — как сказано в посылном списке⁵.

Приказом Главнокомандующего от 13 ноября 1845 года, утвержденным военным министром 8 января 1846 года, Григорий Чавчавадзе производится в чин штабс-капитана, причем его действия получают исключительно высокую оценку: «Отличное мужество и храбрость».

После гибели братьев Григорий Чавчавадзе 30 августа 1833 года был вынужден оставить военную службу по семейным обстоятельствам.

Однако и после того, как он вышел в отставку, в условиях «мирной» жизни в Кварели Григорию Чавчавадзе неоднократно приходилось браться за

¹ «Сансторио моамбе», III, 1947, с. 167—168. Публикация А. Иовидзе.

² Там же, с. 169. Публикация А. Иовидзе.

³ Илья Чавчавадзе. Сочинения, 1937, с. 420.

⁴ Формулярный список Григория Паатовича Чавчавадзе, датированный 25 февраля 1853 года. См.: «Сансторио моамбе», III, 1948, с. 170. Публикация А. Иовидзе.

оружие. В этом отношении весьма характерен хорошо иллюстрирующий отвагу и героизм Григория эпизод изгнания 14 июля 1850 года около 500 конных всадников, проникших в Кварельское ущелье и грабивших торговые ряды, базар, лавки и мастерские ремесленников села.

Этот случай подробно описан в докладной записке гражданского начальника Закавказья генерал-лейтенанта Бебутова на имя наместника Воронцова, датированной 20 июля 1850 года¹. Григорий Чавчавадзе был представлен к ордену святой Анны второй степени за проявленные им мужество и храбрость. Этот орден с надписью «За храбрость» Григорий Чавчавадзе получил по царскому указу, что подтверждает обращение военного министра Чернышова к Воронцову, датированное 2 января 1851 года².

Подобные нападения на Картли и Кахетию происходили очень часто и довольно большими силами — по 300, 500 и даже 2000 вооруженных человек. Эти набеги, как правило, заранее продуманные и организованные, имели целью не захват территории, а только грабеж населения, захват ценного имущества и продовольствия, увод пленных. Нападение на Кварели в 1850 году, о котором речь шла выше, по своему характеру походило на имевшие место и ранее аналогичные набеги.

Село Кварели вообще почти непрерывно подвергалось нападениям, и поэтому вокруг него было возведено большое число крепостей и сторожевых башен, в которых укрывались женщины, дети и старики.

Трехэтажный дом семьи Чавчавадзе тоже представлял собой типичную крепость, на втором этаже которой родился Илья Чавчавадзе. По-видимому, кварельцы большей частью содержали родильниц в таких крепостях, чтобы они не стали жертвой внезапного нападения. И правда, уже примерно через месяц после рождения Ильи — в ноябре 1837 года Кварели подверглось нападению, так что это селение действительно «...походило на постоянный военный лагерь»³.

Главным местом нападения в 1850 году, как упоминалось выше, явился центр торгового ряда. На этом месте в настоящее время возвышается здание Кварельского исполкома, расположенного в каких-нибудь 30 шагах от дома Григория Чавчавадзе. Совершенно естественно поэтому, что последний сразу же бросился навстречу нападавшим и вступил с ними в бой.

¹ «Санкторио моамбе», III, 1947, с. 163—165. Публикация А. Иовидзе.

² Там же, с. 167.

³ А. Каландадзе. Государственный музей Ильи Чавчавадзе в Кварели, 1958, с. 4.

Продолжение следует

Баски и грузины

В 1054 году произошел окончательный раскол между западной (католической) и восточной (православной) церквями; антикатолическая полемика имела место и в Грузии. Надо полагать, что после всего этого с точки зрения православной ортодоксии в грузинской оригинальной литературе «до некоторой степени утратил актуальность вопрос о родстве с западными иберами, как исповедующими католичество: религиозной политике православных грузин в эпоху подъема их государственного могущества в Закавказье (XI—XII вв.) уже не соответствовал подобный религиозный нигилизм. При этом следует напомнить, что этнический термин «грузины» подразумевал православие. Естественно, что вопрос о родстве с грузинами, проживавшими в Испании, не вызывал особого интереса в оригинальной грузинской литературе»¹.

Правда, в грузинских источниках с конца XI и до середины XVIII века ничего не говорится о родстве грузин и испанцев, но размышления по этому вопросу, видимо, не покидали грузинскую общественность. Трудно поверить, что эта проблема не вызывала живого интереса у народа, для которого в прошлые века она была столь острой и волнующей. О непрерывности традиционной общественной мысли совершенно определенно говорится в записках известного французского путешественника XVII века Жана Шардена, что, безусловно, имеет значение для истории данного вопроса. Шарден прибыл в Тбилиси в сентябре 1672 года и покинул этот город 28 февраля 1673 года. Он объездил как Западную, так и Восточную Грузию, подробно описал многочисленные факты и события, очевидцем которых явился. Свои личные впечатления он дополнил сведениями об историческом прошлом Грузии, которые извлек из греческих, римских и персидских сочинений, а также из записок предшествовавших ему европейских путешественников.

Шарден в своем очерке рассказывает об интересных фактах. Он был приглашен на пир к царю Теймуразу. «На прощание он (Теймураз. — Ш. Д.) спросил меня, — рассказывает Шарден, — как поживает мой родственник, царь Испании? — и выпил за его здоровье из украшенного драгоценными камнями кубка. Долго думал я о том, каким образом князь (царь Теймураз) должен быть родственником царя Испании, и понял, что он разделяет мнение большинства авторов о том, что испанцы по происхождению — иберийцы. Я спросил капуцинов, — продолжает Шарден, — как понимает князь это родство? Они ответили, что Климент VIII в письмах к Теймуразу называет его родственником Филиппа II, а иберов и испанцев называет братьями». «Тейму-

¹ Р. Сирадзе. Первое упоминание «испанских грузин...», с. 181.

Продолжение. Начало в №№ 1, 2, 3, 4.

раз и его приближенные гордились и будут гордиться этим родством», — добавляет французский путешественник¹.

Следует отметить, что Шарден допустил здесь одну ошибку: Климент VIII не мог написать письмо Теймуразу, так как он скончался в 1605 году, а Теймураз стал царем в 1606 году. Переписку с Теймуразом вел римский папа Урбан VIII, который был его современником. Здесь же добавим, что совместное упоминание Климента VIII и Филиппа II в связи с Грузией в других отношениях весьма симптоматично и говорит о многом, но на этом мы здесь не будем останавливаться.

Отметим, что Шарден еще до приезда в Грузию знал кое-что о родстве испанцев и грузин.

Подробно говорится о родстве грузин и испанских иберов в сочинении известного грузинского деятеля и писателя XVIII в. Тимотэ Габашивили, которое называется «Путешествие».

Тимотэ Габашивили объездил много стран и имел возможность познакомиться с просвещенными людьми того времени. Он беседовал с патриархами Константинополя и Иерусалима, с архиепископами и митрополитами, философами и книжниками.

Тимотэ как высокообразованного и интересного человека, везде принимали с почетом и вниманием.

Тимотэ Габашивили во время путешествия на Афонскую гору ознакомился в одном из наиболее мощных очагов просвещения и науки XVIII века — Афонской академией и оставил исключительно интересные сведения как о структуре и учебных планах этой академии, так и о ее ректоре — Евгении Булгарском, который был передовым человеком своего времени. С его деятельностью связано возрождение как Афонской академии, так и школы константинопольской патриархии.

В силу того, что исторические материалы об Афонской академии крайне скудны, сведения Тимотэ как очевидца приобретают значение первоисточника. Особую ценность придает им то обстоятельство, что они собраны «не просто любознательным путешественником, — отмечает редактор «Путешествия» Е. Мегревели, — а человеком, сведущим в богословии и философии, который не только наблюдает и слушает, но и изучает, исследует и оценивает все увиденное и услышанное им».

Весьма важно, что Тимотэ Габашивили (так же как и Антон I) в своей учебной деятельности стремился использовать опыт России и Западной Европы. Об использовании новых достижений европейского просвещения в Афонской академии заботился и Евгений Булгарский. Это в значительной мере обусловило интерес Тимотэ к учебной деятельности Евгения, являвшегося автором целого ряда сочинений богословского, догматико-полемиического характера (надо полагать, что по совету Фридриха Великого Екатерина II пригласила его в Россию как выдающегося ученого).

В беседах с Евгением Булгарским Тимотэ Габашивили затронул вопрос о родстве грузин и древнейшего населения Испании. Сведения об «испанцах» дважды включены в редакции В и С «Путешествия» Габашивили.

В сочинении Тимотэ приведены во многих отношениях интересные сведения. Отметим лишь наиболее важные из них.

Тимотэ Габашивили, жившему в XVIII веке, было хорошо известно возникшее в прошлые века мнение о родстве грузин и испанцев («прочитал я в наших письменах»). Таким образом, в Грузии того времени еще не ослабли и не угасли отголоски прошлых веков о связи между европейскими и азиатскими иберами.

По мнению Тимотэ, «грузины» и «испанцы» — синонимы. Такая взаимозаменяемость этнонимов симптоматична и, безусловно, отражает мнение общественности того времени. Так, например, большой грузинский ученый и видный деятель того же века Антон I (Багратиони) вместо «Иверии» употребляет термин «Испания».

Как известно, традиция поддерживала мнение об исторической идентичности Грузии и Испании. Вспомним, например, что в древних переводах, выполненных в Афонской лавре, вместо «Испании» употребляется слово «Иверия», а вместо «Грузии» — «Испания».

Синонимичность грузин и испанцев признает и ректор академии («...царя Испании называли грузином»).

¹ «Путешествие Жана Шардена в Персию и страны Востока (Сведения о Грузии)». Перевод с французского, исследование и комментарии М. Мгалоблишвили. 1975, Академия наук Груз. ССР. Комиссия по иностранным источникам о Грузии, с. 319 — 350 (на груз. яз.).

Ректор Афонской академии Евгений Булгарский подтверждает родство грузин и испанцев («их (испанцев) царь и князья — родом из грузин»). Евгений Булгарский ставит вопрос о миграции: грузины переселились в Испанию, а затем, «после того как опять размножились испанцы, отправились испанцы в Грузию». В результате этого движения «племена грузин и испанцев называются одинаково. И поэтому толкователи изменили их названия». Сведения о родстве грузин и испанцев Евгений Булгарский собрал из древних письменных источников.

* * *

В связи с миграцией древних иберийцев выдвинут ряд гипотез. Прежде всего вспомним взгляды древнегреческих и древнеримских авторов о движении европейских и кавказских иберийцев в историческом прошлом. Конечно, их понимание передвижения этнических групп лишено убедительности и не выходит за рамки предположений. Как мы видели выше, некоторые авторы называют даже конкретные причины миграции (подразумеваем переселение европейских иберов на Кавказ) — такие как землетрясения, походы Навуходоносора и других. О происхождении кавказских иберов с Пиренейского полуострова говорят Мегасфен, Евсевий, Ксантопулос, Перизет, Евстафий, Сократ Схоласт, Аталиат и другие. О переселении пиренейских иберийцев с Кавказа высказывают предположение Варрон, Плиний Великий, Присциан, Максим Исповедник, Георгий Мтацмидели и другие.

Соответствующие контексты из сочинений этих авторов приведены выше. В связи с вопросом о первоначальном местоположении западных иберов (гесп. басков) предположения об их миграции высказывали известные языковеды и историки

Величайший немецкий лингвист Вильгельм Гумбольдт, оставивший фундаментальные труды по баскологии, отмечал, что иберы (гесп. баски) ушли с Кавказа на запад через Малую Азию.

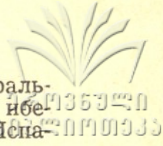
Французский ученый Бодримон в своем труде «История басков» (1867) указывал, что западные иберы переселились с Кавказа и свое новое место обитания назвали Иберией.

Филипон считал иберов азиатским племенем. По его предположению, они перебрались в Европу через северные районы Малой Азии (1909). Филипон полагал, что, когда племя иберов появилось на Аппенинском полуострове, оно разделилось на две ветви: одна волна осела в Италии, вторая (иберы) вторглась в Галлию и овладела Лигурией, и с двух сторон Пиренейского хребта они напали на Пиренейский полуостров. Пиренейский полуостров тогда был занят пришедшими из Африки тартесами — носителями эгейской культуры. Постепенно произошла иберизация этого края. Филипон главным образом основывался на данных топонимики и ономастики.

Опираясь на топонимические материалы, вопроса миграции иберов коснулся также Гонгора-Мартинец (1925). Как он полагает, иберы преодолели границы Кавказа и через Европу проникли на территорию Пиренейского полуострова.

Н. Марр считал иберов и басков первоначально родственными яфетическими племенами. Миграцию иберийцев в западном направлении он предполагал по двум путям: один — к югу от моря, по направлению к Малой Азии и островов Средиземного моря; другой — по северному матерiku, вдоль северного побережья Черного моря и по югу Европы. В одной из работ Марра показан следующий путь миграции басков. Ванский район — бассейн Куры и Риони — восточное побережье Черного моря; у Сухуми они покидают Кавказ, чтобы в конце концов оказаться на Пиренейском полуострове, опять-таки по соседству с теми иберами, которые переселились туда ранее и с которыми они жили бок о бок сначала в Малой Азии, а затем на Кавказе. Правда, не совсем ясен маршрут иберов — лежал ли он по морю (к югу) или же был сухопутным (к северу), но на основе некоторых бытовых элементов и протоисторических памятников материальной культуры можно полагать, что пиренейские иберы были связаны с восточными островами Средиземного моря, где могли временно остановиться иберы, вышедшие из Малой Азии. Они, несомненно, были в Каире и Сицилии (географ Эфер доказывал, что иберы являются первыми обитателями Сицилии). Сицилия — если допустить путешествие по морю — могла быть последним этапом движения (переселения) иберов по направлению к Испании.

Такова предположенная академиком Н. Марром гипотеза. Теория миграции Марра (с 1922 г.) вообще необоснованна, но в связи со стадийной классификацией языков он все же говорил о выходе народов и языков из Средиземноморья, хотя уже не называл это миграцией.

По словам Франсуа Дюурка, первыми обитателями Западной и Центральной Европы являются переселившиеся с востока (с Кавказа) яфетические иберы — их дальние потомки и поныне населяют семь провинций басков в Испании и во Франции (1935).

Можно было бы назвать и других ученых, которые признают возможным переселение иберов из Грузии на Пиренейский полуостров, но о них мы распространяться не станем, поскольку каждый из них довольствуется только декларативными заявлениями.

Наконец, в связи с вопросом миграции познакомимся со взглядами профессора Рене Лафона.

Рене Лафон подчеркивал неубедительность предположения о том, что языки Средиземноморья принадлежат к большой семье языков, которая была распространена от Кавказа до Пиренеев и большая часть которой была поглощена усилившимися индоевропейцами. Следы этого должны были бы сохраниться где-то на огромной территории, расположенной между этими двумя крайними точками. До сих пор таких следов не обнаружено. Поэтому трудно предполагать, — продолжает Лафон, — что от Кавказа до Пиренеев были распространены этнические группы, принадлежавшие к одной языковой семье. Осталась гипотеза миграции: из Малой Азии или какого-либо соседнего района двинулась волна народа по направлению к Пиренеям. Лафон говорит, что поскольку ранние баскские формы были распространены в окрестностях Перпиньяна и Нарбонны, а подобные баскским географические названия, начиная с античной эпохи, отмечались в юго-восточной и южной Испании, естественно предположить, что иммигранты — основатели двух «илиберров», или двух баскских «новых городов», — прибыли морем, но миграционная гипотеза не доказывается одними только языковедческими данными. Следует привлечь также данные истории и археологии. Испанские археологи выяснили, что в эгейскую эпоху жители восточного побережья Средиземного моря оказали влияние на Испанский Левант и на южное побережье Иберийского полуострова. Это, однако, наводит на серьезные размышления и является важным моментом для решения нашей проблемы. Пренсторические и протонсторические археологические и эпиграфические исследования, проводимые в Испании, а также археологические раскопки во Франции (в районах Энсеруно, Нарбонны и Перпиньяна), по всей вероятности, позволят выявить надежные материалы с интересующей нас точки зрения.

Таков ход мыслей известного басколога и картвелолога в связи с поставленным вопросом.

Здесь же нужно добавить, что вообще для углубления основ баскско-кавказской теории следует уделить большое внимание выявлению данных археологии. С этой точки зрения особый интерес представляет существование определенного типа древнейших (каменного века) захоронений (гробниц) или дольменов, с одной стороны, на Пиренейском полуострове, а с другой — на Кавказе (в Абхазии...). Как убеждают нас проводимые исследования, ранние дольмены Пиренейского полуострова особенно приближаются к кавказским памятникам. Дольмены такого типа близки друг к другу и по характеру своего инвентаря. Предполагается, что поскольку древнейшие кавказские дольмены проявляют поразительную близость к памятникам местобитания басков, то вполне возможно, что это движение должно было начаться именно оттуда (с запада)¹. На Кавказе эти пришельцы в основном входят в контакт с племенами — носителями майкопской культуры. Связь черноморской мегалитической культуры с баскским миром, естественно, требует глубокого исследования и вообще проведения археологических раскопок в широких масштабах.

Следует также учитывать с интересующей нас точки зрения данные антропологии. Исключительно важно, что генезис аборигенного населения Кавказа непосредственно связывается с вопросом происхождения индосредиземноморской расы, а это имеет первостепенное значение для баскско-кавказской теории.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА И ЯЗЫК БАСКОВ

Баски сами себя называют «эвскалдунаками», что дословно означает — «народ, говорящий по-баскски». Баскский язык называется «эвскара», «эвскера», «эвскара» и т. п. Французы для обозначения этого народа и языка употребляют

¹ В. И. Марковин. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974. В связи с этим см. также: О. Джапаридзе. К вопросу этнической истории грузинских племен (по данным археологии). Тб., 1976, с. 303—305 (на груз. яз.).

термин «баск» (Basque), испанцы страну басков называют «Васконией» (Vasconia, или «Las Provincias», или еще проще «Provincias»), население же «Los vascos» («Los vascogados»), язык — «vascuence» или «vasko». Басков называли и баскочцами; отсюда название провинции Гасконья. Басков называют также басконами. Отсюда название провинции — **Баскония**.

Баски в основном живут в Испании, во Франции, в Латинской Америке. Они расселены в западной части Пиреней по обоим склонам Кантабрийских гор и по южному побережью Бискайского залива. Французско-испанская граница, которая проходит по гребню Пиренейских гор, делит территорию басков на две неравные части. Южная, большая часть находится в пределах Испании, а северная — во Франции.

В Испании баски занимают следующие провинции: Бискайя (главный город — Бильбао), Гипускоа (главный город — Сан-Себастьян), Алава (главный город — Витория), Наварра (главный город — Памплона).

Во Франции районы басков: Лабур, Суль, Нижняя Наварра, входящие в департамент Нижние Пиренеи (с главным центром — г. Байонна). По административному делению Испании провинции Бискайя, Гипускоа и Алава образуют область, носящую название «страна басков» или Баскония (Vascongades, Vasconia), по-баски — Эускади. Это — исторически сформировавшийся национальный край в Северной Испании, на берегах Бискайского залива с главным городом и портом Бильбас.

Помимо Басконии, в Испании существуют и другие исторически сформировавшиеся области, как то: Андалузия, Арагон, Астурия, Галисия, Каталония и другие. Каталонцы и галисийцы — народы неиспанского происхождения.

В Испании живет до 800 тыс. басков (по данным 1972 г.), во Франции — до 130 тыс.

Кроме Франции и Испании, баски живут в Америке (250 тыс. чел.). С XVI—XVII вв. баски группами переселялись из Басконии в Америку, где становились местными жителями. Потомки старых эмигрантов сливались с местным населением, и поэтому мы не находим их в описании этих народов. Число более поздних эмигрантов на Американском континенте достигает десятков тысяч. Они расселены главным образом в Аргентине (50 тыс. чел.) и в Бразилии (30 тыс. чел.), а также в других областях Южной Америки, в Мексике (10 тыс. чел.) и в Соединенных Штатах Америки (10 тыс. чел.).

В Южной Америке, в Монтевидео и Аргентине, баски имеют свою прессу и национальные организации. Эта группа басков переселилась в 1865—1871 годах, главным образом в результате падения республики и подавления автономного движения в Басконии. Еще раньше вследствие экономического кризиса в Испании в XVI—XVII вв. и ухудшения условий жизни (что повлекло за собой политический крах Испании и восстания в Бискайе и других местах) из Басконии двинулась большая волна басков и поселилась в Мексике, где одну из провинций называли даже «Новая Бискайя». Размещение басков в Испании и во Франции в средние века было несколько иным. Территория басков примыкала к р. Эбро, что нашло отражение и в топонимике (**Эчаберри**, **Баигорри**, **Бенагорри** и др.). От р. Эбро граница басков спускалась к дельте Арагона, отсюда проходила к Уэску, сворачивала на север и приближалась к Барбастро, отдалялась от расположенного на севере Грауса; вновь спускалась к югу у Монсона, а отсюда шла в северо-восточном направлении. Начиная от Арагона эта граница отдалялась к северу от Эбро. Именно эта последняя часть границы шла параллельно римской дороге, и таким образом очертания границы басков были в некотором роде обусловлены влиянием Рима или римской культуры. Римская цивилизация же распространилась еще раньше к северу, в Арагонской низменности. Этот край долго называли Романсадо, то есть романизированной страной.

Здесь же следует заметить, что в вышеперечисленных районах, населенных басками, не говорят сплошь на баскском языке. Так, например, в Наварре на этом языке говорит меньше половины населения, а в Алаве — одна десятая. Интересно знать также, что в 1608 году в стране басков жило 201.515 человек, а в 1714 году — 17.935 человек. По сведениям Бонапарта, в 1873 году по-баски говорило в Испании 660 тысяч, а во Франции — 140 тысяч человек. К 1930 году количество басков в Испании составляло 440 тысяч, во Франции — 200 тысяч, 100 тысяч басков жило в Южной Америке.

Баски — древнейший народ Европы. Они жили в Пиренеях задолго до того, как там поселились европейцы. В наши дни баски на Западе являются одним из древнейших племен неевропейского происхождения. Баскский язык — единственный из древнейших языков неиндоевропейского типа в Европе. Баски занимали обширную территорию на Пиренейском полуострове (о чем свидетельствует топонимика этого края), однако уже в далеком историческом прошлом их оттеснили к горам. Римлянам не удалось ассимилировать басков, тогда как остальные иберийские племена на Западе не смогли избежать рома-

низации и навсегда слились с латинянами. Баски устояли против набегов вестготов и арабов и сохранили фактическую независимость в беспощадных, неравных боях. Таким образом, племя басков словно с помощью какой-то чудодейственной силы избавилось от угрозы этнологической ассимиляции и живет в наши дни как единственный остаток переднеевропейского населения Апеннинского полуострова, сохранивший свою национальную самобытность, свой язык.

«Трудно написать внутреннюю и внешнюю историю этого языка, поскольку не существует ни одного древнего документа о нем» (Родней Гэллоп). Поэтому древнейший период истории басков остается покрытым тайной. Не сохранили сколько-нибудь обильных материалов и новые века, хотя все же по скудным и отрывочным сведениям удается восстановить героическую историю этого легендарного народа на протяжении двух последних тысячелетий¹.

Выше мы говорили о том, что в науке ведется серьезная и длительная полемика о первоначальной родине басков и об их происхождении. Часть ученых считает, что баски — это потомки местного населения западных Пиренеев эпохи неолита: другие же придерживаются теории миграции и полагают, что баски пришли с Кавказа. Ряд исследователей утверждают, что родиной басков была Северная Африка. Были и такие авторы, которые заявляли, что баски происходят из Южной Америки; наконец, возникло даже мнение о том, что баски переселились в Европу из легендарной Атлантиды.

Правда, некоторые ученые отрицали родство басков и иберов (басков считали только обособленно стоящим племенем в составе Пиренейской Иберии), но все же немало сторонников имеет и та точка зрения, согласно которой баски по крови — иберы и что в наши дни их следует считать единственными потомками древних иберов. Высказано предположение, что французские баски частично происходят от аквитанцев, которые этнически были близки к иберам (они проживали в юго-западной Галлии, между р. Гаронной и Пиренеями). Сами баски считают, что их непосредственными предками были кантабры (одно из племен древней Иберии), которые в свое время прославились в войнах с римлянами (II—I вв. до н. э.). Затем они навсегда покорились римлянам и утратили свой национальный облик. Вместе с тем непосредственными предками басков называют каристийцев, вардулов и автригонов, живущих на современной территории басков, и главное — васконцев, которые во времена господства римлян владели Наваррой. Затем васконцы подчинили своей власти родственные племена в Алаве, Гипускоа и в Бискайе, и эти этнические группы приняли наименование своих захватчиков. Позднее, в VI веке, васконцы захватили часть Аквитании, и таким образом их название — уже в виде *гасконцев* — распространилось и на севере Пиренеев.

С I века до н. э. до середины V в. в Басконии господствуют римляне. Со второй половины V в. до VII в. они подчинялись вестготам. Когда Испанию захватили арабы (VIII в.), баски с большими усилиями сохранили политическую независимость (маврам не удалось проникнуть в горы Кантабрии).

Карл Великий — император франков — решил изгнать мавров из Сарагоссы и с этой целью в 777 году направил в Испанию большую армию, но Сарагоссу взять не сумел. Зато франки, пройдя по Пиренейскому полуострову, разграбили многие города, и в том числе древнюю столицу басков Памплону. Через некоторое время, 15 августа 778 года, арьергард войска Карла Великого направился из Испании на родину. Озлобленные баски решили отомстить франкам и вступили с ними в бой в Ронсевальском ущелье, где окружили и истребили их до единого. Историки литературы полагают, что во всемирно известной поэме «Песнь о Роланде» в эпической форме описано именно это историческое событие.

На протяжении веков баски получали от испанских (настильских) королей право фуэроса (самоуправления). Их территории назывались «особыми провинциями»². Начиная с IX—X веков до второй половины XIX века баски твердо сохраняли свои фуэросы. В средние века у каждой баскской провинции был собственный фуэрос, и управление поручалось ассамблее, которую избирали при участии большинства населения. Для участия в ассамблее в городах, деревнях и сеньориях выбирали депутатов; для решения же особо важных дел, ко-

¹ О новой истории басков см.: И. Трайнин. Баски в борьбе за свою национальную независимость, 1937; «Народы зарубежной Европы», ч. 2. Москва, 1965 (Ниже мы основываемся главным образом на этих работах).

² Фуэросы — королевские акты, в силу которых провинциям и городам придавались особые права, гарантии и привилегии. Главным и существенным в баскских фуэросах было то, что населению той или иной провинции или города предоставлялось право назначать из своего круга судей и полицейские власти, т. е. они составляли своего рода самоуправление. Кроме того, эти районы не входили в пошленные границы Франции.

торые касались всех провинций, собирали национальное собрание в городе Гернике (центре баскской культуры, находящимся вблизи Бильбао. Это — та Герника, которую разгромили варвары нашего времени — фашисты). Именно с этим маленьким городом связаны древнейшие национальные традиции басков. Здесь, в низине, у маленькой церкви, на берегу маленькой речки возвышается старый дуб — «священное дерево» («древо фуэро, достоинства и почитания»). По преданию, под этим «священным дубом» на протяжении веков собирались баски и обсуждали насущные общественные вопросы — начиная с тех времен, когда у них еще не было письменного законодательства. Сюда приходили и цари басков советаться и приносить присягу.

С течением времени фуэрос изменялся в деталях, но суть его оставалась неизменной: король не имел права землевладения и строительства в Басконии, жителям Басконии не поручалось содержание армии и флота, баски освобождались от воинской повинности, местные муниципалитеты не зависели от центральной власти и свободно решали свои финансовые дела, в торговле запрещены были монополии. Еще в XIX веке в Басконии существовала своя система пограничных пошлин; каждый новый король Испании, прежде чем взойти на престол, должен был прибыть в Гернику и под священным деревом клятвенно подтвердить фуэрос. Если король не давал клятвы, баски отказывались платить налоги. В XVI в. северная (нижняя) Наварра была выделена династией французских королей Бурбонов. В начале века кастильский король Фердинанд Католик завоевал южную (верхнюю) Наварру. (Начиная с X в. она считалась независимым королевством и политически всегда была обособлена от баскских провинций). Таким образом край басков оказался поселенным между Францией и Испанией. Северные районы басков вошли в состав Франции, южные же на рубеже XV—XVI веков оказались в границах государственного объединения Испании, сохранив при этом вплоть до XIX в. самоуправление (фуэрос).

Во Франции в результате быстрого экономического роста в процесс развития производства и торговли были вовлечены и представители национальных меньшинств. Внутри государства постепенно стиралась этнические границы. В 1789 г. фуэрос был отменен, и хотя традиции племенного строя некоторое время сохранялись в народном сознании, но к середине прошлого века они были забыты окончательно. Начиная с этого времени политическая жизнь Сульской, Лабурской и Наваррской провинций, которые были объединены в Нижне-Пиренейский департамент, не отличалась от политической жизни остальных частей Франции.

Что же касается общественного строя баскских провинций Испании, то в этом отношении они существенно отличались от других испанских областей. Еще в конце XVIII в. осуществлено было перераспределение общинных земель. До конца века пастбища, леса и различные земли представляли только общинную собственность. В общины объединялись группы деревень, а иногда и города, административно и экономически связанные с близлежащими деревнями.

Продолжение следует

САГА О РЕВОЛЮЦИОНЕРАХ

18 АВГУСТА 1862 года председателю совета кавказского наместника князю Георгию Орбелиани была направлена секретная депеша следующего содержания: «Согласно постановлению следственной комиссии... имею честь покорнейше просить Ваше сиятельство о приказании арестовать учителя Кубанской войсковой гимназии коллежского ассессора Николая Ильича Воронова и, по опечатании всех бумаг, какие при нем будут найдены, доставить его вместе сими бумагами, под присмотром, в Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии».

Спустя месяц и шесть дней — 24 сентября того же года Орбелиани сообщил в Третье отделение: «Я получил сведения, что бывший учитель Кубанской войсковой гимназии Воронов прибыл в Тифлис по билету орловской городской полиции за № 2298. Приказав арестовать Воронова и отправить его в сопровождении двух жандармов в Петербург, в Третье отделение... я имею честь уведомить об этом Ваше сиятельство и препроводить найденные при Воронове бумаги».

Оба эти документа, хранящиеся ныне в государственных архивах, приведены автором книги «Цебельдинская находка» (Издательство политической литературы, Москва, 1976) — лауреатом Государственной премии СССР, доктором исторических наук профессором И. П. Лейберовым — в первой же ее главе, названной «Связной Искандера».

Таков зачин этой весьма любопытной работы, о которой в редакционном предисловии вполне резонно говорится, что это — «не просто историко-революционная хроника Вороновых. Это широкое и оригинальное историческое исследование об участии демократической интеллигенции в революционном движении начала 60—70 гг. прошлого века».

Не согласиться со сказанным нельзя. Но книга И. П. Лейберова куда более емкая. Богатейший архив Вороновых, хранившийся в их доме в селе Цебельда близ Сухуми и обнаруженный несколько лет назад ее автором, не просто находка, но находка бесценная. Ее содержимое, накопленное почти за полтора столетия, и послужило остовам этого интереснейшего повествования. При-

веденные в книге живые человеческие документы — письма, дневники, записные книжки, блокноты, фотографии, а также различные издания с соответствующими пометками и надписями, со скрупулезной тщательностью, научной добросовестностью и точностью дополненные и уточненные необходимыми сведениями, пояснениями, комментариями, неизмеримо расширяют рамки этого исследования, посвященного автором революционной интернациональной дружбе русского, грузинского, армянского и абхазского народов. Но книга И. П. Лейберова не только посвящена этой дружбе — она раскрывает всю ее мощь, значение, красоту и благородство в самых различных конкретных проявлениях на протяжении многих и многих лет. Четыре поколения Вороновых как эстафету передавали одно другому и завет хранить эту дружбу, и верность революционным традициям, и дух борьбы за высокие человеческие идеалы.

Нельзя без волнения и восхищения читать выдержки из мастерски использованных И. П. Лейберовым поразительных свидетельств причастности представителей этой хотя во многом и типичной для демократической интеллигенции прошлого и начала этого века, но все же удивительной и даже в каком-то смысле уникальной семьи к революционному движению, к участию в свершении социалистической революции и борьбе за сохранение и внедрение ее завоеваний. Глубокий интеллект, непоколебимая идейность, высокий настрой чувств и мыслей этих людей, их бескорыстие, трудолюбие, туга к знаниям, любовь к родине, ее природе, особая теплота и искренность в отношении к родным и близким, верность в дружбе, преданность делу не могут не возгорять, не вызывать ответного порыва, гордости за них.

Именно эти прекрасные человеческие качества, проявляющиеся на фоне истории революционных связей между Петербургом и Кавказом, в частности и Грузией, придают этому, казалось бы, строго научно историческому исследованию особое обаяние.

Несмотря на предельную насыщенность фактическим материалом, строгость и сжатость изложения, книга читается как беллетристическое произведение благодаря четко, детально и последова-

тельно прослеженной истории семьи Вороновых, начиная с ее главы Николая Ильича, который и был связным «Искандера» — Герцена, подарившего ему трость красного дерева с набалдашником из слоновой кости со скрытой в ней шпагой. Кстати, именно благодаря упоминанию этой трости, бережно хранимой потомками Воронова как семейная реликвия, в книге абхазского историка В. Пацулиа «По древней, но вечно молодой Абхазии» И. П. Лейберов и наткнулся на свою цебельдинскую находку. Чутье историка подтолкнуло его к этому факту, привело к правнуку Николая Ильича Воронова — Юрию Воронову, старшему научному сотруднику Сухумского научно-исследовательского института туризма, кандидату исторических наук. Отсюда и потянулась ниточка к вороновскому семейному архиву, знакомство с которым, изучение которого вылилось со временем в очерк «Ясочка — почтовый ящик революции», напечатанный во втором, третьем и четвертом номерах «Литературной Грузии» за минувший год, а затем в книгу «Цебельдинская находка».

Документальность и научность в самом подлинном и лучшем смысле этих понятий в сочетании с публицистичностью, основанной на живом поиске, дают неожиданный эффект. После прочтения книги, прежде всего обогащающей в хозяйственно-воспитательном плане, остается ощущение соприкосновения, сопричастности, сопереживания с пледой замечательных людей большого сердца и пледой души, истинных демократов и революционеров.

Эта документально оснащенная и публицистически заостренная сага о Вороновых поднимает огромный временной пласт, насыщенный событиями эпохального значения, населенный множеством исторических личностей самого разного масштаба. Но среди изобилия явлений и лиц исторического размаха не затерялись, не стерлись, как это нередко бывает в потоке общих мест, нивелирующих всякую самобытность, ни индивидуальность каждого из них, ни даже, казалось бы, самая незначительная, хотя порою на редкость выразительная, о многом говорящая деталь.

Дыханием эпохи пронизано все повествование, стройность которого облегчает восприятие материала огромной концентрации. Деление на главы и подглавы, само название которых («Верность идеалам», «Путь в революцию», «Курсы революции» и т. п.) свидетельствует об идейной направленности, пафосе и содержательной стороне изложения, ведет читателя от веки к веку как в жизни всей страны, так и нескольких

поколений Вороновых. Их путь в революцию, которой они без остатка отдали все свои силы, знания, помыслы и чувства, а в конечном счете и жизнь, последовательно прослеженный, со всей убедительностью показывает величие и силу идей, ради которых они передавали из поколения в поколение эстафету верности и служения главному делу своей жизни.

В подтверждение этого приведу выдержку из дневника дочери Николая Ильича Воронова — Людмилы. Относится эта запись к началу 1918 года и помещена в заключающей книгу главе — «Жизнь, отданная революции».

«А у меня откуда-то из недр «моего я» поднимается музыка и звенит, звенит... Это отзвуки того моря и бури, в которой кипят сейчас волны истории... От феодального и капиталистического строя наша революция, великая революция не оставит камня на камне, это крест и над «вишневыми садами» (то есть дворянскими гнездами. — И. Л.), и над властью Марковых вторых (курский помещик, черносотенец, приобрел известность своими погромными речами в Государственной думе. — И. Л.). А у меня гремит музыка и подхватывает волна и дает грудь, как когда-то, тогда в «наши героические времена» (то есть в 1905—1907 годах. — И. Л.).

...Как мала, как ничтожна жизнь отдельного человека в сравнении с великой революцией и как хочется жить, чтобы охватить до конца эту бурю и отдать ей себя».

И таковы все Вороновы. Все истинные рыцари революции, с которыми самыми теснейшими узами дружбы, общения, совместной деятельности они были связаны.

Так возникает в книге образ В. И. Ленина, а также образы его соратников, о деятельности которых узнаешь мало из вестные факты.

Но оценка фактической стороны работы И. Л. Лейберова, анализ ее достоинств, а возможно, и каких-то недочетов с научных позиций — задача специалистов, историков. Цель же этого краткого отклика — привлечь внимание читателей к серьезной, глубокой, интересной книге, воспринимаемой в преддверии наступающего 60-летия Октября особенно остро. Едва в ней через посредство своего семейного архива честные, добрые, умные и мужественные люди, какими предстают перед читателем все Вороновы, говоря словами самого автора, «донесли до нас, до нашего времени дыхание истории, дыхание революции, дыхание десятков и сотен революционеров, их мечты и планы...».

Л. ТИХОНОВА

Сдано в набор 27 апреля 1977 г. Подписано к печати 8 июня 1977 г.
6 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 70×108/16.

Заказ № 1505

Тираж 7050

УЭ 01584

საგარეო ურთიერთობების
სამსახური
№ 402
27. VI 18 77
საგარეო ურთიერთობების
სამსახური

26-77

77-402
ქართული
ბიბლიოთეკა

Цена 40 коп.

ИНДЕКС
7617

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
საქ. კპ ცკ-ის გამომცემლობა